

МОЛДАВСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИЗВЕСТИЯ

Молдавского филиала
АКАДЕМИИ НАУК СССР

№ 5 (25)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МОЛДАВИИ
КИШИНЕВ * 1955

11-158
МОЛДАВСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИЗВЕСТИЯ

Молдавского филиала
АКАДЕМИИ НАУК СССР

№ 5 (25)

СССР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МОЛДАВИИ
КИШИНЕВ * 1955

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ответственный редактор — действительный член Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина, доктор геолого-минералогических наук *Н. А. Димо*.

Зам. ответ. редактора — доктор биологических наук *А. И. Ирихимович*.

Члены редакционной коллегии:

кандидат исторических наук *Я. С. Гросул*,
кандидат биологических наук *С. М. Иванов*,
доктор биологических наук *В. Н. Андреев*,
кандидат биологических наук, профессор *Д. А. Шутов*,
кандидат сельскохозяйственных наук *А. А. Петросян*,
доктор сельскохозяйственных наук *П. В. Иванов*,
кандидат технических наук *Р. Д. Федотова*,
кандидат филологических наук *А. Т. Борц*,
кандидат исторических наук *Н. А. Мохов*.

Редактор выпуска —

доктор исторических наук *Т. С. Пассек*

Секретарь —

кандидат исторических наук *Э. А. Рикман*.

П 13988
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
А. Н. Киргизской ССР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Систематические археологические исследования, проведенные за последние годы на территории Молдавии, в значительной степени расширили наши представления о племенах и народах, населявших в древности междуречье Днестра и Прута, позволили подойти по-новому к разрешению многих проблем истории молдавского народа.

Состоявшаяся в Кишиневе в 1953 г. научная сессия Ученых советов Института истории материальной культуры АН СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, посвященная истории материальной культуры на территории Молдавии, подытожила результаты работ Молдавской археологической экспедиции за 1950—1952 гг.¹

В настоящий выпуск Известий Молдавского филиала АН СССР включены в большинстве исследования, проведенные Молдавской археологической экспедицией в последующие годы (1952—1954).

Выпуск состоит из статей, освещающих древние памятники Молдавии различных эпох. В нем приняли участие археологи Москвы, Киева, Кишинева, а также археологи-краеведы МССР.

В выпуске помещены три статьи, посвященные вопросам средневековья.

Так, статья Г. Б. Федорова (Москва) «Древние славяне в Молдавии» на основании большого археологического материала, добытого раскопками автора в Молдавии, ставит и по-новому решает ряд вопросов о культуре древних славян в бассейне Днестра и Прута. Привлекая сравнительный материал, автор приходит к интересным историческим выводам.

В статье Э. А. Рикмана (Кишинев) публикуются результаты наблюдений, полученные в процессе раскопок на месте средневекового городища Костешты.

Почти совершенно неисследованный вопрос о денежном обращении в средневековой Молдавии разобран на основе анализа большого нумизматического материала в статье Л. Л. Полевого (Кишинев).

Проблемам первого тысячелетия до нашей эры посвящены три статьи в выпуске. Среди них, прежде всего, следует отметить статью А. И. Мелюковой (Москва), в которой публикуются новые материалы раскопок последних лет группы памятников раннескифского времени. Интересны и убедительны выводы автора о принадлежности изучаемых памятников племенам «северной группы древних фракийцев».

¹ Основные доклады сессии напечатаны в «Кратких сообщениях ИИМК АН СССР», вып. 56, М., 1954.

Статьи Г. Д. Смирнова (Кишинев) «Сахарнянский могильник II (Гура Гульбока)» и Р. Л. Розенфельдт (Москва) «Альчедарские курганы» вводят в научный оборот новые археологические памятники скифского времени.

Наименее изученному периоду древней истории Молдавии посвящены в выпуске две статьи Т. Г. Оболдуевой и Г. П. Сергеева.

В статье Т. Г. Оболдуевой (Москва) печатаются материалы раскопок кургана на р. Когильник. Курган этот содержал погребения различных этапов эпохи бронзы. Эти раскопки, тщательно изученные автором, помогли установить новые данные о периодизации культуры эпохи.

Интересна случайная находка нефритового топора в Бульбокском районе, данные о котором публикуются Г. П. Сергеевым (Кишинев). Автор правильно сопоставляет нефритовый топор с известными топорами Бородинского клада, датируемыми серединой второго тысячелетия до нашей эры.

Итогам раскопок, проводимых отрядом первобытной археологии Молдавской археологической экспедиции, в настоящем выпуске посвящены две статьи. Одна из них статья Т. Г. Мовши (Киев) освещает материалы из раскопок вновь открытого энеолитического поселения у с. Солончены I, где в 1953 г. были осуществлены интересные раскопки одного из больших глинобитных жилищ раннетрипольского времени.

Другая статья, Т. С. Пассек (Москва), вводит в научный оборот новые данные о позднетрипольских поселениях, открытых недавно автором в бассейне Днестра на Украине и в Молдавии. На основе изучения этих материалов и сопоставления с другими позднетрипольскими жилищами и погребальными памятниками, известными на обширной территории в бассейнах Днепра, Ю. Буга, Днестра, Прута и Серета, автор ставит и по-новому решает общий вопрос о локальных вариантах позднего этапа развития трипольской культуры. Приводимые данные о позднетрипольских памятниках обобщены в составленной автором археологической карте.

В конце выпуска печатаются материалы к археологической карте нижнего течения р. Черна, собранные местным археологом-краеведом В. И. Маркевичем (Флорешты), и небольшая информация геолога В. В. Дубинова (Кишинев) о находке интересного кремневого орудия из с. Баронча МССР.

Плановые археологические исследования на территории Молдавии начаты сравнительно недавно, однако и они уже позволили в значительной степени заполнить «белое пятно» на археологической карте в междуречье Днестра и Прута. К сожалению, публикация обнаруживаемых в раскопках ценных исторических источников заметно отстает от ежегодно проводимых археологических разведок и раскопок на территории Молдавии.

Выход в свет настоящего выпуска Известий Молдавского филиала АН СССР, целиком посвященного археологии Молдавии, лишь частично заполняет этот пробел, стремясь своевременно ввести в научный оборот некоторые из накопившихся новых ценных источников по древней истории Молдавии и молдавского народа.

Т. С. Пассек

СТАТЬИ

Т. Г. МОВША

ГЛИНОБИТНОЕ ЖИЛИЩЕ РАННЕТРИПОЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ СОЛОНЧЕНЫ I

Среди многочисленных трипольских поселений, открытых Молдавской археологической экспедицией в Поднестровье, важное место для разрешения вопроса о типах и конструкциях раннетрипольских жилищ занимают Солончены I¹.

Поселение находится в урочище Ланцугор, на первой надпойменной, почти ровной террасе правого берега Днестра. Напротив места, где производились раскопки, расположено с. Молокиш, Рыбницкого района. В 1952 г. раскопками Т. С. Пассек здесь обнаружены землянки с характерным для раннего Триполья инвентарем и мастерская по изготовлению кремневых орудий².

В 1953 г., по заданию Молдавской экспедиции, мною были продолжены работы на поселении Солончены I³. При зачистке обнажения берега Днестра, на месте выхода культурного слоя в раскопе IV, в разрезе западной стенки прослежен край площадки. Расширенный на этом участке раскоп, уходящий в глубь террасы, дал возможность вскрыть типичное для трипольской культуры наземное глинобитное жилище, удлиненно-прямоугольной формы, ориентированное по длинной оси в направлении с юго-запада на северо-восток и обращенное узкой стороной к реке.

Жилище залегало в слое суглинка на глубине 1—1,15 м от современной поверхности. Площадь его 88 кв. м (длина 13 м, наибольшая ширина 7 м). Сохранность средняя.

В центральной части жилища и вдоль северной стены обмазка пола почти не сохранилась.

Жилище, повидимому, делилось на две большие хозяйственные камеры, хотя внутреннюю стену, разделявшую их, проследить не удалось. Камеры были, примерно, одинакового размера. В каждой из них у северной стены имелась печь. Вход в жилище, очевидно, был в северо-восточном углу.

В северо-восточной камере, расположенной у самого Днестра, пол около северной стены и в центральной части камеры оставался земляным, а в юго-восточной части он был выстлан одним слоем плиток желтоватого розового цвета с хорошо сглаженной поверхностью. Изредка плитки перекрывали небольшие вальки с отпечатками деревянных плах на обратной стороне.

¹ Поселение было открыто в 1947 г. Т. С. Пассек.

² Тезисы докладов на сессии, посвященной истории материальной культуры на территории Молдавии, М., 1953, стр. 15.

³ В раскопках принимали участие студентка МГУ С. В. Студзинская и фотограф И. Е. Коварская.

Справа от входа находилась печь (рис. 1). Развал ее из сильно обожженной обмазки лилового-желтого цвета залегал компактно на площади $1,9 \times 1,25$ м возвышаясь над уровнем пола камеры на $0,15-0,3$ м.

Основание печи имело неправильно-прямоугольную форму. Массивные плиты обмазки с растительными примесями обрамляли печь с трех сторон, представляя собой, по всей вероятности, остатки ее стен. Сглаженной стороной они были обращены кверху. Обратная сторона их имела глубокие отпечатки широких плах дерева и круглых кольев. Размер одной из плит: $0,08 \times 0,29 \times 0,18$ м, ширина отпечатка деревянной плахи $0,08$ м. Ближе к центру лежали большие бесформенные глыбы ошлакованной обмазки от свода печи, обращенные также отпечатками плах дерева и кольев книзу. Посредине завала была обнаружена обмазка от верхней части свода с округлыми отпечатками лозы.

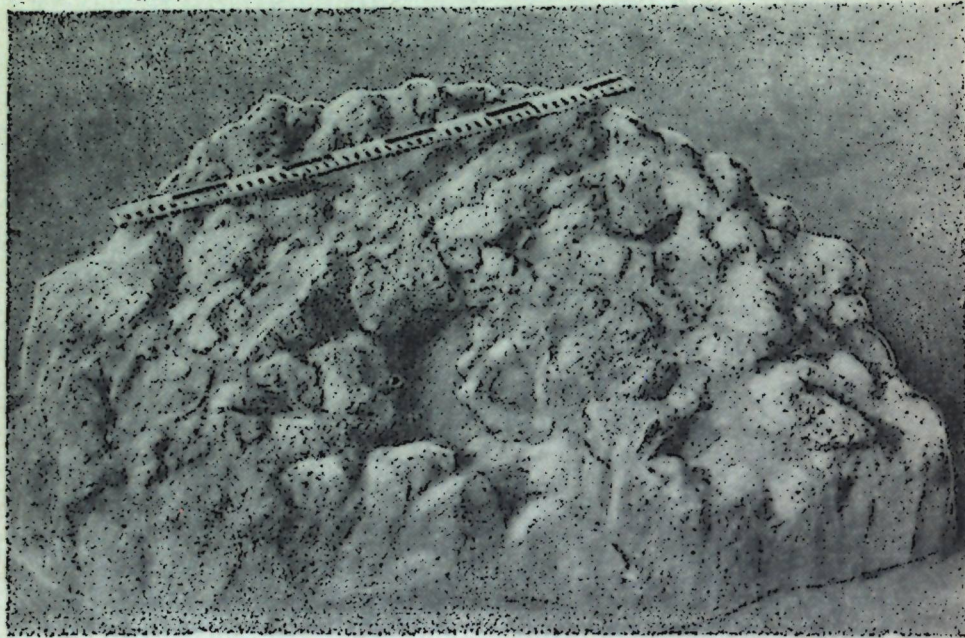

Рис. 1. Печь в северо-восточной камере жилища.

В процессе расчистки удалось проследить устье печи. У восточного края имелась округлая выемка длиной $0,31$ м, шириной $0,35$ м и высотой $0,19$ м. Верхняя часть устья обрамлена овальными хорошо обожженными вальками.

Обмазка печи изготовлена из глины с примесью половы и соломы. Поверхность, прилегающая к отпечаткам плах и кольев, сильно обожжена и часто вспучена. Внешняя поверхность печи неоднократно подмазывалась, на что указывает тонкая отслаиваемая подмазка свода и стен.

Несмотря на то, что печь была хорошей сохранности и развал ее сосредоточен только на том месте, где она находилась в древности, под завалом ее не оказалось характерного для трипольских печей глинобитного пода. Так же, как и в одной из печей на раннетрипольском поселении Ленковцы, под был земляной¹. На нем лежали обломки двух рогов с заполированными от работы концами, ложило из кабаньего клыка, обломок ро-

¹ Е. К. Черныш, Раннетрипольское поселение у с. Ленковцы, КСИИМК, вып. 47, М.—Л., 1952, стр. 48.

говой мотыги с просверленным отверстием, два кремневых нуклеуса, заготовка нуклеуса, обломки керамики, кости животных и несколько плоских камней.

У юго-восточного края печи на завале обмазки найден небольшой обломок торса антропоморфной статуэтки.

Залегание различных частей печи, конструкция устья и его обрамления, наличие земляного пода пополняют наши данные о раннетрипольских печах.

Вокруг печи, на земляном полу, были разбросаны обломки сосудов, кости крупных животных. Последние в значительном количестве располагались у юго-восточной стены печи.

При раскопках этой части жилища сделаны наблюдения о местоположении в трипольских жилищах глиняных статуэток. Близ печи, у южного и западного ее краев, сохранилась небольшая часть хорошо обожженной вымостки из одного слоя плит. На ней найдена глиняная женская статуэтка. Следует указать, что в некоторых жилищах Коломийщины I¹, Луки-Врублевцевой, Сабатиновки II² женские статуэтки также были обнаружены около печей. Аналогичное расположение статуэток у печи передано на модели жилища из Попудни³. Анализируя модели трипольских жилищ, Т. С. Пассек приходит к выводу, что «в трипольском доме, кроме крестообразного жертвенника, установлено то место, где помещался идол — условное женское изображение»⁴. Сейчас это удалось проследить и в процессе раскопок на поселении Солончены I. Во время разборки участка плитчатой вымостки, около западного края печи обнаружена глиняная цилиндрическая головка с конусовидным отверстием внутри, изготовленная из глины, которая содержит растительные примеси.

В северо-восточной камере встречен незначительный инвентарь: отбойник, несколько пожевидных кремневых пластин, скребки на отщепе, часть каменной зернотерки, обломки керамики.

Основное количество хозяйственно-бытового инвентаря было сосредоточено во второй (юго-западной) камере жилища: Пол в северной ее части и в центре, как и в первой камере, оставался земляным. Вдоль южной стены пол был выстлан мощными плитками, образующими возвышение шириной до 2 м, состоящее в основном из двух слоев больших плоских плиток розовато-желтого цвета, лежащих непосредственно одна над другой. Иногда плитки пола лежали в три слоя. Верхний слой плиток имел хорошо заглаженную поверхность; эти плитки изготовлены из глины без растительных примесей. В плитках нижнего слоя имеются значительные следы выгоревших растительных остатков. Плитки нижнего и верхнего слоев хорошо обожжены, в изломе равномерно окрашены, что достигалось, по всей вероятности, только путем обжига на стороне. Размеры плиток $0,3 \times 0,32$ м— $0,35$ м $\times$ $0,25$ м при высоте около $0,10$ м.

За северным краем камеры обнаружены остатки стены в виде обломков рассыпчатой глиняной обмазки желтовато-кирпичного цвета с растительными примесями и отпечатками лозы.

В северо-западном углу камеры находилась вторая печь жилища. На это указывают частично сохранившиеся под и предпечье. Развал печи за-

¹ Т. С. Пассек, Трипольська культура, Київ, 1941, стр. 172.

² М. Л. Макаревич, Статуэтки трипольского поселения Сабатиновка II, Краткие сообщения Института археологии, вып. 3, Киев, 1954, стр. 90.

³ M. Himner, Etude sur la civilisation prémycénienne. Swiatowit. t. XIV (1930—31), Warszawa, 1933, табл. XVI—XVIII.

Т. С. Пассек, Трипольские модели жилища, ВДИ, 1938, № 4.

⁴ Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений МИА, 10, М.—Л., 1949, стр. 97.

нимал большую площадь, растянувшись вдоль западной и северной стен и частично посредине камеры. Внутри завала печной обмазки, под рухнувшим сводом, обнаружены фрагменты трех деформированных сосудов: два из них большие — грушевидной и кратеровидной формы. Некоторые из них прикипели к печной обмазке. Здесь же обнаружено три обломка карниза печи.

Под печи сохранился частично, он состоял из одного слоя очень хорошо обожженных, остеклованных плит. За восточным развалом печной обмазки найдены плиты с закругленным, хорошо сглаженным наружным краем, повидимому остатки предпечья.

Нахождение внутри развала печи разбитых деформированных сосудов, прикипевших к обмазке обломков керамики, а также сильная обожженность обмазки с остеклованной вспученной поверхностью под действием очень высокой температуры дает возможность высказать предположение, что эта печь в жилище служила не только для варки пищи, но и для обжига керамики.

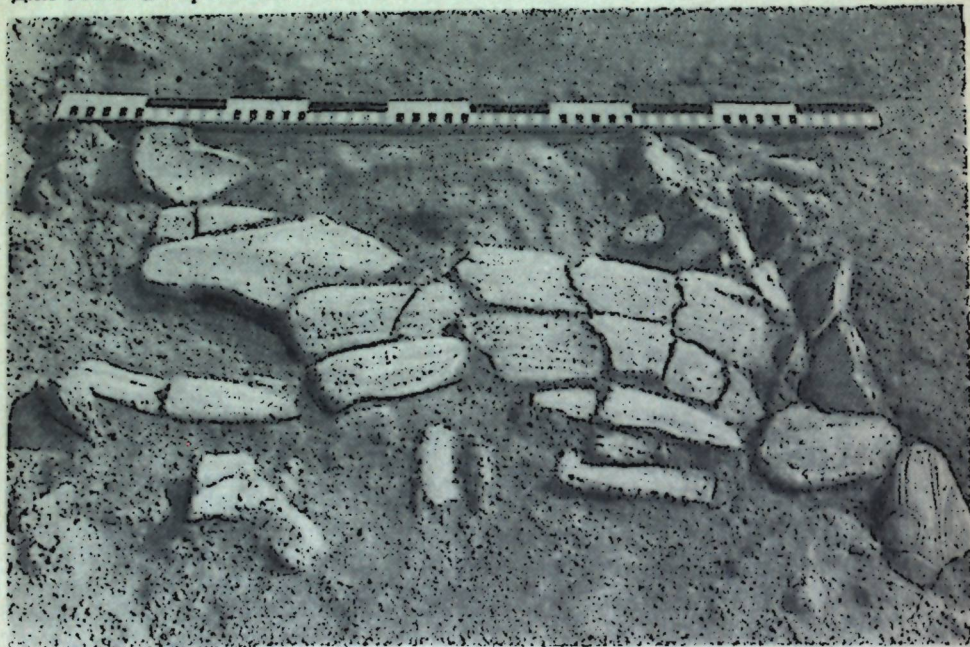

Рис. 2. Глинобитная вымостка (средний слой).

Вокруг печи располагались разбитые сосуды и зернотерки. За северной стеной открыто скопление обломков деформированного большого сосуда — зерновика розовато-красного цвета. Рядом с ним лежала плоская неправильно-прямоугольная зернотерочная плита, разбитая на две части. Близ южного края печи находился нижний камень зернотерки, удлинено-овальной формы, разбитый на мелкие части.

В центральной части юго-западной камеры открыта весьма оригинальная глинобитная вымостка из очень тонких плоских плиток хорошо обожженной глины желтого цвета, содержащей растительные примеси. Остатки ее располагались поперек жилища, образуя своеобразное сооружение, повидимому, прямоугольной формы, ориентированное по длинной оси с северо-запада на юго-восток. Основание вымостки переходило в невысокие стенки-бортики, которые хорошо сохранились в северо-восточном углу и вдоль западного края, достигая высотой до 0,05 м. Вымостка неоднократно перестраивалась и ремонтировалась и при послойной ее разбор-

ке отмечены остатки трех напластований, одинаковых по характеру глиняной массы и функциональному назначению. Лучшей по сохранности оказалась средняя по залеганию глинобитная вымостка (рис. 2). Основная ее часть, расположенная в суглинке, на площади $1 \times 0,45$ м, полностью взята для реконструкции. Под южным краем этой вымостки, на площади $0,25 \times 0,34$ м, были обнаружены аналогичные тонкие плитки обмазки первоначального, наиболее древнего напластования.

Вокруг вымостки и под ней лежали разбитые сосуды. Около юго-западного края стоял сосуд — ваза на полый цилиндрической подставке со сквозными прямоугольными отверстиями. Южнее найдена часть полый подставки другого сосуда. Западнее глинобитной вымостки обнаружен большой разбитый сосуд грушевидной формы с конической нижней частью. Поверхность его сплошь украшена спиральным углубленным орнаментом. Поблизости найдены обломки массивной глиняной крышки с выступающей ручкой. Напротив лежали обломки верхней части деформированного сосуда грушевидной формы. Северо-восточнее обнаружен раздавленный неорнаментированный сосуд из желтой массы, с округлым телом, узким горлом и невысоким отогнутым наружу краем венчика. Интересную группу находок составляют глиняные черпаки. Один из них имеет овальное дно, надбитая ручка его украшена ямочным орнаментом. Внешняя поверхность второго черпака каннелирована.

Ближайшей аналогией описанной вымостки является сооружение, открытое М. Л. Макаревичем на раннетрипольском поселении Сабатиновка II, изготовленное из такой же глиняной массы и интерпретированное им, как культовое¹. Подобные, хотя несколько иной конструкции, глинобитные вымостки, обрамленные округлыми карнизами, — особые культовые места в доме, известны по раскопкам Т. С. Пассек во Владимировке².

Определить назначение описанной глинобитной вымостки, расположенной в центральной части второй камеры солонченского жилища, весьма затруднительно. Возможно она служила рабочим местом, на котором замешивали тесто, приготовляли пищу. Данное предположение подтверждается еще и тем, что и в первой камере встречалась аналогичная обмазка в виде тонких плиток с бортиками по краю.

При раскопках солонченского жилища сделаны ценные наблюдения для освещения идеологических представлений ранних земледельцев. Под жилищем, в разных концах его, найдены глиняная женская статуэтка и четыре миниатюрных сосуда. Фигурка изображена в сидячем положении с откинутым назад торсом, массивной нижней частью туловища и конически слитыми ногами. Углубленный спиральный орнамент, покрывающий поверхность статуэтки, заполнен белой пастой (рис. 3).

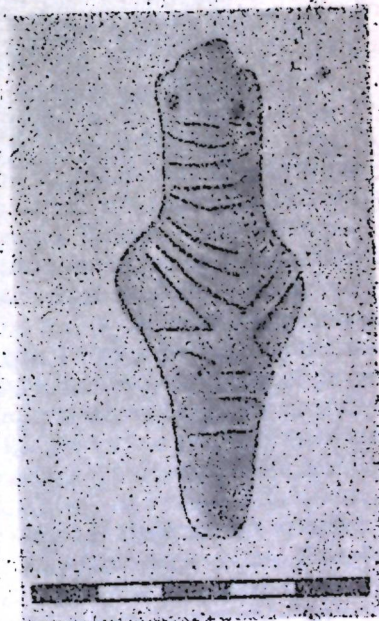

Рис. 3. Глиняная статуэтка, обнаруженная под жилищем.

¹ М. Л. Макаревич, Археологічні пам'ятки УРСР, т. IV, 1952, стор. 91.

² Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений, МИА, 10, М.—Л., 1949, стр. 89.

Под глинобитным полом, в северо-восточной половине жилища, кроме статуэтки, найдено два миниатюрных сосуда, расположенных рядом и обращенных кверху дном (рис. 4). Оба сосуда грушевидной формы. На плечиках одного из них сохранились следы отбитых ушек-ручек. Поверхность второго орнаментирована углубленными линиями, образующими спираль. Под юго-западной частью жилища также обнаружено два маленьких сосуда: каннелированный сосудик в форме горшка и миниатюрный кратер с углубленным орнаментом.

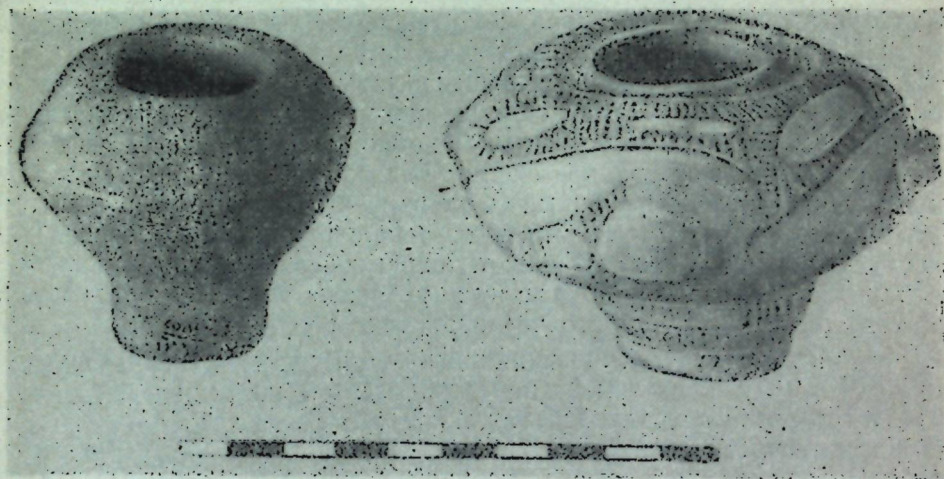

Рис. 4. Миниатюрные сосуды, найденные под полом жилища.

Преднамеренность захоронения женской статуэтки и миниатюрных сосудов под жилищем не вызывает сомнения. Эти предметы были связаны с различными обрядами, совершаемыми в процессе постройки жилища. Захоронение под жилищем женской статуэтки связано с культом плодородия, благосостояния и изобилия в доме. Небольшие сосуды были поставлены, по всей вероятности, для жертвенных приношений пищи. На поселении Коломийщина I под фундаментом жилища № 24 оказался сосуд, наполненный пережженными костями жертвенных животных¹. Под другим жилищем на том же поселении, как и в Солончанах, была найдена женская статуэтка. В Луке-Врублевской, в углублении пола жилища № 5, открыто культовое захоронение ребенка². Аналогичные наблюдения сделаны при раскопках и ряда других трипольских поселений.

Вблизи от жилища, за северным и западным его углами, открыто два рабочих места изготовления кремневых орудий. Здесь были встречены призматические нуклеусы, нуклеидные орудия, крупные отщепы, заготовка наконечника копья. Подобные производственные комплексы обработки кремня были обнаружены в одном из жилищ Луки-Врублевской³. На многослойном поселении Поливанов-Яр открыты кремневые мастерские⁴. В жилище найден весьма разнообразный, богатый хозяйственный инвентарь. Изделия из кремня состоят из нуклеусов удлиненно-конической и призматической форм, нуклеусов-отбойников, отбойников округ-

¹ Т. С. Пассек, Трипольская культура, Київ, 1940, стор. 74.

² С. Н. Бибилов, Поселения Лука-Врублевская, МИА, М.—Л., 1953, стр. 194.

³ С. Н. Бибилов, Указ. соч., стр. 33, 39.

⁴ Т. С. Пассек, Трипольское поселение Поливанов-Яр, КС ИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 62.

лой формы, обломков ножевидных пластин, скребков на отщепах с овальным рабочим краем, реже скребков на пластинках. Имеются ретушер, несколько вкладышей для серпов, заготовка наконечника копья, пикообразные заготовки каких-то орудий. Найдены большие отщепы и мелкие чешуйки кремня.

Особого внимания заслуживает микролитический нуклеус, найденный в культурном слое над площадкой на глубине 0,80 м. Вместе с ним обнаружен небольшой обломок стенки сосуда, украшенного ямочным орнаментом. Эта находка, возможно, неолитического облика призывает нас к более тщательным поискам неолитических памятников на территории Молдавской ССР.

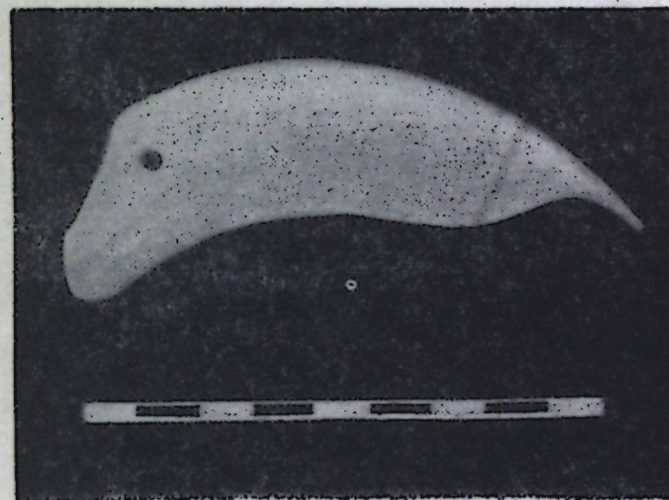

Рис. 5. Проколка из клыка кабана.

Обнаружены сделанные из камня зернотерки, пест, точильный камень. Костяные и роговые предметы представлены наконечником мотыги и двумя обломками мотыг, отрезками рогов с заполированными концами, лошлом, проколкой из клыка кабана (рис. 5) и несколькими расчлененными клыками кабана. Встречены уже известные по раскопкам Луки-Врублевской, Берново-Луки и др. раннетрипольских памятников большая кость со сточенными гранями и фаланга животного с пробитым прямоугольным отверстием, а также две подвески ожерелья из створок раковин с просверленными отверстиями.

Ценной находкой является небольшой рыболовный крючок прямоугоньный в сечении, изготовленный из тонкого медного прутка, обнаруженный в юго-западной (второй) камере под плитчатым возвышением. Это вторая находка медного изделия в Солончанах. До сих пор медные рыболовные крючки известны только по раскопкам раннетрипольских поселений. Два из них обнаружены С. Н. Бибиловым в Луке-Врублевской¹, позже два медных рыболовных крючка были найдены Т. С. Пассек в Берново-Луке² и Солончанах³. Наш рыболовный крючок является пятой находкой в раннетрипольском комплексе. Подобные медные рыболовные

¹ С. Н. Бибилов, Указ. соч. стр. 318, табл. 26. Рис. «и», «к», табл. 27.

² Т. С. Пассек, Раскопки трипольских поселений на Среднем Днестре КС ИИМК, вып. 51, стр. 49, 51.

³ Тезисы докладов на сессии, посвященной истории материальной культуры на территории Молдавии, М., 1953, стр. 15.

крючки найдены в ранних слоях Гумельницы в Румынии¹ на «холме жрецов» в Венгрии и др.

Самую многочисленную группу находок в жилище составляют керамические изделия, разделяющиеся на четыре группы. Первая группа представлена керамикой с углубленным орнаментом. Глина ее содержит примесь шамота. Цвет черепка желтый, темносерый, реже оранжевый. Поверхность хорошо заглажена, часто лощеная. Углубленный орнамент состоит из узких полос, чаще всего двух, пересеченных короткими полосками, реже из ряда полусферических ямок или отпечатков прямоугольного штампа. Иногда углубленный орнамент заполнен белой инкрустацией. Наиболее типичны грушевидные сосуды, открытые чаши или вазы на высоких конических подставках с неправильно-прямоугольными и овальными отверстиями, небольшие горшочки, миниатюрные кратеры, обломки крышек сосудов, антропоморфные ручки от ковшей и др.

Вторую группу составляет грубая кухонная керамика с шероховатой наружной поверхностью и сглаженной внутренней—серого или желтого цвета. Глина плохо отмучена, содержит примеси шамота, изредка растительные. Обжиг часто неравномерный. Ногтевой или ямочный орнамент располагается на венчиках. Наиболее типичными формами данной группы являются: горшок, корчага, грушевидные сосуды, крышки к ним и др.

Третья группа керамики неорнаментирована, по массе близка к керамике с углубленным орнаментом. Поверхность хорошо сглажена. Имеются целые сосуды грушевидной формы, по фрагментам восстанавливаются черпаки.

К четвертой группе относится каннелированная керамика, встречаемая в жилище в значительно меньшем количестве, чем керамика вышеуказанных групп. Поверхности сосудов серого, желтого и розового цвета, хорошо сглажены, масса плотная, обжиг сильный. Имеются тонкостенные сосуды. Часто каннелюры сочетаются с рядами оттисков штампа. Наиболее распространенной формой керамики этой группы являются черпаки и небольшие горшки с сильно отогнутым венчиком, округлыми плечиками и небольшим дном.

При расчистке жилища обнаружены фрагменты четырех глиняных антропоморфных статуэток (с отбитыми головками). Все сильно схематизированные, сидячие, с откинутым назад торсом, с конически слитыми ногами, продольная полоса разделяет ноги. Статуэтка, найденная под полом жилища, украшена углубленным геометрическим и спиральным орнаментом, заполненным, как и на одной из предыдущих статуэток, белой массой.

Наземное жилище поселения Солончены I по комплексу находок относится к группе памятников раннего Триполья. Солончены I схожи с известными раннетрипольскими поселениями — Лука-Врублевская, Берново-Лука, Ленковцы, Лука-Наславча, Озаринцы, Сабатиновка II, Греновка, Извоар I, Гигешти и др.

В результате раскопок 1953 г на поселении Солончены I впервые на территории Молдавии открыто раннетрипольское глинобитное жилище, а не землянки. Конструкция его свидетельствует о высоком уровне развития строительного дела у древнеземледельческих племен Поднестровья еще в раннетрипольский период.

Раскопки в Солонченах подтвердили существование в среднем Поднестровье, на раннем этапе развития трипольских племен, наряду с полуземлянками глинобитных площадок. Они мало чем отличаются от жилищ развитого Триполья. Приемы строительной техники вполне устойчивые. В качестве строительного материала применялись вальки и хорошо

обожженные часто толстые плитки. В южной половине жилища наблюдалась столь характерная для трипольских площадок многослойность плиток, прилежавших одна к другой. В каждой из двух камер описанной площадки находилась большая глинобитная печь. На глыбах сильно обожженной обмазки ее сохранились глубокие отпечатки плах деревянного каркаса. Расположение печей справа от входа в жилище совпадает с их изображением на моделях трипольских жилищ. Около печей обнаружены зернотерки, сосуды, статуэтки.

Следовательно, солонченская площадка в общих чертах ничем не отличается от глинобитных жилищ развитого Триполья и начального этапа позднего (В и С I, по периодизации Т. С. Пассек).

Кроме Солончен I, площадки были прослежены на раннетрипольских поселениях Озаринцы, Красноставка, Ленковцы, Греновка, Сабатиновка II и Ватиловка.

На всех названных памятниках, за исключением Озаринец и Греновки, наблюдается сосуществование жилищ двух типов—площадок и полуземлянок. Такое сочетание построек продолжает бытовать на некоторых поселениях Поднестровья и Побужья и на среднем этапе развития трипольской культуры (Поливанов-Яр, Владимировка). В Луке-Врублевской, Берново-Луке были выявлены только землянки. Может быть эти поселения являются более древними в раннетрипольской группе памятников, чем поселения с площадками и полуземлянками.

Материалы Солончен I схожи со многими находками раннетрипольского времени. Однако характер жилищ, типы керамики и орудия производства поселения Солончены I находят ближайшие аналогии в Сабатиновке II и Греновке—на южном Буге, в Ленковцах—на Днестре.

Таким образом, в раннем Триполье намечаются некоторые локальные различия, подчеркивающие своеобразие отдельных племенных групп.

¹ N. Dumitrescu Fouilles de Gumelnita, Dacia II, pag., 99, des. 74.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй луй Т. Г. Мовша «Локуинцэ ку пэрець де лут динтр'о ашезаре триполике тимпурие дин Солончень»

Сэпэтуриле дела Солончень ау конфирмат пэреря, кэ ын Поднестровие де мижлок ла етапа тимпурие де дизволтаре а нямурилор триполиче, ын афарэ де сэмибордее ерау ши теренурь де лут триполиче, каре се деосэбеск пуцын де локуинциле триполией дизволтате. Ын калитате де материал де зыдире се фолосяу леспезь бине арсе. Ын фиекаре дин челе доуэ камере ла дряпта дела ынтраре се гэся кыте о собэ. Суб локуинцэ ын диферите колцурь але ей ау фост гэсите о статуетэ де лут ши патру vase де миниатурэ. Объектеле естя сынт легате де диферите ритуры, че се сэвыршыау ын прочесул зыдирий локуинций. Карактерул локуинцилор, типуриле керамичий, унелтеле де продучере, гэсите ын ашезаря Солончень I, сынт таре асэмэнэтоаре ку челе гэсите ла Сабатиновка ши пе Бугул де мязэ-зы, ла Ленкэуць—пе Нистру. Астфел, ын Триполие тимпурие се скицазэ о оарекаре деосэбире дупэ локалитэць, каре сублиниязэ спецификал диферителор групе де нямурь дин Триполие тимпурие.

Т. С. ПАСЕК

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОЗДНЕТРИПОЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ НА ДНЕСТРЕ

Одной из задач археологических исследований последних лет в Поднестровье, на Украине и в Молдавии в области первобытной археологии являлось разрешение вопросов периодизации памятников, принадлежавших земледельческо-скотоводческим племенам так называемой трипольской культуры. В ряде работ в значительной степени освещена культура раннего, среднего и позднего периодов развития трипольской культуры в этом районе и выделены локальные особенности отдельных групп трипольских племен. Поэтому особенно важными были раскопки на таких многослойных трипольских поселениях, как Поливанов-Яр, Незвиско, Мерешовка и др. — на Днестре и Печара, Сандраки — в бассейне Южного Буга. На основе этих раскопок стало возможным уточнить ранее созданную периодизацию трипольских поселений на различных этапах развития культуры. Особое внимание при этом было уделено культуре племен позднетрипольского периода на Днестре и взаимоотношению их с соседними племенами эпохи ранней бронзы.

В процессе изучения трипольской культуры, вопрос о позднем ее периоде долгое время оставался неразрешенным. Вместе с тем еще в конце XIX и в начале XX вв. расписные и с веревочной орнаментацией сосуды, характерные для позднего Триполья, были обнаружены И. Я. Стемпковским в раскопках 1896—1900 гг. в ряде курганов на Днестре около г. Тирасполя, у сс. Красногорка, Платовое, Суля, Парканы и др. Аналогичная посуда была найдена Г. Л. Скадовским в 1887 г. в курганах у с. Белозарка, под Херсоном, в 1906 г. — Д. Я. Самоквасовым в кургане у с. Шаболат в низовьях Днестра, и в 1912—1913 гг. — А. В. Добровольским в кургане у с. Красная Слободка около Одессы. Однако эти сосуды из курганов Причерноморья долгое время не были сопоставлены учеными с трипольскими сосудами, известными уже тогда по раскопкам В. В. Хвойко и Э. Р. Штерна и считавшимися привозными, греческого происхождения¹.

В 1935 г. вся эта серия находок, а также керамика из Усатова, была включена мною в группу, характерную для керамики позднего этапа развития трипольской культуры (этап «γ») ². В 1936 г. подобные находки стали известны из раскопок у с. Городска, Житомирской области, которые были сопоставлены с своеобразными находками из раскопок М. Ф. Болтенко и Е. Ф. Лаговойской, произведенных на поселении и в

¹ В. И. Гошкевич, Клады и древности, Херсон, 1902, стр. 143.

² Т. Passek, La céramique tripolienne, Изв. ГАНМК, вып. 122, Л—М, 1935.

курганах у с. Усатово, близ Одессы. Тогда и был поставлен вопрос о Городско-Усатовском этапе позднего Триполья. В исследованиях Е. Ю. Кричевского¹ и в моей книге², посвященной периодизации трипольских поселений, проблемы позднего Триполья и исчезновения трипольской культуры получили свое дальнейшее освещение. Однако, если Е. Ю. Кричевским и мною памятники типа Усатова, Городска и др. рассматривались как принадлежащие к позднему периоду в развитии трипольской культуры, протекавшему на севере (этап «С») и на юге (этап «Г»), то другие исследователи, например, Е. Ф. Лагодовская, после раскопок в Усатове поставила вопрос о том, что в северном Причерноморье обнаружены памятники особой Усатовской культуры³. Однако Е. Ф. Лагодовская в настоящее время стоит на другой позиции, о чем можно судить по недавно опубликованной статье⁴. Так, например, если раньше Е. Ф. Лагодовская в северных памятниках типа Городска видела лишь отражение влияния юга — усатовской культуры, то теперь она пишет, что позднетрипольские племена, с одной стороны, заселяют всю территорию правобережной Украины (а не только северное Причерноморье), а с другой — среди них можно различить несколько культурно-исторических групп (Киево-Софиевскую, Городско-Волинскую, Бугскую, Верхне-Днестровскую). В числе их в степях Причерноморья оформляется одна из племенных групп — Усатовская.

Новая точка Е. Ф. Лагодовской, таким образом, представляется более близкой к высказываемым нами положениям, по которым в бассейнах Днепра, Ю. Буга, Днестра, Серета и Прута, на территориях издревле занятых трипольскими племенами, в поздний период продолжают жить позднетрипольские племена. На всей этой территории и за ее пределами в настоящее время можно выделить несколько локальных, вероятно, племенных групп, каждая из которых имеет ряд общих черт, характерных для позднего Триполья в целом, хотя они и отличаются друг от друга некоторым своеобразием.

Таким образом, по мнению ряда археологов, племена позднего Триполья являются трипольскими по происхождению. Но существует и другая точка зрения, высказанная А. Я. Брюсовым⁵. По его гипотезе позднетрипольские памятники типа Городска и Усатова принадлежат двум различным культурам — городской и усатовской, которые генетически не связаны с трипольской культурой, не находятся на коренной трипольской территории и ведут свое происхождение от культур среднечерноземной и волынско-мегалитической.

Открытие многочисленных позднетрипольских памятников в бассейне Днестра, вдоль всего его течения на Украине и в Молдавии, и нанесение их на археологическую карту позволяет проследить, какие территории были заселены трипольскими племенами в поздние периоды на Днестре.

За последние годы археологи, участвовавшие в Трипольской экспедиции ИИМК АН СССР (1948—1951 гг.) и Молдавской экспедиции ИИМК АН СССР и Молдавского филиала АН СССР (1952 — 1954 гг.), немало внимания уделили изучению памятников позднего периода развития три-

¹ Е. Ю. Кричевский, К вопросу исчезновения трипольской культуры, МИА, № 2, Л.—М., 1941.

² Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений, МИА, № 10, М., 1950.

³ Е. Ф. Лагодовская, Проблемы Усатовской культуры, Наукові записки, Інститут Історії археології України, кн. 1, Київ 1953, стор. 53.

⁴ Е. Ф. Лагодовская, Памятники Усатовского типа, Археології, т. VIII, Киев, 1953.

⁵ А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952.

польской культуры на Днестре. В результате этих исследований в бассейне Днестра обнаружено более 20 пунктов поселений и могильников этого времени, с характерной расписной керамикой городско-усатовского типа и посудой, украшенной веревочным орнаментом. На этих памятниках прежде всего следует отметить керамический комплекс находок, происходящий из верхнего культурного слоя поселения — Поливанов-Яр (Кельменецкий район, Черновицкой области, УССР), обнаруженный в 1951 г. в раскопах III и VI¹. Отмечены две группы керамики — одна расписная, с черной росписью позднетрипольского стиля, и другая кухонная — с примесью в массе мелкотолченых раковин, тонкостенная с хорошо заглаженной поверхностью, бедно украшенная углублениями и веревочным орнаментом (рис. 1—1—10).

Среди расписной керамики должны быть выделены фрагменты чаш с несколько наклоненным внутрь краем. У основания края резкий перегиб. На одной чаше — небольшая ручка, масса розоватая. Роспись черной краской нанесена на поверхность сосуда, которая не имеет красочной облицовки. Отрезки лент черной росписи, состоящие из трех-четырех полосок, нанесены вертикально и делят край чаши на несколько частей. Ниже плечиков — свисающие полуovalы. Подобная система росписи на сосудах верхнего слоя Поливанова-Яра и характер самих лент, каждая из которых образована тремя-четырьмя узкими полосками, — характерные признаки для расписной керамики позднетрипольских поселений. Как и обычно, подобная керамика с черной монохромной росписью сопровождается кухонными сосудами. В отличие от кухонных сосудов более ранних периодов, кухонная керамика верхнего слоя Поливанова-Яра изготовлена из массы серовато-коричневого цвета с примесью мелкотолченых раковин. Сосуды тонкостенные, с хорошо заглаженной поверхностью без всяких следов полосчатого сглаживания поверхности. Подобная посуда бедно орнаментирована углубленным и штампованным орнаментом или оттисками наискось перевитой веревочки. Среди кухонной посуды отмечается несколько форм.

Серия неглубоких чаш с плоским верхом края. В профиле чаши снаружи у венчика имеют небольшой изгиб и уступ при переходе к плечу. Орнамент в виде наискось идущих углубленных полосок проходит по верху края. Ниже углубления нанесены концом прямоугольного в сечении штампа. Иногда здесь имеется ряд коротких оттисков перевитой веревочки. Подобные чаши известны на многих позднетрипольских поселениях. В верхнем слое Поливанова-Яра имеются и более глубокие чаши с веревочным орнаментом.

Наиболее распространенной формой кухонной керамики верхнего слоя Поливанова-Яра является широкогорлый сосуд с несколько вытянутой верхней частью; плечики приподняты, округлые, нижняя часть коническая сужающаяся. По форме они близки к сосудам Городска, Колодяжного и других позднетрипольских поселений. Орнамент крайне бедный и обычно состоит из мелких углублений у верхнего края сосуда или углублений, оттиснутых плоским прямоугольным штампом, проходящих у основания горла. Поверхность подобных сосудов хорошо заглажена, блестящая. Сосуды тонкостенные. В массе примеси мелкотолченых раковин. Днища плоские, иногда у основания плечиков имеется два конических бугорка.

Разобранный выше сравнительно небольшой керамический комплекс из верхнего культурного слоя Поливанова-Яра залегал выше двух основных культурных наслоений поселения среднего периода Трипольской

¹ Т. С. Пассек, Поливанов-Яр, КС ИИМК, вып. XXXVII, ее же: Раскопки трипольских поселений на Среднем Днестре, КС ИИМК, вып. 51, 1953.

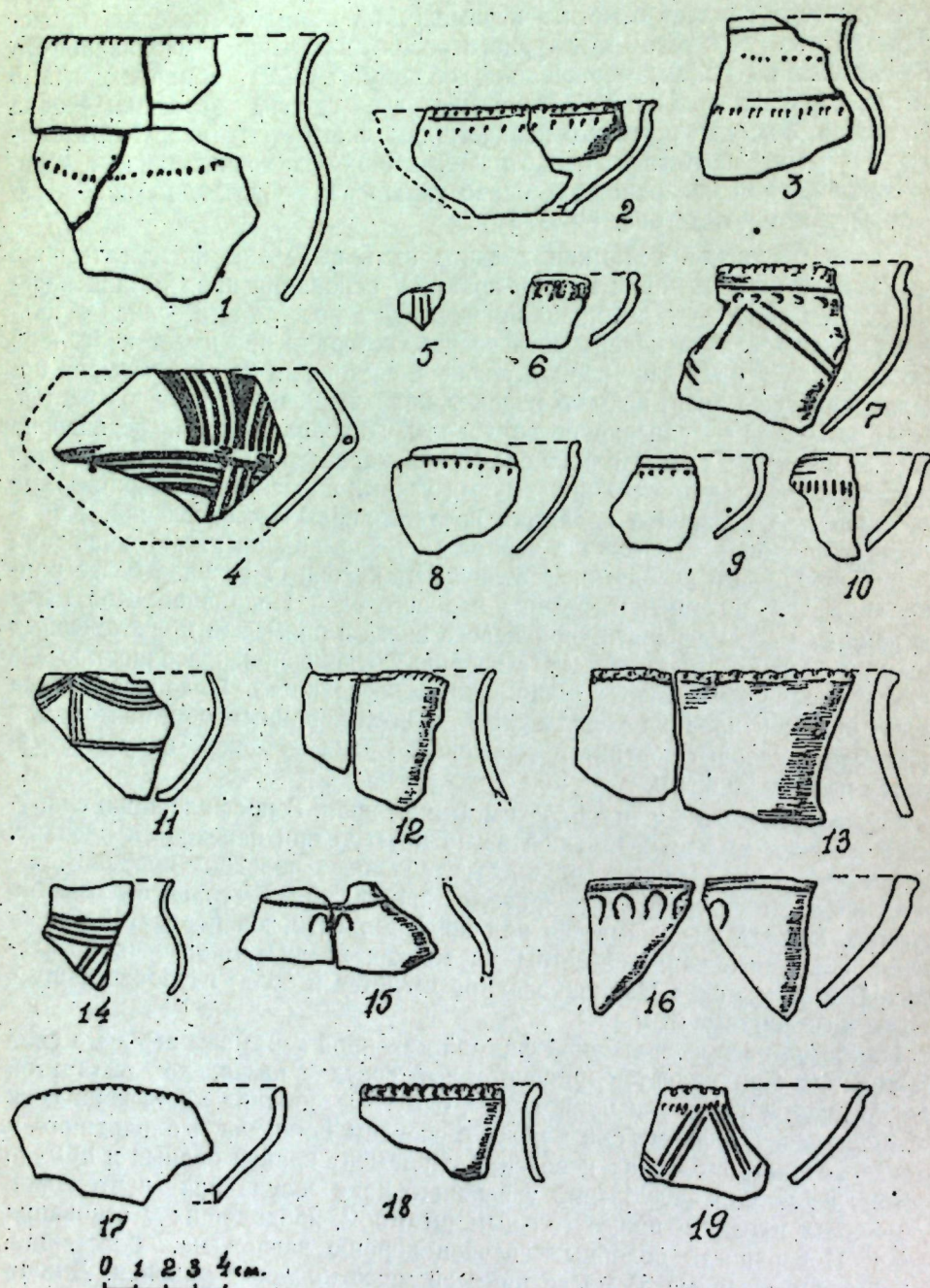

Рис. 1. Фрагменты керамики:
1-10 — Поливанов-Яр; 11-19 — Барсуки.

культуры (В I и В II), и так же, как и верхний культурный слой Кукутени В, должен датироваться поздним периодом (этап 1 II).

В 1948 г. Трипольской экспедицией отмечен подобный позднетрипольский комплекс находок¹ в верхнем слое трипольского поселения у с. Дарабани на Днестре (Хотинский район, Черновицкой обл., УССР). Часто ленты черной монохромной росписи на посуде окаймлены зубчиками или узкой волнообразной линией. Иногда пространство между полосами, образующими неширокие ленты, заполнено красным. Из форм типичны чаши со слегка наклоненным внутрь краем, невысокие округлые горшочки с двумя ручками — ушками и конической крышечкой. Другая группа сосудов — кухонная из серой массы с примесью мелкотолченых раковин. Поверхности заглаженные, орнамент бедный, состоит обычно из углублений и оттисков наискось перевитой веревочки. Из форм выделяются чаши с плоским верхом края, по которому нанесены сходящиеся под углом углубленные полоски; имеются также сосуды с широким горлом, слабо выпуклыми и высоко расположенными плечиками. У основания плечиков бугорки-ручки.

На одном из днищ сосуда отпечатки ткани крупного переплетения. Это и большое число глиняных пряслиц, постоянно находимых на позднетрипольских поселениях, безусловно свидетельствуют о значительном развитии ткачества в эпоху позднего Триполья. На другом позднетрипольском поселении у с. Ломачинцы (урочище «Плита») на Днестре (Сокирянский район, Черновицкой обл., УССР), где в 1948 г. открыта большая древняя мастерская по изготовлению кремневых орудий, обнаружен аналогичный керамический комплекс находок, состоящий из расписных и кухонных сосудов разобранных выше типов. На двух фрагментах днищ грубой кухонной посуды имеются отпечатки тканей: одно — плотного переплетения, другое — с отпечатками вязаной (по кругу) ткани или цыновки². Эти куски ткани подкладывались в процессе лепки сосуда под его дно с тем, чтобы, ухватив руками за концы подложенной ткани, легко можно было бы поворачивать сосуд на плоском, еще не вращавшемся основании. Подобные приемы лепки сосудов известны по этнографическим материалам у ряда народов.

Во время разведок в 1951 г. выше по Днестру у с. Митков (Заставнянский район, Черновицкой обл., УССР) было открыто еще одно поселение, где обнаружены фрагменты сосудов с черной монохромной росписью неширокими лентами, состоящими из трех узких полос, а также росписи в виде косой сетки — типичным мотивом росписи позднего Триполья. В этой группе керамики выделяются чаши, небольшие округлые горшочки с бугорками-ручками. Большинство фрагментов сосудов относится к кухонной керамике. В массе примесь мелкотолченых раковин и золотистые блестки песка. Поверхность хорошо заглажена. Для чаш характерен загнутый внутрь плоский верх края, который покрыт углубленным орнаментом или оттисками веревочки. Другая форма — широкогорлый сосуд со слегка отогнутым краем. Орнамент в виде мелких углублений у верха края, а у основания горла — в виде оттисков треугольного штампа. Сосуды тонкостенные. На одном фрагменте шаровидного сосуда орнамент в виде мелких углублений и оттисков веревочки (рис. 2-1-4; 8-13).

В 1954 г. экспедиция Института общественных наук Львовского филиала АН УССР под руководством Ю. Н. Захарука произвела раскопки на поселении того же времени у с. Звонячка на Днестре (Заставнянский район, Черновицкой обл., УССР), где обнаружено большое количество ке-

¹ Т. С. Пассек, Трипольские поселения на Днестре, КС ИИМК, вып. XXXVII, 1950.

² Т. С. Пассек, Трипольское поселение Поливанов-Яр, КС ИИМК, вып. XXXVII, 1951, рис. 20-2, 3.

³ То же.

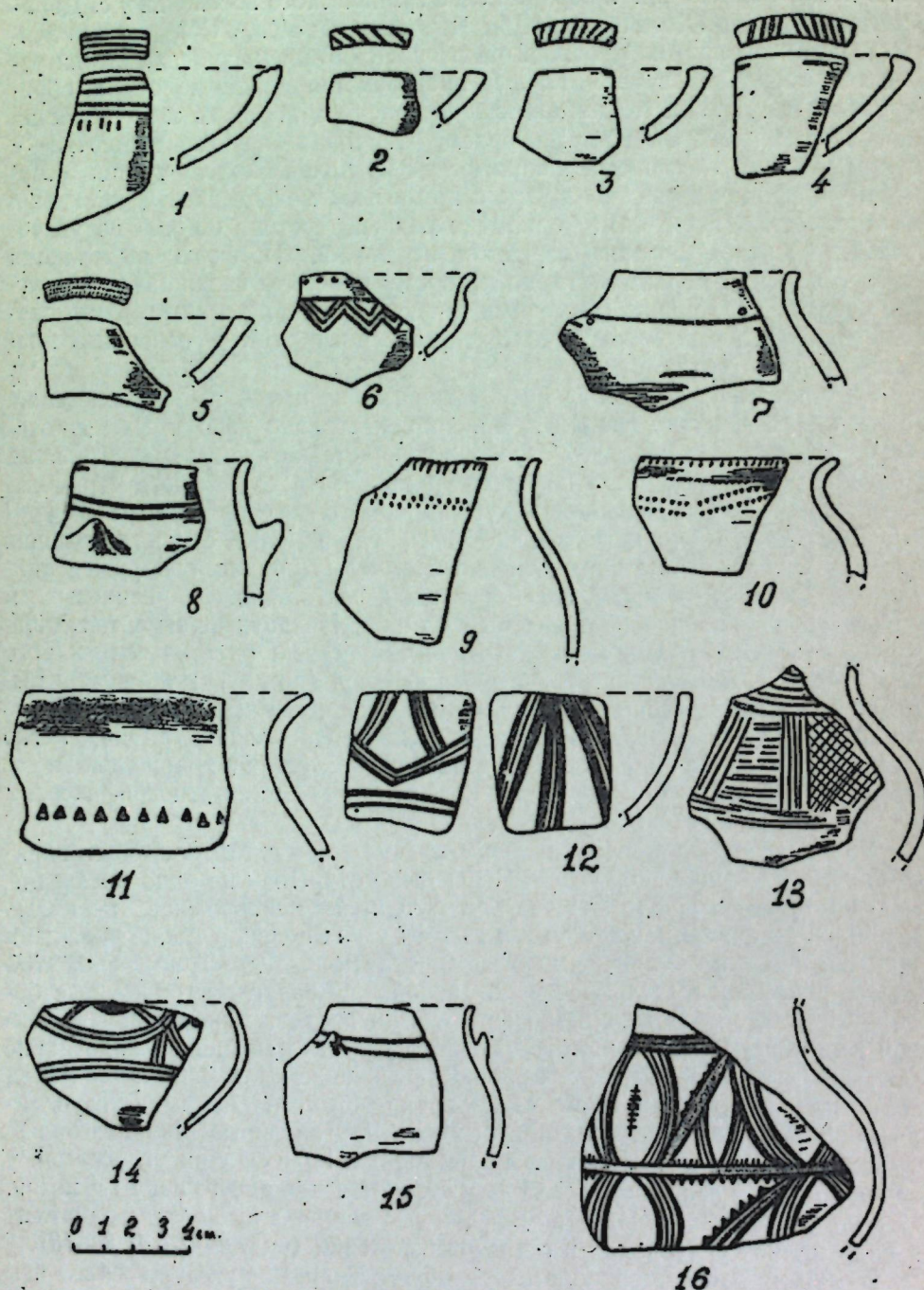

Рис. 2. Фрагменты керамики:

1-4 и 8-13 — Митков; 5-7 — Мерешовка; 14-16 — Волчицец.

рамынского материала позднего Триполья с характерными признаками вышеописанного керамического комплекса. Особенно разнообразно представлена в с. Звенячка грубая кухонная керамика (чаши с плоским краем, сосуды с высоким и широким горлом), глиняные пряслица, сосуды с монохромной черной росписью поздне трипольского времени¹. Таким образом, в результате археологических исследований последних лет в бассейне среднего течения Днестра стал известен ряд трипольских поселений с характерным керамическим комплексом находок, позволяющим датировать эти поселения поздне трипольским периодом.

Не менее интересными оказались археологические исследования в бассейне Днестра, проведенные Молдавской экспедицией ИИМК АН СССР и Молдавского филиала АН СССР на территории Молдавии. Здесь за несколько лет (1949—1954 гг.) было открыто более 10 поселений и 2 могильника поздне трипольского периода (Выхватинцы и Голерканы). Эти открытия вместе с памятниками, известными прежде в низовьях Днестра, позволяют сделать заключение о том, что трипольские племена, с самого раннего этапа развития трипольской культуры селившиеся по Днестру, жили на прежних местах и в самый поздний период, лишь частично расселяясь на север и северо-восток, где они распространяются и на левый берег Днестра.

Одним из поздне трипольских поселений в Молдавии, где проводились небольшие раскопки, является поселение у с. Мерешовка, Атакского района, Молдавской ССР². Оно расположено на высоком с крутыми склонами правом берегу Днестра и известно как городище «Четэуе Замчиско». С западной стороны городище ограждено сильно оплывшим земляным валом, повидимому, славянского времени. В результате разведки установлено, что поселение было обитаемо в трипольское, предскифское, скифское и славянское время. Как показали небольшие раскопки, трипольский керамический материал, обнаруженный на поселении, нельзя относить к одному времени, однако уловить наложения двух культурных горизонтов в процессе разведок 1950 г. не удалось. Судя по двум различным керамическим комплексам, поселение «Четэуе» было обитаемо в средний период Триполья (этап В/II) и в поздне трипольское время (γ II). Кроме керамики, найдены остатки трипольских землянок и наземных глинобитных жилищ (площадок). Поздне трипольская керамика двух групп с черной монохромной росписью и грубая кухонная — с углубленным орнаментом и оттисками веревочки (рис. 2—5—7). Обе группы характерны для поздне трипольского времени. У монохромной керамики роспись нанесена черной краской, но имеются сосуды и с красной росписью, заполняющей пространства между черными полосами лент. Ленты росписи неширокие, обычно окаймленные зубчиками или волнистой узкой полоской. Из форм типичны чаши со слегка наклонным внутрь краем, небольшие округлые горшочки с ручками-бугорками и др.

В группе кухонной посуды, изготовленной из глины с примесью мелкотолченых раковин, характерны чаши с плоским верхом края, на котором нанесен углубленный или веревочный орнамент. Кроме того, имеются небольшие сосудики с бугорками-ручками у основания края и большие сосуды с широким горлом, украшенные углубленным орнаментом и оттисками веревочки (рис. 2—4—16).

¹ См. тезисы доклада Ю. Н. Захарука «Некоторые вопросы позднего Триполья в свете исследований трипольского поселения в с. Звенячка, Черновицкой области», прочитанного на заседании секции бронзы пленума ИИМК АН СССР 25 апреля 1955 г. в Москве. За возможность ознакомиться с материалом из раскопок в с. Звенячка в Институте общественных наук филиала АН УССР во Львове приношу большую благодарность Ю. Н. Захаруку.

² Т.-С. Пассек, Итоги работ Трипольской (Днестровской) экспедиции за 1950 г. КС ИИМК, вып. XLV, 1952.

Наряду с сосудами в Мерешовке найдены фрагменты стоячих с сомкнутыми ногами статуэток (с росписью), грузила конические с плоским основанием, орнаментированные пряслица. Среди изделий из кремня — концевые скребки, двойные скребки на широких пластинах и отщепках, ножи, сверла, пилки с пильчатой ретушью по краю, вкладыши серпов, наконечники треугольных стрел и дротиков, плоские, прямоугольные в сечении кремневые топоры с заполированным лезвием. Немало найдено мотыг из рога оленя, шильев из кости, каменных зернотерок. Небольшие раскопки на поселении «Четэуе» у с. Мерешовка вместе с раскопками на поселении у Поливанова-Яра (верхний слой) — яркие примеры, освещающие жизнь позднетрипольских племен на Днестре.

Археологические исследования в Молдавии в 1951—1954 гг. значительно увеличили число известных ранее позднетрипольских поселений. Так, в непосредственной близости от с. Мерешовка в 1951 г. были произведены небольшие раскопки в урочище «Клин» у с. Волчинец, на первой надпойменной террасе, на берегу Днестра¹. При зачистке берега здесь на глубине 0,50 м ниже чернозема в коричневатом суглинке была обнаружена керамика обычного позднетрипольского типа, состоящая из сосудов с черной росписью и сосудов с углубленным орнаментом и оттисками веревочки (рис. 2—14—16).

Среди форм расписной группы сосудов особенно характерны чаши со слегка наклонным внутрь краем и с росписью на наружной и внутренней поверхности. Ленты росписи состоят, обычно, из трех полос, пространство между ними иногда покрыто красным. Характерно окаймление полос сплошь закрашенными зубчиками или волнистыми узкими полосками. Из форм также могут быть выделены двухконусные сосуды и шаровидные сосуды с двумя бугорками-ручками на плечиках и др. В росписи постоянно встречается сюжет сетки.

Наряду с расписной посудой в Волчинце обнаружены округлые сосуды с орнаментом в виде оттисков веревочки у основания края. На плечиках расположены бугорки-ручки. На днищах трех сосудов прекрасно сохранились отпечатки тканей полотняного переплетения. Среди находок в культурном слое — конусовидные грузила, кремневые, прямоугольные в сечении, плоские топоры, скребки, ножи, фрагмент каменного просверленного топора, костяные шилья и т. п.

В последующие годы (1952—1954) на территории Молдавии экспедицией был открыт ряд поздних трипольских поселений с находками аналогичными вышеописанному комплексу. К таким поселениям, где было произведено лишь первичное обследование и собран подъемный керамический материал, следует отнести позднетрипольские поселения в Резинском районе — у сс. Подойма, Тарасово, Катериновка, Сокол, Барсуки и Шолданешты и в Рыбницком районе — у сс. Гедерим и Выхватинцы (рис. 3—1—18).

Кратко охарактеризую керамику двух поселений — у сс. Барсуки и Шолданешты, Резинского района.

Среди подъемного керамического материала из Барсуков (поселение расположено на высоком берегу Днестра) имеются, как обычно на поселениях позднего Триполья, две группы керамики. К одной принадлежат сосуды с черной монохромной росписью, к другой — грубые кухонные. (рис. 1—11—19). К первой группе относятся обычного типа чаши и небольшие округлые сосуды. Роспись — сходящиеся под углом отрезки лент и косая сетка. Группа кухонной керамики несколько более разнообразна, чем на описанных выше поселениях. Особый интерес представля-

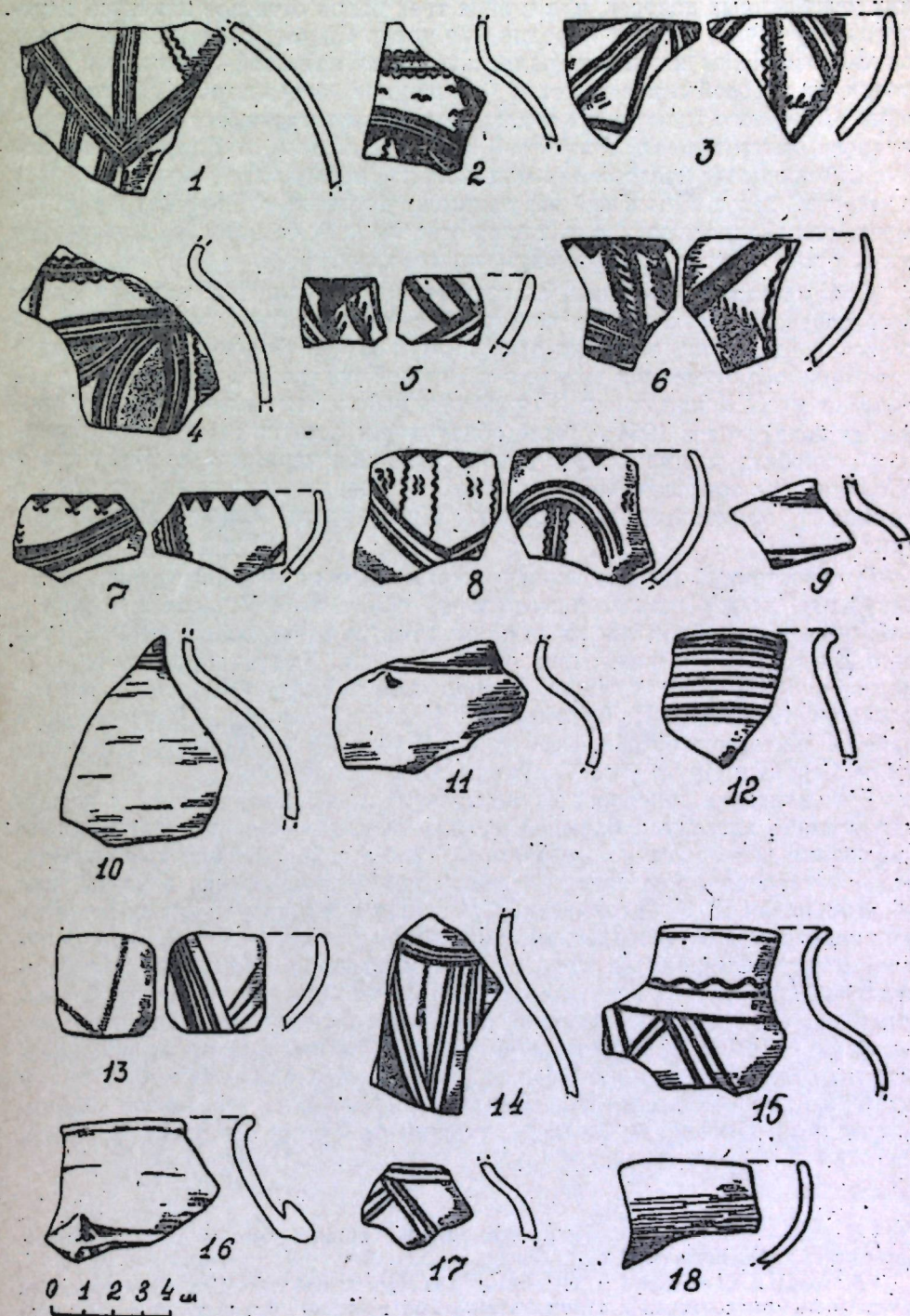

Рис. 3. Фрагменты керамики:

1—12 — Гедерим; 13—15 — Катериновка; 16—18 — Сокол.

¹ Т. С. Пассек, Раскопки трипольских поселений на Среднем Днестре, КС ИИМК, вып. 51, 1953, рис. 20—4, рис. 25.

ют многочисленные фрагменты чаш с прямым верхом края, несколько наклонным внутрь, на котором располагается орнамент или в виде коротких углубленных полосок, или в виде трех рядов оттисков наискось перевитой веревочки, идущих параллельно краю. Снаружи стенки чаш также орнаментированы идущей параллельно краю полоской — оттиском веревочки, от которой свисают петли (оттиснутые веревочкой), обращенные вниз. Подобного типа орнаментальные мотивы встречаются в виде серповидного орнамента на Усатовской керамике. Здесь, в Барсуках, серповидный орнамент представлен в несколько ином виде, приближаясь к замкнутой петле. Подобный же орнамент встречен в Барсуках на фрагменте шаровидного сосуда, где пара серповидных оттисков располагается ниже оттиска веревочки, опоясывающего сосуд.

Орнаментальные мотивы, состоящие из серповидных оттисков наискось перевитой веревочки, в сочетании с горизонтальными поясками из оттисков веревочки, особенно ярко выступают на фрагментах кухонной керамики, обнаруженной вместе с расписной посудой на трипольском поселении у с. Шолданешты (Резинского района, на территории Табако-фермзавода), где в 1954 г. были обнаружены остатки землянок и наземных глинобитных жилищ. Эта грубая кухонная керамика из Барсуков и Шолданешты тонкостенная, из черной и серовато-коричневой массы с примесью мелкотолченых раковин. Поверхности хорошо заглажены (рис. 4—1—7).

Рассмотренный выше комплекс керамики с поздне трипольских поселений на Днестре, помимо значительной общности с Усатовской керамикой, имеет ближайшие аналогии с сосудами из раскопок в бассейне Южного Буга на таких поселениях, как Сандраки, Хмельницкого района — раскопки 1949—1950 гг. Е. Ф. Лаголюкской¹, Печара (верхний слой) — раскопки 1948 г. М. И. Артамонова², Новая Чертория, Дзержинского района Житомирской обл. — раскопки 1949 г. Ю. Н. Захарука³, а в бассейне Серета и Прута у сс. Стойканы, Фолтешты и др.⁴.

К сожалению, археологические материалы поздне трипольских памятников слабо изучены и большей частью известны еще по сравнительно небольшим раскопкам и разведкам. Однако и сейчас можно уже считать, что поздне трипольские поселения располагаются не только в пойме, как об этом писал Е. Ю. Кричевский (связывая местоположение поселка с развивающимся скотоводческим хозяйством позднего Триполья, где заливные луга служили пастбищами), но и по высоким берегам рек. Жилища, как и в более древнее время, оставались наземными, глинобитными, однако по своей конструкции они становятся проще и часто от них не остаются столь мощные глинобитные фрагменты, как от жилищ среднего периода, например, во Владимирове, Коломийшине II и др. Таковы наземные жилища в Городске, Сандраках, Мерешовке, Гедериме, Кошиловцах и др. Остатки их были однослойными. Кроме наземных жилищ известны и полужемлянки.

¹ Е. Ф. Лаголюкская. Поселение времени поздней бронзы в г. Сандраки, Археология, т. IX, Киев, 1954 г.

² Материалы из раскопок у с. Печары хранятся в собрании Гос. Эрмитажа. За возможность ознакомления с этими материалами приношу большую благодарность М. И. Артамонову.

³ Материалы из раскопок в Новой Чертории хранятся в Институте археологии АН УССР в г. Киеве.

⁴ M. Petrescu-Dâmbovita, Săpăturile arheologice de la Foltesti (Raionul tg. Bujor Reg. Galați) Studii și cercetări de Istorie Veche I, București, 1951

M. Petrescu-Dâmbovita, Cimitirul Halstattian de la Stoiceni. Materiale arheologice privind Istoria Veche, R. P. R., Vol. I, București, 1953, pag. 4—6.

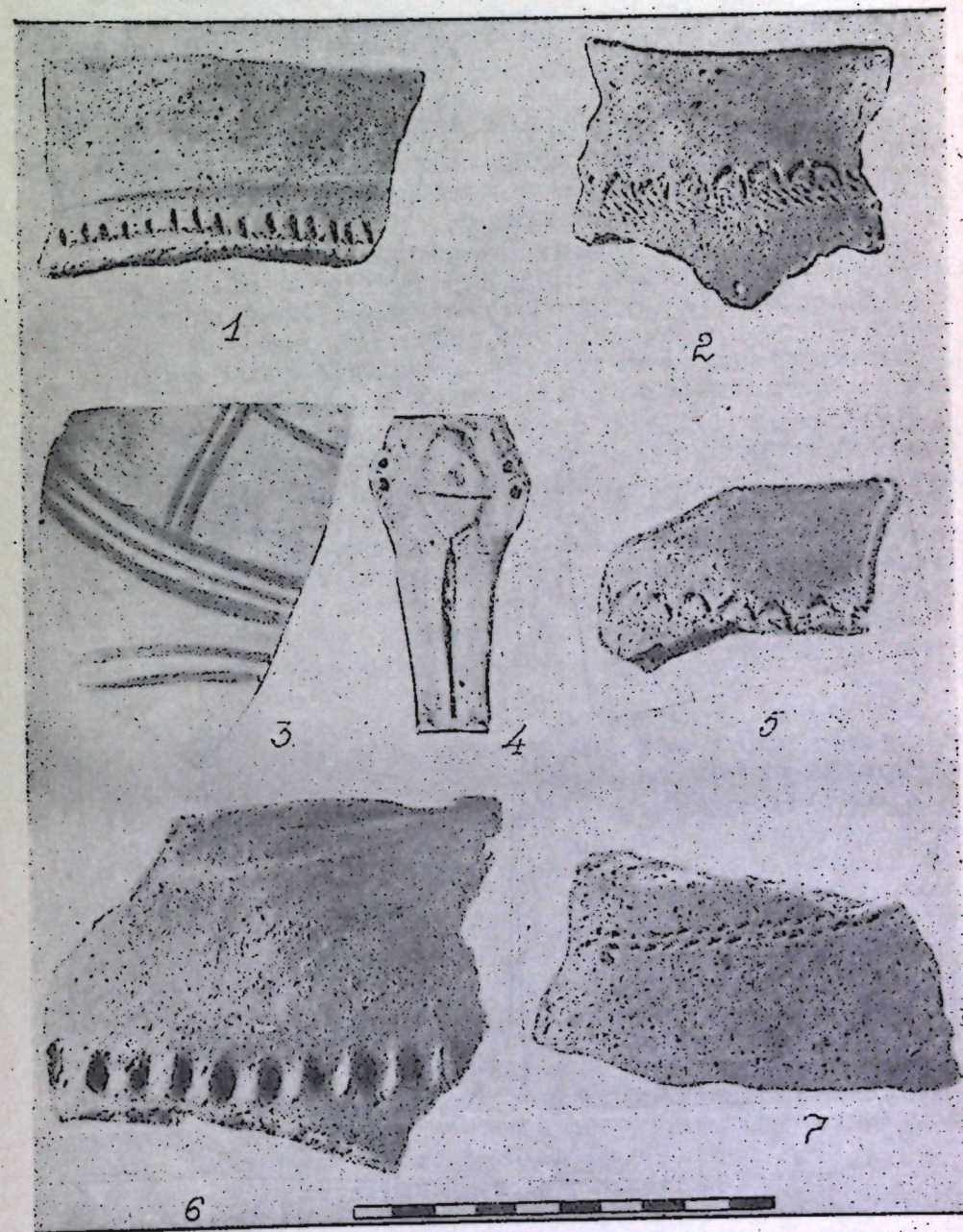

Рис. 4. Фрагменты керамики (1—3 и 5—7) и статуэтка (4) из с. Шолданешты.

Основные орудия попрежнему изготавливаются из кремня, рога и кости. Сланцевые орудия встречаются в виде исключения. Увеличивается количество просверленных топоров и орудий из меди, которые в особенно большом количестве известны по погребальным памятникам (Софиевка, Усатово). По не всегда, к сожалению, полным данным о костных остатках, возможно говорить об увеличивающемся на поселениях числе домашних животных. Так, на позднетрипольских поселениях Коломийщина I мы имеем домашних животных 80%, а диких — 20%, в Сандраках домашних — 75%, а диких — 25%, и в Усатове домашних — 88,4%, диких — 11,6%.

Таким образом, в хозяйстве этого периода все большее значение наряду с земледелием начинает играть скотоводство. Охота занимает сравнительно небольшое место. Кости диких животных составляют от 11 до 25% от числа всех костных остатков.

В позднетрипольское время интенсивно развивается ткачество. Среди находок на поселениях и на севере и на юге появляется большое число глиняных пряслиц, на днищах сосудов отпечатки тканей, в орнаменте керамики — оттиски веревочки. Особо следует выделить позднетрипольскую керамику и глиняные антропоморфные изображения, заметно отличающиеся от керамических изделий раннего и среднего периодов.

Раскопки могильников в Усатове и Выхватинцах позволяют говорить о наличии патриархально-родовых отношений в позднетрипольском обществе. Среди погребений Выхватинского могильника выделяются погребения бедные и более богатые¹. Погребение № 9 оказалось самым богатым по составу инвентаря; в нем найдено шесть сосудов, каменный топор, кремневый серп, костяная статуэтка. Костяк взрослого мужчины лежал на левом боку, в сильно скорченном положении, ориентирован головой на восток, руки подняты к лицу. Погребение находилось под каменной обкладкой. Следует предполагать, что здесь было захоронение племенного вождя.

Захоронения представителей племенной верхушки наблюдались в курганных могильниках в Усатове, в отличие от бескурганного, где хорошилась основная масса населения.

В результате раскопок последних лет установлено, что вдоль всего течения Днестра, в поздний период развития трипольской культуры, часть трипольских племен продолжает долго жить, оставаясь на месте более ранних поселений. На это указывают стратиграфические наблюдения на месте многослойных поселений в бассейне Днестра. Другая часть позднетрипольских племен продвигается на север и северо-восток, занимая новые территории и соприкасаясь с живущими здесь племенами эпохи бронзы. Так, на востоке в степной части Поднепровья и на северо-востоке в лесостепной зоне на правом и левом берегах Днепра позднетрипольские племена сталкиваются с племенами катакомбной культуры. Рядом с ними в лесостепной части правого берега Днепра позднетрипольские племена соседят с племенами ранней бронзы, так называемой среднеднепровской культуры, среди которой в настоящее время выделяются три локальные группы — Стретовская, Гатнинская и Днепро-Деснинская; на севере, в Полесье, позднетрипольские племена находились в соседстве с племенами Волинско-Подольской мегалитической культуры; на северо-западе и западе живут племена культуры позднеленточной керамики и племена Волинско-Подольской группы культуры шнуровой керамики, на Западном Буге граница позднего Триполья подходит к границе культуры так называемых «воронковидных кубков».

1 Т. С. Пассек, Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии, КС ИИМК, вып. 56, 1954.

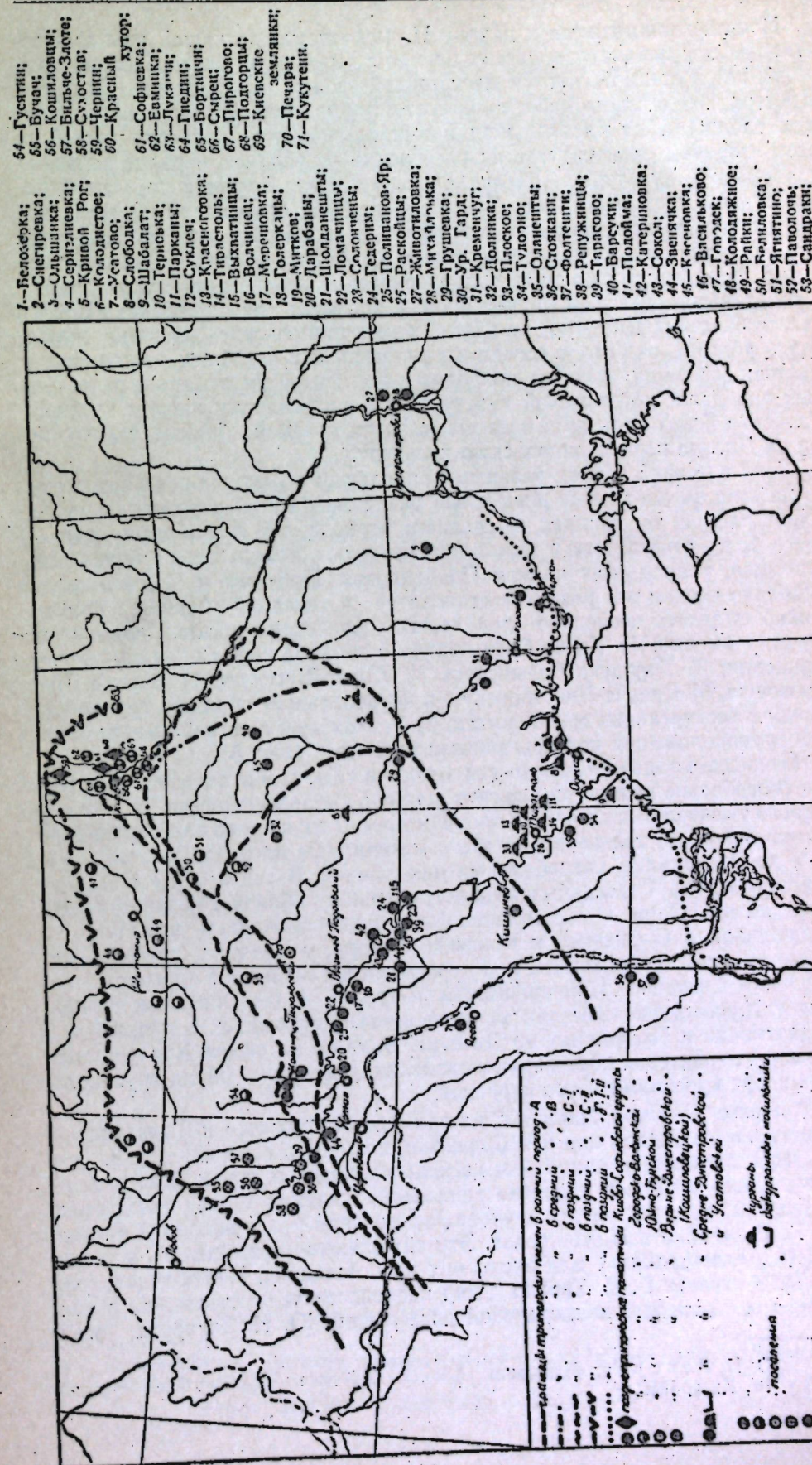

Рис. 5 Карта распространения позднеприполярных памятников на Украине и в Молдавии.

Понять сложившиеся к началу II тысячелетия до нашей эры взаимоотношения у позднетрипольских племен с племенами эпохи бронзы, жившими как в степной, так и в лесостепной зонах междуречья Днестра и Днестра, представить себе конкретно-историческую картину жизни племен, сложившейся в этот период, и поднять судьбу трипольских племен на всем широком пространстве их расселения на позднем периоде развития трипольской культуры — задача очень трудная. Совершенно очевидно, что судьба племен позднего Триполья не была одинаковой на всей территории их распространения, и говорить о гибели трипольской культуры от нашествия одного из перечисленных племен эпохи бронзы было бы неверно. В различных районах соприкосновение позднетрипольских племен с соседними племенами ранней бронзы проходит не одинаково. Что касается бассейна Днестра, то здесь позднетрипольские племена живут очень долго и, видимо, с соседними племенами у них были постоянные и мирные сношения, которые приводят к постепенному отмиранию основных признаков трипольской культуры и к ассимиляции племен позднего Триполья более сильными племенами эпохи средней бронзы, сменившими на Днестре позднетрипольскую культуру.

Если в ранний период развития трипольской культуры пока еще трудно наблюдать локальные племенные различия на всей территории расселения племен, то, начиная со среднего периода, это своеобразие становится более отчетливым и возможно говорить о локальных особенностях. Например, трипольских племен Поднепровья, Побужья и Поднестровья. Особенно четким это различие становится в поздний период, причем можно выделить несколько локальных позднетрипольских племенных групп, а именно: 1) Киево-Софиевскую с погребальным обрядом трупосожжения, 2) Городско-Волинскую, 3) Южно-Бугскую, 4) Верхне-Днестровскую, 5) Средне-Днестровскую с погребальным обрядом трупоположения в бескурганных могильниках, 6) Усатовскую с погребальным обрядом трупоположения под курганными насыпями (рис. 5).

Очередная задача заключается теперь в том, чтобы показать культурное своеобразие позднетрипольских племен, складывающееся к началу второго тысячелетия до нашей эры. Интересно то, что это своеобразие известно теперь не только по богатым материалам из родовых поселений, но и по материалам погребальных памятников. В связи с этим сейчас можно отметить 3 различных типа погребального обряда у позднетрипольских племен. Один — это могильники с трупосожжением, известные в Поднепровье в Софиевке¹, у Красного Хутора, у Чернина, другой — могильники с трупоположением под курганами в Усатове и в курганах степной части Северного Причерноморья и третий — бескурганные могильники с трупоположением под каменными выкладками, как, например, в Выхватинцах и Голерканах на Днестре. Видимо, на севере для лесостепной зоны характерен обряд трупосожжения, для юга — обряд трупоположения под курганами и без курганов.

В период позднего Триполья, на примере Усатовского и Выхватинского могильника также, как и в Софиевке, возможно говорить о том, что это были могильники одной или нескольких родовых групп. Для среднего и раннего периодов развития трипольских племен такие могильники неизвестны, если не считать случаев захоронения урн с пеплом в раскопках В. В. Хвойко в Поднепровье. Эти захоронения совершались в жилищах (на «площадках») или около них на поселениях. Наблюдения, описанные в отчетах В. В. Хвойко, были недавно систематизированы и критически осмыслены в кандидатской диссертации Ю. Н. Захарука, посвя-

¹ Ю. Н. Захарук, Могильник близ с. Софиевка, Археологічні пам'ятки УРСР т. IV, Киев, 1950.

щенной Софиевскому могильнику, где автор подробно разобрал Трипольские обряды погребений на Среднем Днестре¹. С. Н. Бибиковым отмечен факт захоронения костей ребенка в одном из раннетрипольских жилищ, на Среднем Днестре в Луке-Врублевещкой².

Недавно в Румынии в процессе больших раскопок у с. Траян (бассейн р. Серет) на поселении вблизи жилищ были обнаружены ямы округлой формы, в которых находились костяки на спине в вытянутом положении, окруженные большим количеством расписной полихромной посуды типа Кукутени А и датируемые средним периодом Триполья³. Таким образом, один и тот же обряд погребения было бы неправильно считать характерным для всех периодов развития и для всех районов распространения трипольской культуры.

В заключение следует указать, что позднетрипольские племена и традиции их культуры остаются в междуречьи Днестра и Днестра длительное время. И судьба этих племен в эпоху бронзы, видимо, была неодинакова на всей территории их распространения. Выяснение их судьбы — большая и сложная задача, которая может быть решена лишь с привлечением новых археологических материалов, связанных с культурами племен среднего периода бронзы, которые складываются в Поднестровье и в Поднепровье уже в послетрипольское время; на основе этих материалов возможно будет показать место позднетрипольских племен в процессе сложения племенных групп эпохи бронзы.

¹ Ю. Н. Захарук, Софиевский могильник, Автореферат кандидатской диссертации, Львов, 1952.

² С. Н. Бибиков, Раннетрипольское поселение Лука-Врублевещкая на Днестре, МИА, № 38, 1953, стр. 194.

³ H. Dumitrescu, Santierul Traian, Studii si cercetari de Istorie Veche. vol. 1-2, Bucuresti, 1954.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй луй Т. С. Пассек «Дате кой деспре ашезэриле триполиче тырзый пе Нистру»

Ын курсул студийерий културий триполиче мултэ време а рэмас недизлегатэ ынтребаря деспре периоада ей тырзые. Ын урма дископеририй а нумероасе монументе дин периоада триполике тырзые ын базинул рыулуй Нистру дялунгул ынтрегулуй луй курс ын Украина ши ын Молдова ши ынскриерий лор пе харта археоложикэ, се поате стабили, пе че териториу дялунгул Ниструлуй ау локуит ын курсул периоаделор тырзый нямурь триполиче.

Ашезэриле триполиче тырзый се гэсеск ну нумай ын лунка рыулуй, дар ши пе малуриле луй ынналте. Ау фост дизгропате локуинць, клэдите ла супрафаца солулуй, кыт ши семибордее. Ка ши ын трекут принципалеле унелте се прегэтеск дин кремене, кори ши ос. Девине май маре нумэрул унелтелор де араме. Ын господэрия дин периоада яста алэтурь де агрикултурэ капэтэ тот май мултэ ынсэмнэтате витэрикул, яр ынэтоаря окупэ пудын лок. Интенсив се дизволтэ торкэтория. Обштя триполике тырзые се карактеризазэ прин рапортурь патриархале де ням. Се деосэбеск морминте богате ши морминте сэраче.

Дялунгул ынтрегулуй курс ал рыулуй Нистру ын периоада тырзые де дизволтаре а културий триполиче о парте дин нямуриле триполиче континуэ сэ трэяске мултэ време, рэмынынд пе локуриле ашезэрилор май векь. Нямуриле естя лягэ ку вечиний рапортурь пашниче перманенте, чейче дуче ла диспария трептатэ а принципалелор трэсэтурь але културий триполиче ши ла асимиларя нямурилор дин периоада триполике тырзые ку нямурь май путерниче, дин эпока бронзей, каре ау венит пе Нистру, адукунд о културэ ноуэ ын локул челей триполиче тырзый.

Се поате стабили локул групелор де нямурь локале дин эпока триполией тырзый. Спецификал диферителор групе де нямурь ый куноскут дупэ материалеле, афлате ын ашезэрь ши цынтиримурь. Се деосэбеск трий типурь де ритурь де ынормынтаре ла нямуриле естя.

Ын фаца черчетэторилор културий триполиче тырзый се пуне сарчина ынсэмнэтэ де а студие културиле де дупэ триполие дин эпока мижлоchie а бронзей ын Поднепровие ши Поднепровие ши де а лэмури локул, пе каре-л окупэ нямуриле триполиче тырзый ын прочесул формэрий группелор де нямурь дин эпока бронзей.

Т. Г. ОБОЛДУЕВА

КУРГАН ЭПОХИ БРОНЗЫ НА Р. КОГИЛЬНИК

В Днестровско-Прутском междуречье известно очень мало курганов, которые могут быть отнесены к эпохе бронзы. В 1889—1891 гг. Ф. И. Кнауэр раскопал у сс. Сарата и Павловка, Аккерманского уезда (нижнее течение рр. Сарата и Когильник), около полутора десятков курганов, расположенных на возвышенностях¹. Курганы эти, повидимому, относятся к эпохе бронзы, но содержат впускные скифские и позднекочевнические погребения.

В 1946 г. Молдавский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы провел раскопки кургана эпохи бронзы в долине р. Когильник, в 50 км южнее г. Кишинева.

Задачей археологической экспедиции 1946 г.² были раскопки одного из курганов, находящихся в речных долинах неподалеку от так называемого северного «Траянова вала», проходящего с запада на восток от Прута (у с. Леово) до Днестра (южнее г. Бендеры).

Работы проводились в долине р. Когильник (вблизи с. Градиштя, Чимишлийского района) (рис. 1).

Эта долина вытянута с северо-северо-запада на юго-юго-восток почти без изгибов, имеет в ширину 2—3 км и окаймлена довольно крутыми холмами.

По долине р. Когильник, между сс. Гура-Галбина и Чимишлия, на протяжении 20—25 км, на довольно значительном расстоянии один от другого, группами по 2—3 и в одиночку разбросаны большие курганные насыпи. Высота их обычно составляет 3—5 м при диаметре 40—60 м, форма довольно правильная полусферическая, с более крутым северным склоном. Находятся они в пойме реки и часть их распахируется. На окружающих долину возвышенностях также имеются большие отдельные курганы и небольшие курганные группы, ничем по внешнему виду не отличающиеся от вышеописанных.

Для исследования был выбран одиночный курган между сс. Градиштя и Валя-Пержей, в 0,25 км на восток от южной окраины последнего, расположенный посреди долины, на южном берегу небольшого пересохшего

¹ Ф. И. Кнауэр, О курганах, раскопанных в южной Бессарабии. Чтения Ист. Общ. Нестора Летописца, кн. III, стр. 32—49.

Ф. И. Кнауэр, Вторая археологическая раскопка около с. Сараты (в южной Бессарабии). Чтения Ист. Общ. Нестора Летописца, кн. IV, стр. 30—41. ОАК 1891, стр. 82—86, 160—165.

Л. С. Берг, Бессарабия, Л., 1918, стр. 43.

² В состав ее входили: Т. Г. Оболдуева и Д. Т. Березовец (Институт Археологии АН УССР) и И. Ф. Местер (Кишинев).

озерка, образованного водами р. Когильник. Высота кургана 3 м при диаметре 48 м. Насыпь имела форму шарового сегмента с несколько уплощенной вершиной и более крутым северным склоном. Курган хорошей сохранности. С южной стороны его заметна расплывшаяся уплощенная

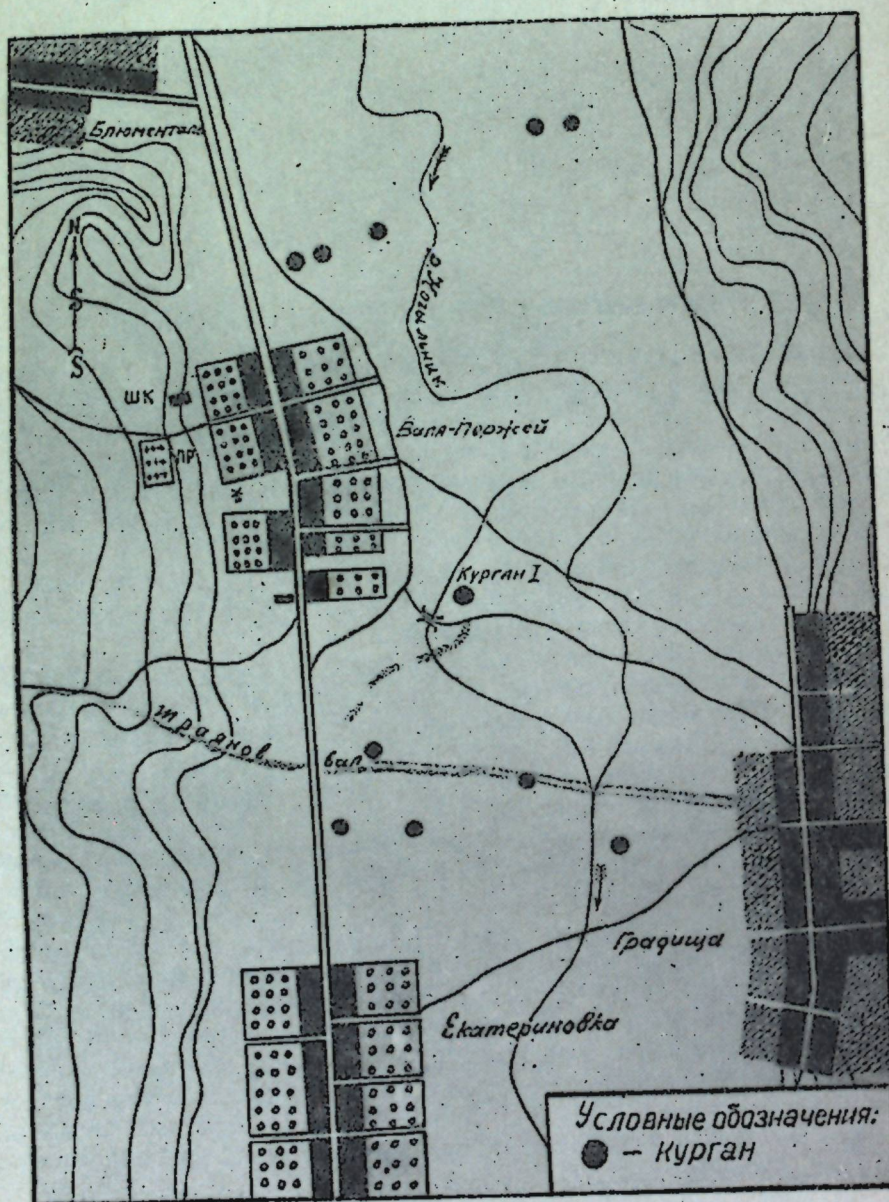

Рис. 1. Схематическая карта места работ.

насыпь, прослеживающаяся от подошвы кургана в юго-западном направлении по долине, к западным береговым возвышенностям. Насыпь эта плохо сохранилась, местами размыта. В сохранившейся части высота ее 0,3—0,5 м при ширине 2,5 м. В 1—3 км южнее от этого кургана в пойме реки заметны 4 больших кургана, а на север — 3.

Несколько южнее места работ, между сс. Вала-Пержей и Екатериновка, задевая южную окраину с. Грядища, проходит «Траянов вал», пере-

секая долину с запада на восток. Он представляет собой невысокую насыпь с небольшим заплывшим рвом с северной стороны. По валу проходит проселочная дорога; на склонах холмов вал более заметен, но и тут его высота не превышает 1,5—2 м. На участке между сс. Екатериновка и Вала-Пержей в насыпь вала включен курган.

Для раскопок курган был разбит на три сектора с контрольными перемычками шириной в 1 м, ориентированными по направлениям с севера на юг и с востока на запад. Измерения глубины производились от вершины. Раскопки велись путем последовательного снятия горизонтальных пластов толщиной в 0,2 м начиная от вершины кургана, причем прямоугольный раскоп достиг площади 20×15 м (рис. 2).

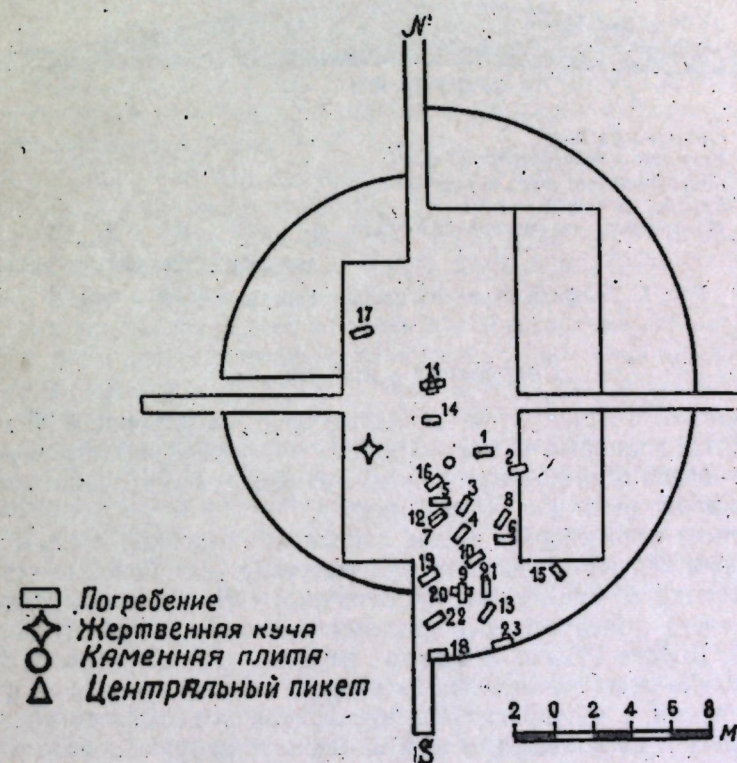

Рис. 2. План раскопа на кургане 1.

Насыпь состояла из коричневато-серой земли, твердой и комковатой. Она пронизана большим количеством белых прожилок солей и местами была окрашена черными пятнами из-за того, что землю брали с окружающего болота и она содержала много органических остатков. На глубине 1,5—2 м — грунт рыжевато-суглинок. Это первоначальная насыпь, лежащая на материке — глина яркожелтого цвета. Курган насыпан в два приема: вершина первоначальной насыпи была несколько южнее современной; высота насыпи 1,6 м при диаметре 19—20 м; от последующей подсыпки она отделяется тонкой коричневато-серой прослойкой.

На глубине 2 м, на расстоянии 2—2,5 м от центра кургана, неровным кольцом лежал слой желтой материковой глины, достигавший местами толщины до 0,3 м. Это выброс из ямы центрального погребения № 14, вырытой в глинистом материке (рис. 3).

Всего открыто 23 погребения; за исключением одного они были сосредоточены в юго-восточной части кургана.

Ниже даем описание погребений в порядке их вскрытия.

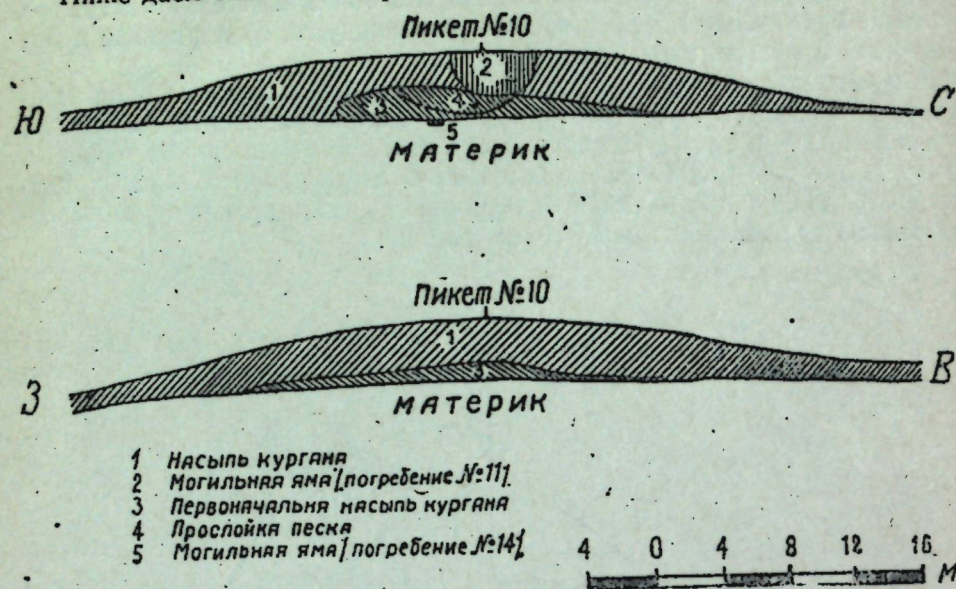

Рис. 3. Профили курганов по направлениям Ю-С и З-В.

Погребения в насыпи

Погребение № 1. При снятии дернового слоя, на глубине 0,05 м был найден разбитый глиняный горшок. Рядом с ним лежали кости черепа и рук человека очень плохой сохранности. Вероятно скелет лежал головой на юго-юго-восток, кисти рук были у головы.

Горшок имеет форму банки с едва выраженной шейкой и слабо отогнутым округлым венчиком; дно плоское, выступает за боковые стенки, образуя закраинку. Сосуд лепной, тесто темное. Поверхность снаружи темносерого цвета с желтоватыми пятнами, сглажена, по всему корпусу следы копоти. Высота 9,5 см, диаметр венчика 10 см (рис. 6—4). Здесь же найдено несколько обломков второго сосуда. Горшок лепной, с толстыми стенками, с чуть расходящимся венчиком с округлым краем. Глина с дресвой и камешками, в изломе черная; наружная поверхность сглажена, темного цвета, внутренняя — желто-розоватая.

Погребение № 2. На глубине 0,45 м. Скелет головой на северо-восток, в очень скорченном положении на левом боку; колени прижаты к локтям, кисти рук у лица. Скелет неполный, плохой сохранности. Вещей нет.

Погребение № 3. На глубине 0,5 м. Скелет головой на северо-восток, на левом боку, скорченный, с очень поджатыми ногами, кисти рук перед лицом. Скелет ребенка или подростка, кости плохой сохранности. Вещей нет.

Погребение № 4. На глубине 0,8 м. Скелет головой на северо-восток в скорченном положении на спине, с поворотом на правый бок; ноги согнуты и лежат вправо, пятки у таза; правая рука перед лицом, левая попеременно поясницы. Вещей нет (рис. 5).

Погребение № 5. На глубине 0,9 м. Кости скелета сложены кучкой, сверху лежит череп; кости частично обожжены. На 0,1 м выше костей была розовато-коричневая прослойка тлена (дерево?). Способ захоронения остался не совсем ясным. Вероятнее всего, покойник был предваритель-

но сожжен, затем кости сложены в кучку и закрыты деревянным или иным настилом.

Погребение № 6. На глубине 0,85 м. Скелет лежал головой на восток, в скорченном положении, опираясь на грудь и левый бок с поджатыми к подбородку коленями. Вещей нет.

Погребение № 7. На глубине 1,4 м (несколько глубже и южнее погребения № 5). Скелет лежал головой на восток в скорченном положении, спиной вверх, с легким поворотом на левый бок; ноги согнуты, руки под грудью, кисть правой руки, сжатая в кулак, прижата ко рту. Кости очень массивные, хорошей сохранности. Вещей нет. (Рис. 5).

Погребение № 12. На глубине 1,4—1,6 м (под погребением № 7 и частично южнее его). Скелет ориентирован головой на северо-восток, на правом боку, с поджатыми ногами; руки согнуты в локтях и лежат попеременно тела. У левого бедра найден обломок дна лепного сосуда плохой сохранности. Глина с примесью мелкого шамота и выгоревших растительных веществ. Поверхности сглажены, они более светлого цвета. Это был, повидимому, небольшой округлый горшок с выступающей у дна закраинкой. Диаметр дна 6—7 см.

Погребение № 8. На глубине 2,5 м. Сильно разрушенное погребение, повидимому, в скорченном положении, головой на юго-юго-запад. Скелет лежал на левом боку, с поджатыми ногами; на месте сохранилась лишь часть костей. Кости окрашены красной краской, ею же пропитана земля под всем скелетом и черепом (рис. 4).

К югу от головы лежал глиняный плоскодонный лепной горшок с округлым несколько скошенным корпусом; у него широкая шейка и мягко отогнутый венчик с округлым краем. Глина темная, вероятно с мелкой растительной примесью. Поверхность сосуда желтовато-серая с темными пятнами копоти; венчик и внутренняя поверхность заглажены рукой, наружная поверхность корпуса покрыта длинными штрихами, оставшимися, повидимому, от обтирки сосуда травой при изготовлении. Высота горшка—12—12,5 см, диаметр края 10,5—11 см (рис. 6—2 и 7—2). У таза, на земле, покрытой красной краской, лежала грубая ножевидная пластина из серо-матового кремня, длиной 5 см с боковой ретушью. По своему облику эта пластинка более древняя, чем захоронение.

Погребение № 9. На глубине 2,1—2,2 м. Скелет, повидимому, женский, лежал головой на север, на спине с подогнутыми ногами, коленями влево; руки вытянуты вдоль тела (рис. 4).

На груди, посередине, лежала бронзовая круглая чеканная тонкая бляха, несколько выпуклая, с неровными краями и вдавленным ободком, диаметром 6,3 см (рис. 7—5). Под ней заметны были остатки подкладки в виде коричневатого тлена.

На щиколотке правой ноги был браслет в виде низки мелких пастовых пронизок-бус и бронзовая, изогнутая на конце, проволока. У голени лежало глиняное биконическое пряслице (рис. 7—6). У черепа справа лежала половинка разрушившегося лепного кувшинчика с высоким корпусом и высоким прямым чуть расходящимся венчиком с прямым краем. Придонная часть корпуса сужена, выделяется слегка выпуклое дно с закругленным краем. Черепок очень хрупкий, тесто с большой примесью шамота, цвет в изломе черный, поверхность рыжевато-коричневая, наружная поверхность сглажена. Высота 13 см, диаметр края около 7 см (рис. 6—3 и 7—4).

Погребение № 10. На глубине 2,1—2,2 м лежал скелет головой на юго-западо-запад, вытянутый на спине, ноги положены прямо, руки — вдоль тела. Вещей нет.

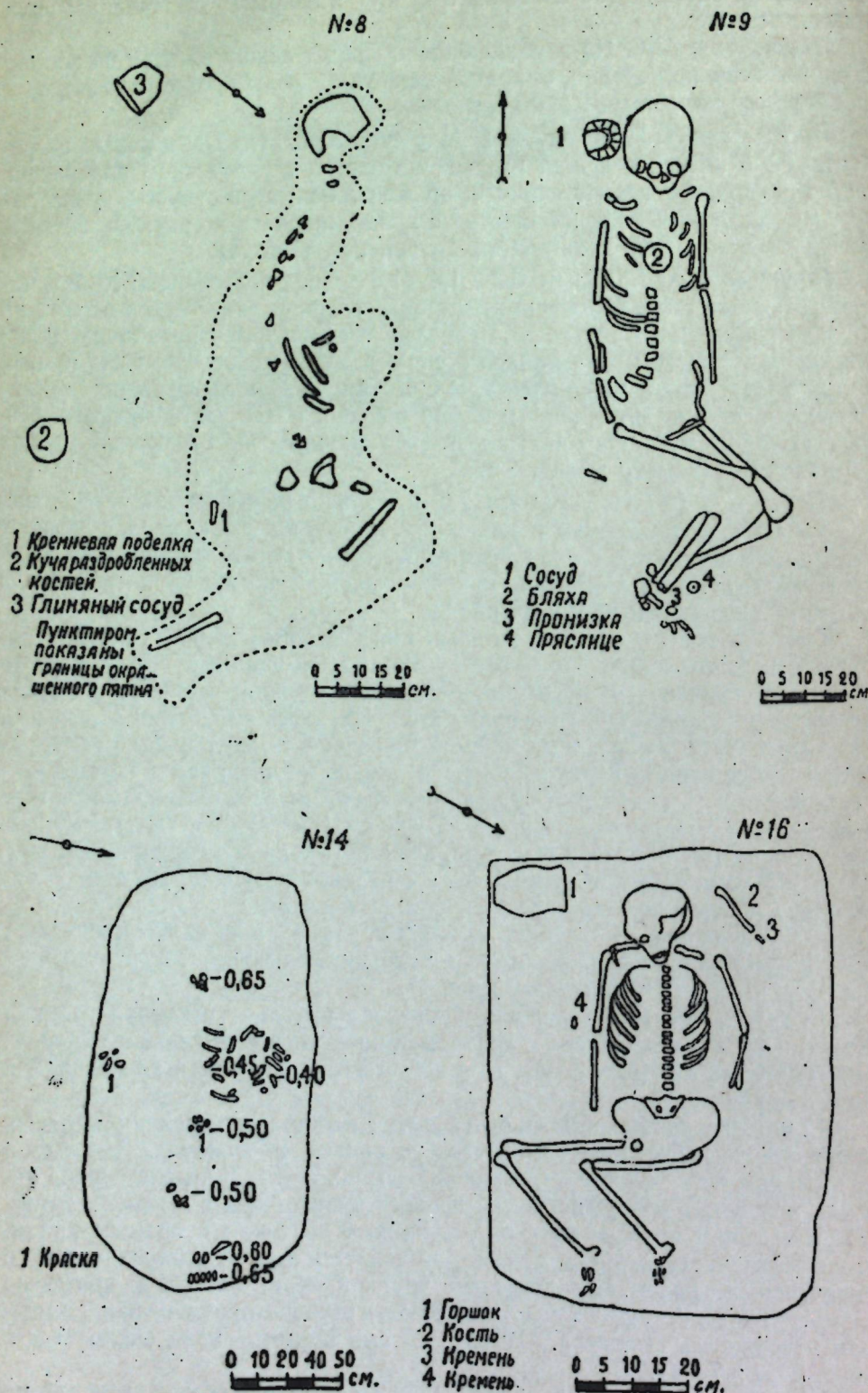

Рис. 4. Планы погребений №№ 8, 9, 14 и 16.

Погребение № 11. На глубине 1 м находилось парное погребение. Мужской и женский скелеты лежат рядом, головами на запад, вытянутые на спине. Над ними была прослойка тлена толщиной 0,5 см, повидимому, остатки дерева (рис. 9).

На стопах ног северного (мужского) скелета лежали череп и кости ног лошади. На лошадином черепе местами сохранились тонкие куски волокнистого дерева или коры красновато-коричневого цвета (седло?), а несколько дальше, у края могилы — железная уплощенная снизу пряжка в виде несомкнутой восьмерки, с длинным язычком, повидимому, от подпруги. Длина ее 5,5 см (рис. 9—5). На груди слева был железный четырехгранный наконечник дротика со втулкой, лежавший острием к голове. Длина 8,5 см (рис. 10—4).

У пояса справа — железное кресало с воткнутом в изгиб кремнем (рис. 10—5). На костях таза лежали два железных наконечника стрел — втульчатый плоский в форме вытянутого треугольника и массивный черешок второго. Там же был железный плоский наконечник стрелы в форме ромба, со следами древка на черешке и куском прикипевшей бересты на лезвии (рис. 10—3). Рядом был тонкий кусок бересты (от колчана?). Между коленями находились две железные скобы с двумя заклепками и следами дерева на последних (рис. 10—6). У левого колена был небольшой железный ножик с узким черенком. Его длина — 9,7 см. У щиколотки левой ноги — круглый железный стержень (длиной 18 см и толщиной 1,7 см) с подвижными кольцами на концах (диаметром 5 см) — вероятно, одночленные удила (рис. 10—8). К северу от левого колена, несколько в стороне, лежал железный листовидный наконечник дротика со втулкой длиной 12,5 см и небольшой железный наконечник стрелы ромбической формы с округленными углами, плоский, с черенком. Стрелы, повидимому, лежали в берестовом колчане, находившемся у таза (рис. 10—1). Близ левого плеча находился обломок нижней части плоскодонного глиняного довольно грубого лепного горшка (рис. 10—7).

К женскому скелету относится найденное у черепа слева височное серебряное кольцо с дутой округленно-биконической насадкой (рис. 9—4), а также матерчатый кисет, лежавший у левого плеча. В кисете лежали железные ножницы обычного типа, с концами, загнутыми в кольца (рис. 9—2), и небольшой железный стержень со следами деревянной рукоятки (шило?) (рис. 10—2). На ножницах и на шиле сохранились остатки прижававшей ткани. Кисет, повидимому, был украшен тремя бронзовыми бубенчиками, лежавшими один под другим у левого локтя скелета. На нижнем, самом крупном, сохранились остатки кожи. Все три бубенчика одинаковой формы — четырехгранные, с плоским ушком, с приплюснутой и крестообразно разрубленной нижней частью, покрытой сплошной штриховкой (рис. 9—3).

Погребение № 13. На глубине 2,5 м находился скелет головой на северо-северо-восток, на спине, ноги слегка поджаты и откинuty влево, руки раскинуты по бокам тела (рис. 8—1). На черепе и вокруг него много красной краски. За черепом лежал обломок стенки глиняного лепного сосуда, закопченного и окрасившегося в красный цвет. Глина темная, с мелким шамотом, поверхности носят следы обтирки травой. Вблизи скелета слева лежали обломки глиняного лепного сосуда очень плохой сохранности, с чрезвычайно шероховатой, осыпавшейся внешней поверхностью. Вероятнее всего, сосуд принадлежал другому, разрушенному погребению, находившемуся рядом.

Погребение № 15. На глубине 2,4 м находился скелет головой на северо-восток, на левом боку, колени откинuty влево, пятки у таза; левая рука вдоль тела, правая согнута в локте, кисть у левого плеча. Вещей нет.

Погребение № 17. На глубине 2,5 м. Погребение сильно разрушено. Скелет головой на восток лежит на левом боку в очень скорченном положении, кисти рук у головы. Вещей нет.

Погребение № 18. На глубине 2,6 м. Скелет головой на юго-запад, вытянут на спине, ноги положены прямо, руки вдоль тела. Черепа нет. Вещей нет.

Погребение № 19. На глубине 2,8 м. Скелет головой на северо-восток, скорченный на правом боку, руки слегка согнуты, кисти рук у колен. Череп, повидимому, деформирован (очень вытянут на темени и затылке), имеет седловидную кольцевую выемку. На дне могилы слабые следы красной краски. Вещей нет.

Погребение № 20. На глубине 2,8 м. Скелет лежит в скорченном положении, головой на восток, на левом боку, с разворотом грудью к земле. Кисти рук должны быть у головы, но череп и кисти уничтожены погребением № 21. Кости очень массивные, крупные. Вещей нет (рис 8—1).

Погребение № 21. На глубине 2,8—3 м. Скелет (видимо, женский) вытянут на спине, головой на север, ноги положены прямо, а руки—вдоль тела, правая кисть на тазе (рис. 8—1). Вокруг шеи имелось ожерелье из 11 сердоликовых и 9 агатовых боченкообразных и удлиненных бус. У шеи слева было несколько разложившихся блестящих зеленовато-синних бисеринок или обломков бус. У кисти левой руки — две бусины неправильной кубической формы — агатовая и сердоликовая, — одна маленькая шарообразная сердоликовая и одна перламутровая в форме параллелепипеда. У колена слева — одна сердоликовая бусина неправильной кубической формы. У щиколотки правой ноги — 5 бус, из них 3 сердоликовые неправильной кубической формы, одна продолговатая из прозрачной стекловидной массы и одна перламутровая удлиненная, четырехгранная. Здесь же лежали несколько мелких пастовых голубоватых бисеринок.

На груди слева лежала тонкая бронзовая пластинка округлых очертаний, очень плохой сохранности, распавшаяся на куски. Возможно, это было зеркальце.

В ногах лежал небольшой кувшин станковой работы с ручкой и поддоном. Дно узкое, корпус округлый, плечики довольно крутые, шейка широкая и короткая, венчик утолщен и выступает на наружную сторону уступом. При переходе от нижней части корпуса к плечикам образуется вертикальный поясок. Плечики в средней части опоясывают горизонтальный валик. Ручка плоская небольшая, идет от шейки к плечикам. Поддон снизу профилирован. Глина светлая, желтовато-серая, отмученная, с мелкими блестками. Обжиг хороший. Шейка и плечики залощены. Высота 15 см, диаметр края 8,5 см, дна—5 см (рис. 8—3).

У левой щиколотки лежал второй глиняный кувшинчик, меньших размеров и более стройный. Низкий корпус отделяется от высоких крутых плечиков уступом внутрь. Венчик широко отогнут, край его срезан кнаружи; по шейке плоский выпуклый ободок. Ручка плоская, идет от края венчика до нижней части плечиков. Имеется профилированный поддон. Сосуд сделан на круге, глина отмученная, желтовато-красная, обжиг хороший. На поверхности — местами следы красного ангоба. Кусок венчика был выломан в древности и имеет по краям излома две пары отверстий для починки. Высота 12,8 см, диаметр края 6,3 см (рис. 8—2).

Погребение № 22. На глубине 2,8 м. Скелет ориентирован головой на северо-восток, в очень скорченном положении на груди, спиной вверх. Ноги откинuty вправо, колени у локтей, кисть правой руки у рта, левой — у затылка. Сохранность костей хорошая. Вещей нет (рис. 5).

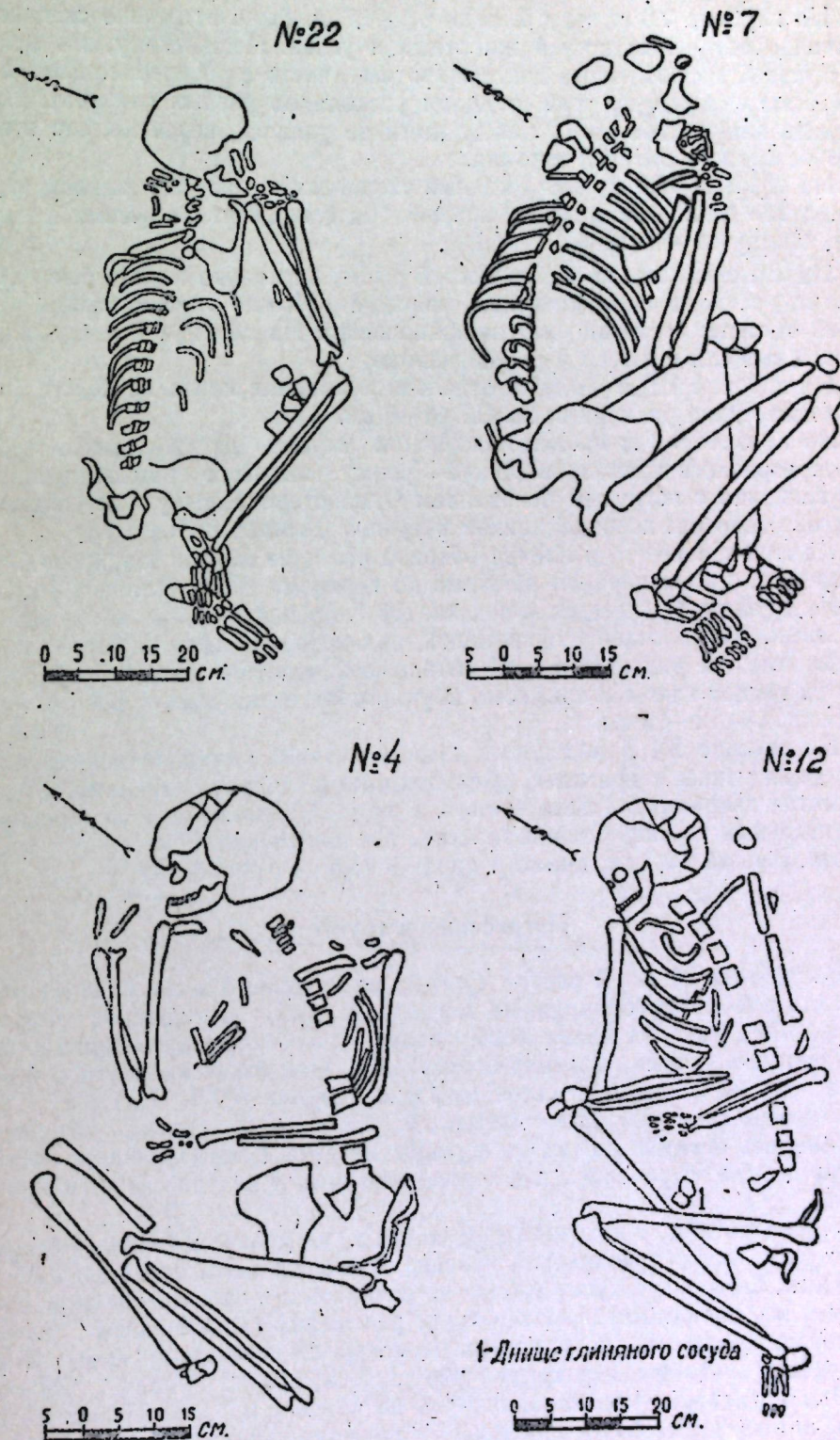

Рис. 5. Планы погребений №№ 22, 7, 4 и 12.

Находки в насыпи

На глубине 0,6 м, на площади 0,5×0,7 м, было встречено скопление частично обгорелых костей животных и углей. Повидимому, это остатки тризны. Разрозненные кости животных, часто с раздробленными концами, встречались по всей площади раскопа на разных глубинах. Проследить какую-либо связь между ними не удалось, вероятно, это пищевые остатки строителей кургана.

На глубине 0,75 м лежал полный скелет козы в нерасчлененном виде. Животное было положено на правый бок с поджатыми ногами и головой, закинутой на плечо.

На скелете лежала кучка костей рыбы, насколько можно было проследить, также в анатомическом порядке. Можно предполагать, что здесь открыты остатки жертвоприношения. На глубине 1 м отдельной кучкой лежали челюсти и ребра лошади.

На глубине 1,1 м найдена отдельно лежавшая плита из белого мягкого известняка размерами 23×19×5—6 см.

На глубине 0,8 м найден наконечник стрелы из желтовато-серого полупрозрачного кремня, имеющий форму высокого равнобедренного треугольника с вогнутым основанием. Одна сторона выпуклая уплощенная, обе покрыты хорошей тонкой ретушью. Длина стрелы 3 см.

На глубине 1—1,1 м найден боковой резец из серого полупрозрачного кремня, с притупленной ретушью по верхнему краю. Длина 5,2 см.

На глубине 1 м найден кусок низкой глиняной чашки с прямыми стенками. Дно плоское с закраинкой, над которой вдоль нижнего края стенки имеется ряд небольших пальцевых вдавлений-ямочек. Сосуд лепной из темной глины с примесью крупного шамота. Высота 6,3 см, диаметр края — 12—13 см.

На глубине 2,4 м под двумя камнями стояла глиняная лепная плоскодонная чашка с прямыми, расходящимися кверху стенками. У дна примятая закраинка. Глина темная, с примесью шамота и выгоревших растительных частиц. Стенки толстые. На поверхности местами пятна копоти. Высота 10,5 см, диаметр края — 15,5 см (рис. 6—5).

Погребения в грунте

Погребение № 14. В центре кургана на глубине 3 м на фоне желтой материковой глины обнаружена могильная яма, заполненная черной землей. Яма имела в плане форму неправильного прямоугольника с закругленными углами, суженного посредине. Она была вытянута с северо-востока на юго-запад, длина ее 1,8 м, ширина — 1,1—1,35 м.

В северо-западной части могилы, на 0,2 м выше уровня материка, сохранились остатки дерева от перекрытия ямы. Следы упавших сверху кусков дерева встречались и в заполнении ямы и на дне ее у южного края.

У края могилы, в юго-западной ее части, на уровне материка обнаружено было пятно яркокрасной краски, лежавшей здесь слоем до 0,05 м толщины. Отдельные куски краски встречались и в заполнении ямы и на дне ее, но, повидимому, краска была рассыпана густым слоем поверх погребения, а возможно и поверх деревянного перекрытия ямы. Впоследствии, когда это перекрытие обрушилось, краска попала в могилу.

Дно могильной ямы, находившееся на глубине 0,7 м от уровня материка, имело форму более правильного прямоугольника с закругленными углами. Оно было выстлано тонким слоем дерева или коры.

Погребение оказалось разрушенным. Кости скелета находились на различных уровнях по всей могиле, лишь на дне ямы, у восточной стен-

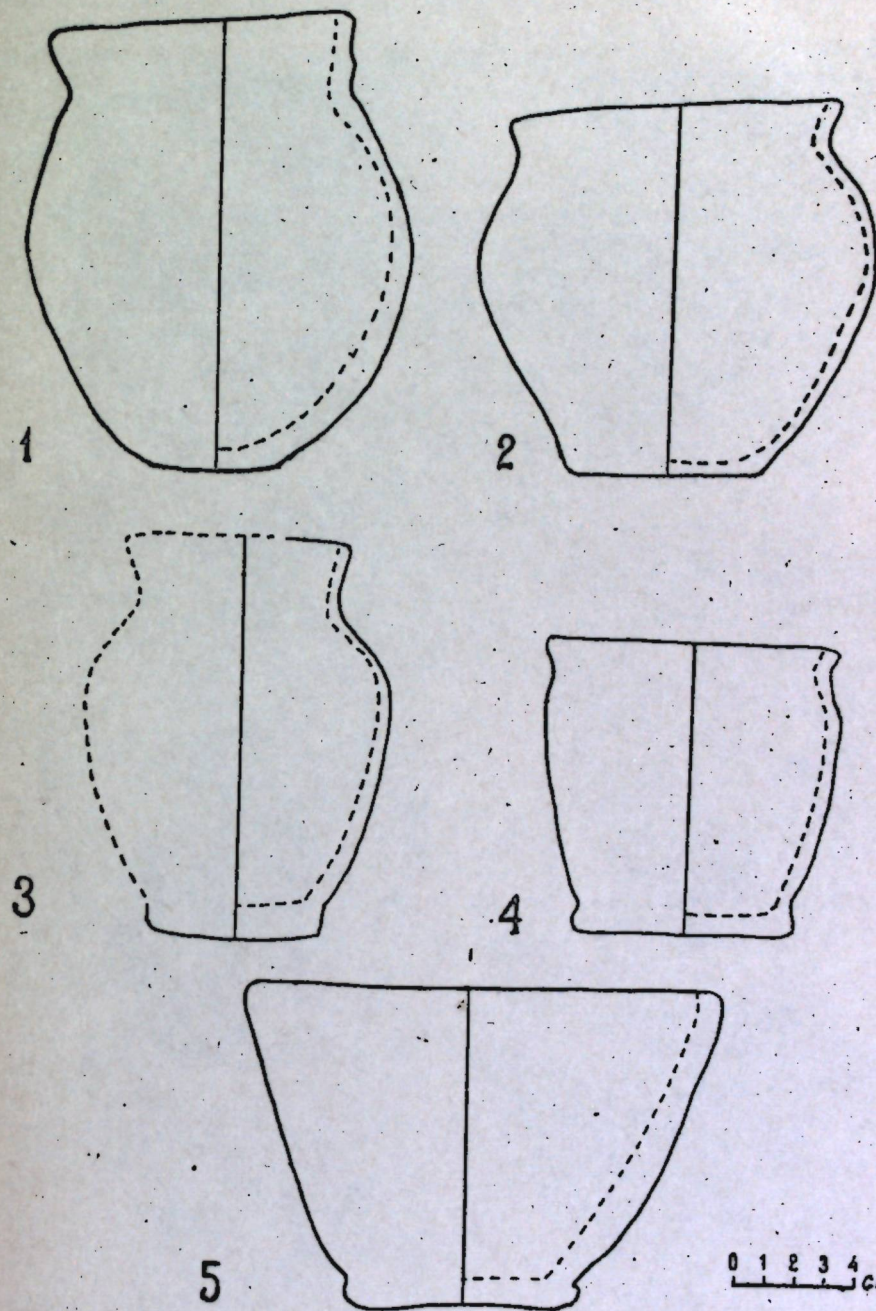

Рис. 6. Профили сосудов:

1—погребение № 16; 2—погребение № 8; 3—погребение № 9; 4—погребение № 1; 5—чашка (найдена в насыпи).

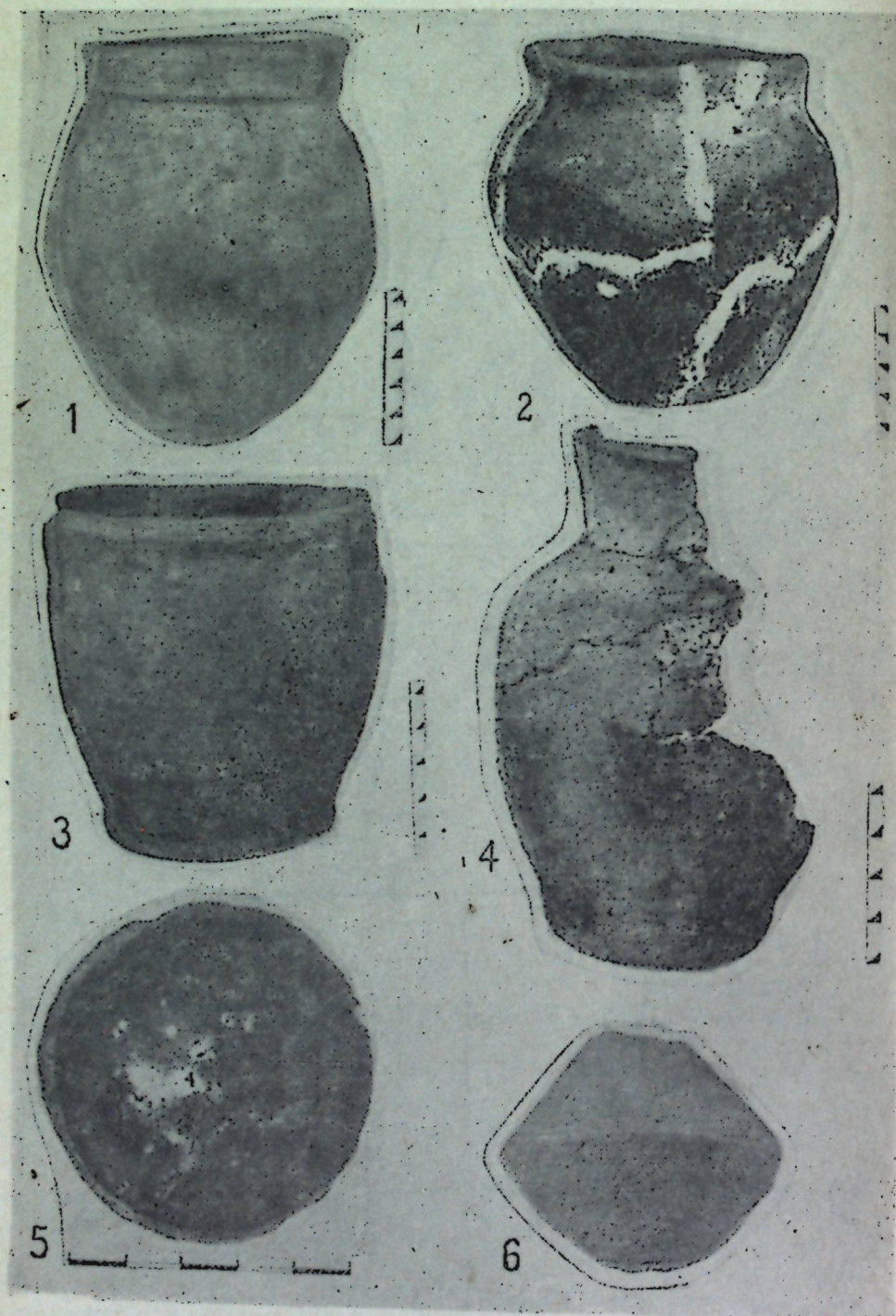

Рис. 7. 1—4. сосуды из погребений №№ 16, 8, 1, 9, 5—6. бляха и пряслице из погребения № 9.

ки ее, сохранились, видимо *in situ*, кости стопы ног (фаланги). Они расположены были перпендикулярно стенке могилы, как будто ступни стояли на дне, пальцами почти упираясь в стенку (рис. 4).

Все кости сильно окрашены красной краской и хорошей сохранности. Вещей нет.

Первоначальное положение скелета неясно. Возможно, что он лежал на спине с поднятыми вверх коленями, головой на юго-запад.

Погребение № 14 является основным для большого кургана.

Рис. 8. 1. Погребения № 20, 21 и 13, вид с запада; 2—3. Сосуды из погребения № 21.

Погребение № 16 является наиболее ранним, соответствовавшим малой насыпи. Выбросы из ямы погребения № 14 перекрывают часть насыпи над погребением № 16. На глубине 3,1 м в материке обнаружилось могильное пятно. Могила правильной прямоугольной формы, вытянута с северо-востока на юго-запад. Длина ее 0,85 м, ширина 0,6 м, глубина 0,15 м. В яме лежал детский скелет головой на юго-запад, в скорченном

положении на спине. Ноги слегка поджаты, откинута вправо, руки положены вдоль тела (рис. 4).

По всему дну ямы под скелетом была угольная подсыпка, более обильная у ног; возможно, что ноги были посыпаны ею и сверху. Кости окрашены красной краской, сохранность их плохая.

У головы справа, в южном углу ямы, лежал на боку глиняный яйцевидный сосуд с очень узким, чуть выпуклым дном и высоким стоячим венчиком с прямым краем. В наиболее широкой части сосуда, в перегибе стенок к плечикам, намечается ребро, а между плечиками и венчиком проходит широкий желобок, образующий шейку. Сосуд лепной из темной глины с редкими белыми вкраплениями, обжиг средний. Поверхность серо-коричневая с темными пятнами копоти; наружная поверхность заглажена, внутренняя имеет следы обтирки травой. Высота 14—14,5 см, диаметр устья 10 см, дна — 3,5 см (рис. 6—1 и 7—1).

У головы слева, в западном углу, лежала кость животного и осколок кремня. У правого локтя снаружи лежал другой обломок кремня.

В исследованном кургане выявлено 23 погребения, из них 2 грунтовых и 21 впускное в насыпи. Кроме того, в насыпи встречено не менее 6 разрушенных погребений, от которых остались отдельные кости, а в некоторых случаях часть вещевых находок (керамики), не связывающихся с определенными погребениями.

Погребения эпохи бронзы

Открытые нами погребения можно разбить на несколько групп, взяв за основу периодизацию памятников бронзового века степной части юга СССР.

Оба грунтовые погребения (№№ 14 и 16) относятся к древнеямному типу. Древнейшим следует признать погребение № 16. Для этого раннего этапа эпохи бронзы характерны положение скелета на спине со слегка подогнутыми ногами и руками, вытянутыми вдоль тела, угольная подсыпка под погребением и обильная засыпка его красной краской, а также малое количество инвентаря и характер его. Закладывание в могилы костей животных и осколков кремня отмечены в погребениях древнеямного типа¹.

Яйцевидный горшок из погребения № 16, с широким прямым венчиком, представляет собой раннюю форму, позже шейка становится короче и венчик отгибается наружу. Этот сосуд имеет по форме некоторые аналогии в материалах из Ясковиц² (Киевская обл.), Белозерки (Херсонская обл.)³ и кургана у «Каменной Могилы» близ Мелитополя⁴.

Над погребением № 16 имелась небольшая курганная насыпь, в северной поле которой была в дальнейшем выкопана глубокая яма погребения № 14; выкиды глины последней легли на более древнюю насыпь. Оба эти погребения приблизительно одновременны.

Погребение № 14 совершенно разрушено и вещей в нем не обнаружено, но характер могильной ямы и ритуал захоронения характерны для погребений древнеямного типа. Оно опущено в полу древнейшей насыпи, большая яма его имела перекрытие деревянными плахами, скелет находился головой на юго-запад и был обильно посыпан красной крас-

¹ Отчет ГИМ за 1915 г., стр. 141.

² Т. С. Пассек, К вопросу о Средне-Днепровской культуре, КС ИИМК, вып. XVI, рис. 12—3 и 11—6—8.

³ Г. Л. Скадовский, Белозерское городище Херсонского уезда, Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульца и началом Днепровского лимана. Труды VIII АС, т. III, табл. X.

⁴ По сообщению В. Н. Даниленко о его раскопках в 1947 г. близ г. Мелитополя, Запорожской области.

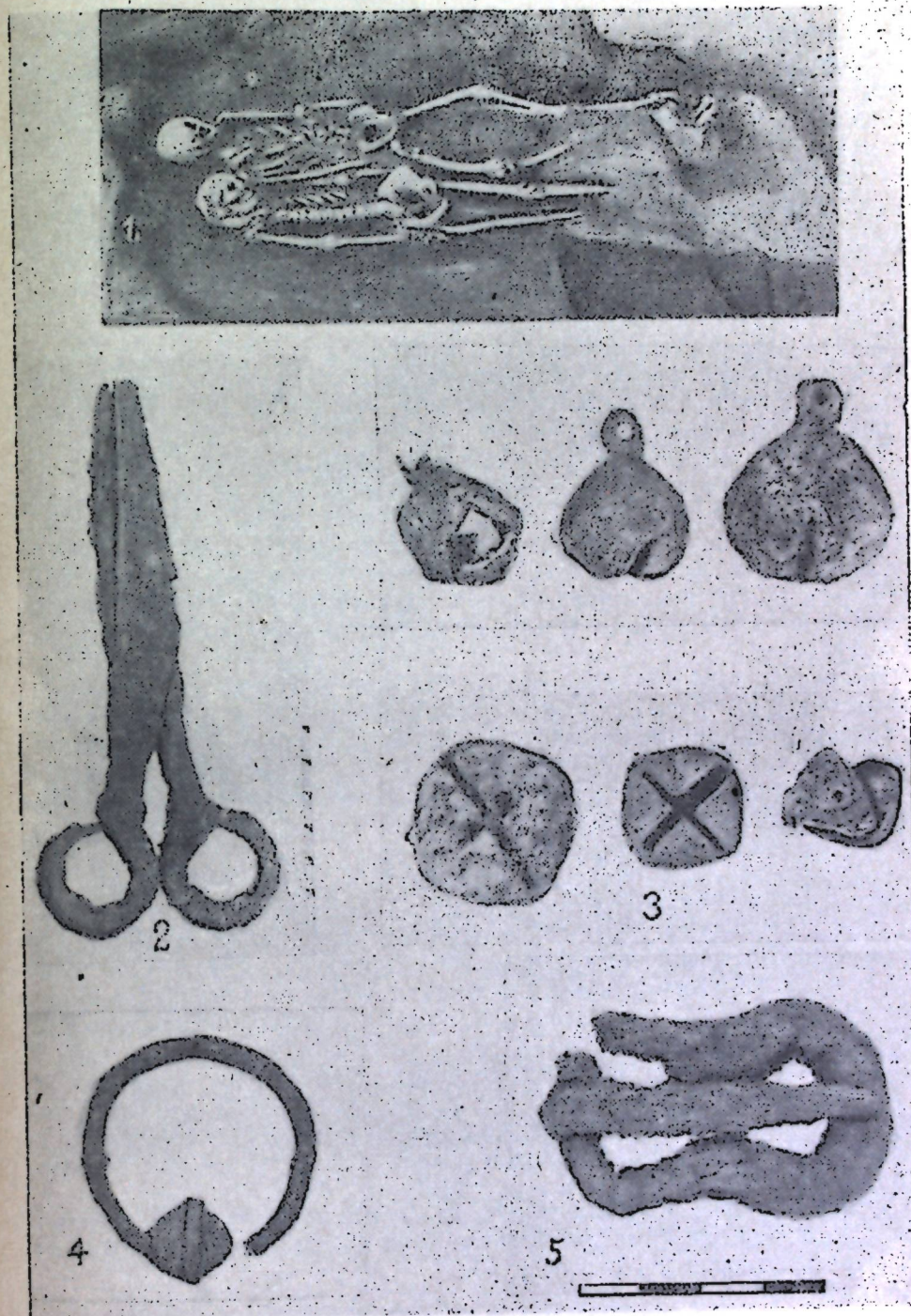

Рис. 9. Погребение № 11:

1—общий вид погребения с юга; 2—ножницы; 3—бубенчики; 4—височное кольцо; 5—пряжка.

кой. Над этим погребением была сооружена большая насыпь. В дальнейшем, она, вероятно, еще неоднократно подсыпалась, хотя прямых доказательств этому нет. Досыпка больших курганов обычна для эпохи ранней бронзы¹.

Следующая, по времени, группа представлена впускными погребениями на уровне поверхности земли в момент насыпки кургана, с посыпкой красной краской. Сюда следует отнести погребения №№ 8, 13 и, возможно, 19.

Наличие красной краски, характерное для ямных погребений, согласуется с определением погребения № 8, по имеющемуся в нем сосуду, границей ямно-катакомбного времени. Аналогичный по форме сосуд был найден в «Безчастной Могиле» близ с. Новогригорьевки (раскопки Д. Я. Самоквасова). По определению О. А. Граковой, он является переходным от ямного к катакомбному типу².

К этому же периоду можно отнести погребение № 13, с его обычным для ямных погребений положением скелета на спине с подогнутыми ногами, сопровождаемое обломком горшка, по технике подобного сосуда из погребения № 8.

Погребение № 9 также на горизонте и очевидно близко по времени к предыдущим, но в нем нет красной краски. По сосуду, рубленным пастовым бусам и бронзовой бляхе оно тяготеет ко времени катакомбной культуры. В группу впускных погребений без краски входит основная масса погребений без инвентаря. Из них выделяются погребения №№ 2, 3, 6, 7, 17, 20, 22, лежавшие головой на северо-восток и восток, сильно скорченные на левом боку. Очевидно их можно отнести к ямной культуре³.

Имеются погребения, обращенные головой также на северо-восток, но лежавшие на спине с поджатыми вбок ногами (№ 4, 12). Выделяется ориентировка на юго-восток при слабо скорченном положении на левом боку (№ 15).

Наиболее поздним из серии погребений эпохи бронзы является открытое на вершине кургана погребение № 1 с горшком в форме банки, типичным для срубных погребений.

К этому материалу следует присоединить некоторые отдельные находки в насыпи, не связанные с определенными погребениями. Отметим кремневый наконечник стрелы с вогнутым основанием, типичный для эпохи ранней бронзы. Чашка с расходящимися стенками и обломок чашки с пальцевыми углублениями у дна имеют аналогии в сосудах, так называемых погребений в насыпях (раскопки В. А. Городцова на Донце), относящихся к поздней бронзе⁴.

Как мы видели, погребения и предметы эпохи бронзы относятся к большому периоду времени — от ранней до поздней ее поры. Крайние веки хорошо определяются стратиграфией кургана — от древнейшего погребения в грунтовой яме в основании кургана до погребения срубной поры на его вершине.

Курган в долине р. Когильник по характеру выявленного в нем материала типичен для памятников эпохи бронзы степных районов Северного Причерноморья и Приазовья.

¹ Раскопки Б. Н. Гракова у Никополья в 1938—1939 гг. Материалы археологической экспедиции в районе Днепроострой. Архив Института Археологии АН УССР, Киев.

² О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь ямной и катакомбной культур. Труды ГИМ, VIII, стр. 36, рис. 2.

³ О. А. Кривцова-Гракова, Указ, соч., стр. 34. Б. Н. Граков, Отчет Никопольской археологической экспедиции, 1937, г. (рукопись, архив Института Археологии, АН УССР, Киев.)

⁴ Труды XII АС, т. I, табл. XI.

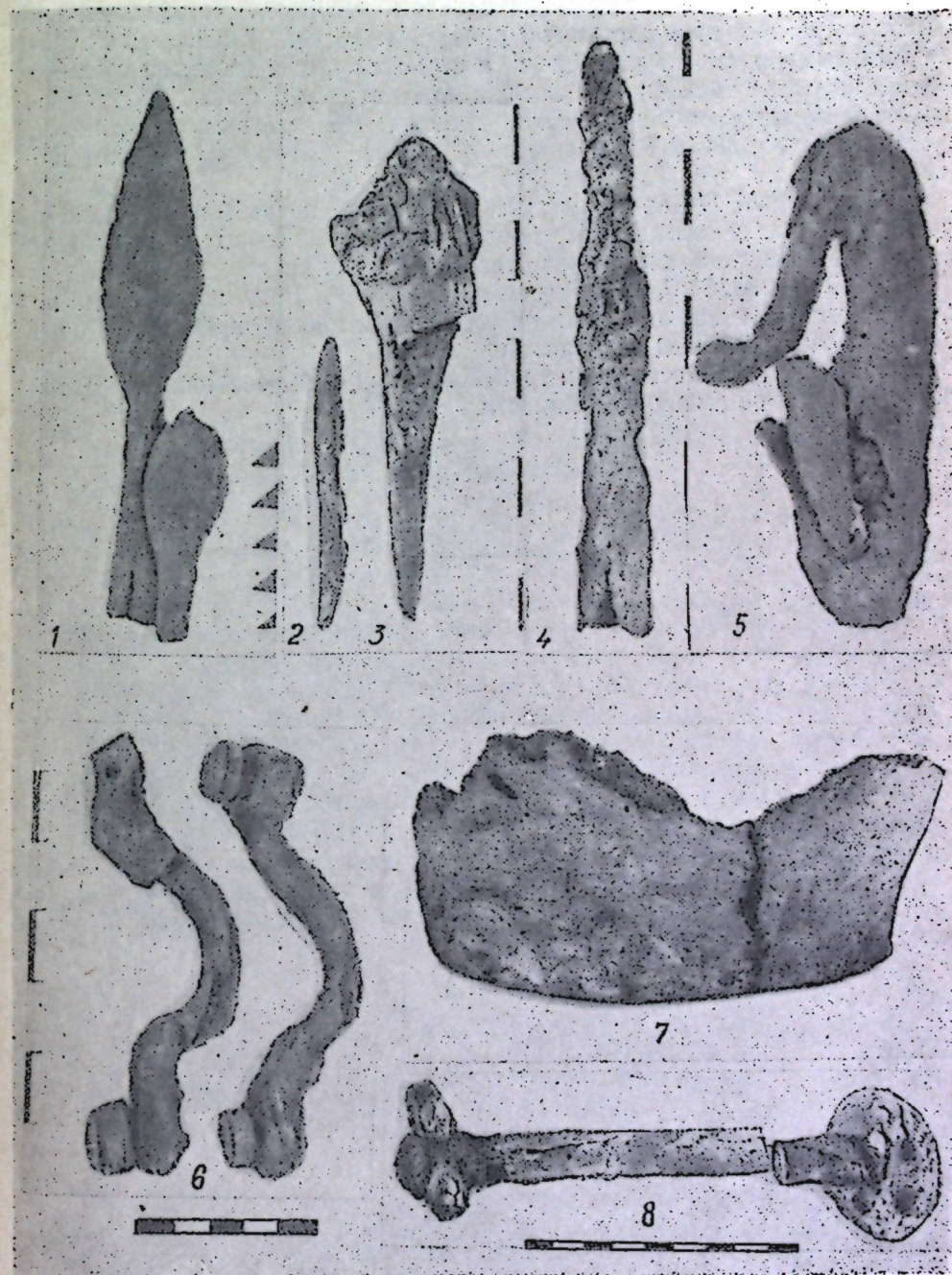

Рис. 10. Вещи из погребения № 11:

1—наконечники дротика и стрелы; 2—шило (?); 3—наконечник стрелы с прикреплённой берестой; 4—наконечник дротика; 5—кресало и кремь; 6—скобки; 7—дно сосуда; 8—удило.

Погребение № 21 начала нашей эры. Датировка погребения несколько затруднительна. Желтоватый кувшинчик со следами матового ангоба повторяет эллинистические образцы, второй же сосуд ближе к облику керамики провинциальной римской культуры. Бронзовая поделка (зеркальце?) сильно разрушена, а сердоликовые и агатовые бусы не дают достаточно точной даты, так как этот вид украшений бытует в Причерноморье длительный период времени. По всей сумме признаков женское погребение № 21, повидимому, можно датировать началом нашей эры.

Погребение № 11—кочевническое. Впускные погребения с конем, расположенные в насыпи более древнего кургана, обычны для южных степей. По инвентарю его можно отнести к IX—X вв.

Погребения №№ 10, 18, 23 (неопределенные). Эти погребения не имеют признаков для отнесения их к тому или иному времени. Кости скелетов очень хорошей сохранности.

Погребение № 5 с остатками трупосожжения стоит особняком. Датировать его мы не имеем возможности.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй Т. Г. Оболдуева «Ун курган дин епока бронзей ын валя рыулуй Когылник»

Ын курганул, черчетат де аутор, ау фост гэсите 23 морминте, динтре каре 2 де грунт ши 21 морминте ын мовилэ. Ын афарэ де аяста, ын мовилэ ау фост дизгропате чел пуцын 8 морминте дэрымате. Амындоуэ морминтеле де грунт фак парте дин култура «древнеямная». Динтре морминтеле, фэкуте ын мовилэ, трий ау фост зыдите ла граница динтре периоада «ямная» ши периоада «катакомбная». Челе май мулте динтре морминтеле дин мовилэ фак парте дин култура «ямная». Чел май ноу динтре морминтеле дин епока бронзей есте мормынтул № 1, дископерит пе кулмя мовилей. Ел фаче парте дин култура «срубная». Морминтеле ши объектеле, каре ау фост гэсите ын курган, провин дин епока бронзей. Жудекынд дупэ материалул гэсит ынтр'ынсул, курганул дин валя рыулуй Когылник ый типик пентру монументеле епоций бронзей дин райоанеле де степэ дин партя де мязэ-ноапте а цэрмулуй Мэрий Негре ши Мэрий Азов. Ын курган ау фост деасэменя гэсите морминте дела ынчепу-тул ерей ноастре—дин периоада номадэ а вакурилор IX—X ши а.

А. И. МЕЛЮКОВА

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В МОЛДАВИИ В 1952—1953 гг.

Одним из малоизученных районов, интересующих скифологов, является территория современной Молдавии. Исследование памятников скифского времени здесь началось только после Великой Отечественной войны. Первые разведки и раскопки этих памятников были произведены в 1946 г. экспедицией Института археологии АН УССР под руководством Г. Д. Смирнова. В 1947—1949 гг. Г. Д. Смирнов продолжал исследование, возглавляя археологическую экспедицию Молдавской базы АН СССР¹.

В 1948 г. Трипольской экспедицией АН СССР под руководством Т. С. Пассек в Молдавии был открыт ряд городищ и поселений скифской эпохи². С 1952 г. систематическое изучение памятников этого времени проводила объединенная Молдавская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР и ИИЯЛ Молдавского филиала АН СССР³. В результате всех этих исследований нам стало известно около 60 памятников скифской эпохи, расположенных в лесостепных районах Молдавии, на север от Кишинева. Степные области пока еще не изучались.

Уже первые работы Г. Д. Смирнова показали, что памятники скифского времени в Молдавии по ряду признаков отличаются от памятников степной и лесостепной Украины. Однако тогда казалось, что они очень близки к тем, которые находятся на территории правобережного Среднего Приднепровья.

Сейчас можно уже почти определенно говорить о том, что на территории Молдавии, по крайней мере в ее лесостепных областях, в VII—III вв. до нашей эры существовала особая группа памятников, резко отличных от степных собственно скифских и имеющая ряд общих черт с лесостепными культурами северо-западных районов Поднестровья, Побужья и правобережного Среднего Приднепровья. Памятники Молдавии наиболее близки к памятникам, известным в настоящее время в юго-восточных районах Румынии.

Генезис этой культуры пока не изучен, потому что исследование памятников эпохи поздней бронзы и раннего железного века начато только в 1954 г. Кроме этого имеется еще один пробел в изучении материальной

¹ Г. Д. Смирнов, Скифское городище. Большая Сахарна, КС ИИМК, вып. XXXVI, 1949, стр. 93—96.

² Т. С. Пассек, Археологические разведки в Молдавии, КС ИИМК, вып. XXXVI, 1949, стр. 57—68.

³ А. И. Мелюкова, Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии в 1952 г. КС ИИМК, вып. 56, стр. 59—68.

культуры племен, живших в скифский период на территории современной Молдавии. До сих пор нам не удалось найти и исследовать памятники, которые можно было бы датировать V в. до нашей эры. Относительно хорошо известными являются памятники VII—VI и IV—III вв. до нашей эры. Первые представлены как поселения открытого типа, так и могильниками, вторые—пока только укрепленными городищами и открытыми селищами. Отсутствие городищ VII—VI вв. до нашей эры на территории Молдавии свидетельствует о том, что последние появились здесь значительно позднее, чем в соседних районах—в Побужье и правобережном Среднем Поднепровье.

Все укрепленные поселения скифского времени, обнаруженные в Молдавии, датируются IV—III вв. до нашей эры. Однако не исключена возможность, что они появились здесь еще в конце V в. до нашей эры.

Поселения раннескифского времени известны по раскопкам трех пунктов в Резинском районе¹ и по разведкам в Рыбницком, Резинском и Оргеевском районах.

Все эти памятники дали близкий друг другу материал, отличия между ними наблюдаются лишь в деталях. Одним из таких памятников раннескифского времени является поселение у с. Солончены, изучавшееся нами в 1952—1953 гг. Это селище расположено в юго-западной части мыса, образованного двумя глубокими оврагами. Несмотря на сравнительно большие размеры вскрытой раскопками площади (около 900 кв. м) никаких сколько-нибудь явных остатков жилищ обнаружено не было. Не встречены они также и на двух других поселениях. Очевидно, жилищами здесь служили легкие наземные дома, стены которых, возможно, были обмазаны глиной. О последнем позволяет говорить большое количество кусков глиняной обмазки с отпечатками прутьев, найденных в различных местах поселения. При раскопках вскрыто много ям в плане округлой или овальной формы с диаметром устья от 0,8 до 2,5 м, глубиной 0,90—2,35 м от современной поверхности.

Одни из них расширялись ко дну, другие, наоборот, сужались, третьи имели небольшие подбои в стенках, стенки четвертых были вертикальными. Довольно обычным является наличие ступеньки в одной из стенок ям. В ряде ям на дне находились крупные камни. Часто ямы составляли комплексы из двух, трех или реже четырех ячеек. При этом обычно одна ячейка прорезала стенку другой. Определить назначение каждой из ям, открытых при раскопках, не представляется возможным. В четырех ямах были обнаружены остатки глинобитных очагов или печей. На дне двух ям имелось по пятну, состоявшему из золы и угля, которые также указывают на то, что здесь располагались очаги.

Остальные ямы скорее всего служили хранилищами. При этом одни из них, колоколовидные в разрезе, были, вероятно, зерновыми, другие, с крупными камнями на дне и ступеньками в стенках, служили для хранения каких-то скоропортящихся продуктов.

Некоторые из этих ям были заброшены еще в древности и употреблялись в качестве мусорных, в других постепенно отлагался культурный слой.

На южном склоне поселения был обнаружен зольник площадью более 100 кв. м. Слой золы толщиной 0,40—0,65 м лежал на древнем черно-

¹ В 1947—1948 гг. Г. Д. Смирнов производил раскопки на поселении у с. Сахарны; в 1951 г. сотрудница группы славянской археологии Молдавской археологической экспедиции О. Н. Мельниковская произвела разведывательные раскопки на поселении у с. Цахнауцы. В 1952—1953 гг. мною произведены раскопки на поселении в урочище Глиная у с. Солончены. См. О. Н. Мельниковская, Археологические разведки на поселения у с. Цахнауцы, КС ИИМК, 56, стр. 69, А. И. Мелюкова, Указ. статья, стр. 59.

земе. Местами древний чернозем прорезали неглубокие круглые в плане ямы, также заполненные золой. В зольном слое содержалось большое количество обломков керамики и отдельные кости животных.

Очевидно, жители поселения сбрасывали очажные остатки и мусор в специально отведенное для этого место. Зольники представляют обычное явление на поселениях лесостепи эпохи поздней бронзы и раннескифского времени¹. Вопрос о назначении зольников не решен. Одни исследователи считают их обыкновенными мусорными кучами, другие склонны думать, что они имели культовое назначение. Наличие в зольнике на поселении у с. Солончены совершенно таких же культурных остатков, как и в основном слое, позволяет присоединиться к первому предположению.

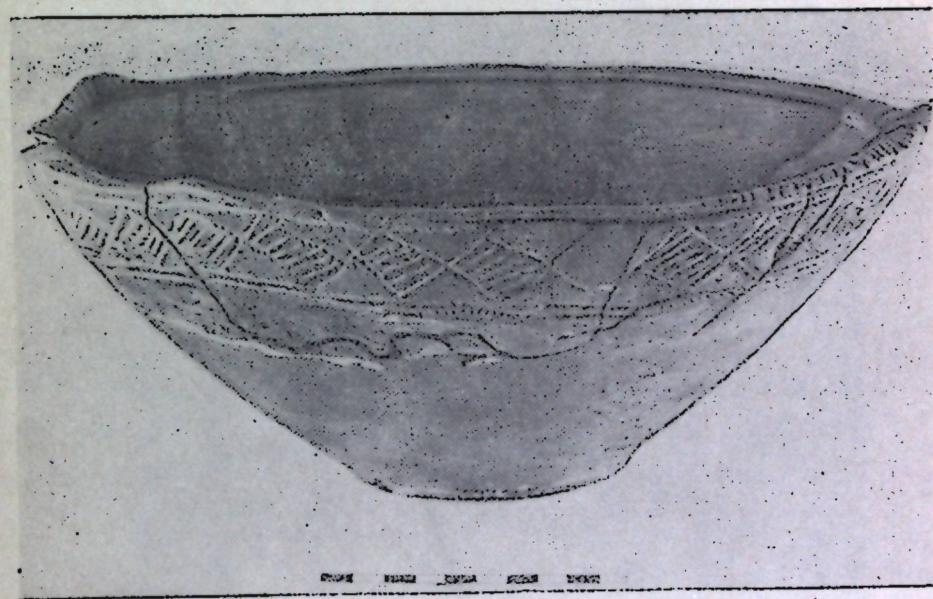

Рис. 1. Миска с поселения у с. Солончены.

Основным занятием жителей поселения у с. Солончены было земледелие. Об этом свидетельствуют находки зернотерок, кремневых вкладышей серпов, отпечатков соломы на глиняной обмазке и наличие отпечатка ячменного зерна на одном из фрагментов сосуда². О технике земледелия судить трудно. Однако обращает на себя внимание тот факт, что здесь в раннескифское время продолжали употреблять кремневые серпы и каменные сверленные топоры-молоты, вышедшие из употребления в большинстве районов Сев. Причерноморья в самом начале железного века. Кроме Молдавской группы памятников, эти орудия труда в VII—VI вв. до нашей эры применялись еще в более северных и северо-западных районах Поднестровья. Очевидно, это следует объяснять отсутствием поблизости металла и его дороговизной.

Скотоводство играло, по всей вероятности, лишь подсобную роль, потому что костей животных как на поселении у с. Солончены, так и на других памятниках этого времени, раскопанных в Молдавии, найдено немного.

¹ А. И. Тереножкин, Поселения белогрудовского типа близ Умани, «Археология», V, Киев, 1951, стр. 182. Е. Ф. Покровская, Поселения VIII—VI вв. до н. э. на Тясмине, «Археология», VII, стр. 46.

² Определение, сделано А. В. Кирьяновым в лаборатории ИИМК.

Высокоразвитым было гончарное производство. Об этом свидетельствует как богатый и разнообразный комплекс керамики, найденной при раскопках, так и ряд употреблявшихся в гончарном производстве орудий труда. Керамика делится на две группы. К первой группе относится посуда тщательной отделки из глины с мелкими примесями, имеющая хорошо лощеную черную, коричневую или серовато-желтую поверхность, часто украшенную богатым резным или зубчатым штамповым орнаментом. Вторую группу составляют кухонные горшки, сделанные из глины с примесью довольно крупного шамота. Поверхность их была заглажена или лишь слегка залощена.

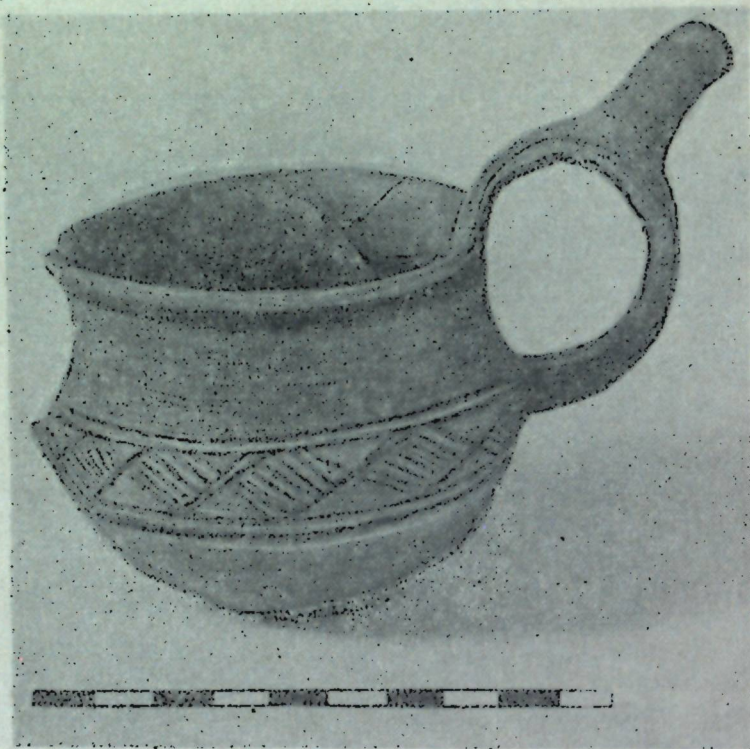

Рис. 2. Черпак с поселения у с. Соломченны.

Лощеная керамика разнообразна по формам и орнаментации. Наиболее обычной находкой являются фрагменты столовой посуды: мисок и черпаков. Большинство мисок с загнутым внутрь краем и плавно покатыми ко дну стенками. В верхней части стенок и по краю мисок встречается геометрический орнамент, сделанный резными линиями или зубчатым штампом (рис. 1). Реже встречаются миски с орнаментом в виде косых каннелюр или рельефных валиков по краю. Черпаки имеют довольно высокую шейку, округлое тулово и ручку с шишечкой наверху. Тулово и шейка черпаков обычно украшались резными орнаментами в сочетании с циркульным узором или отпечатками штампа другого вида (рис. 2).

Наряду с этими формами часто встречаются другие виды керамики. Из фрагментов, найденных в одной из ям при раскопках в 1952 г., удалось склеить два почти целых больших сосуда и половину третьего. Они имеют узкие горла и шаровидные тулова. Два из них богато орнаментированы по туловам четырьмя вертикально-расположенными поясами орнамента и опоясывающим по плечикам геометрическим узором. Орнамент

нанесен резбой, зубчатым штампом и штампом в виде буквы «Е» (рис. 3)¹. Третий сосуд имеет только одну полосу орнамента по плечу, в виде косо расположенных линий, сделанных зубчатым штампом в обрамлении из кружочков². Встречаются фрагменты сосудов, близких по форме к описанным, но имеющих меньшие размеры. Некоторые из них также богато украшены резным и штампованным орнаментом. Кроме того, имеются и небольшие, вертикально расположенные валики, покрытые узорами, сделанными зубчатым штампом. Иногда встречаются фрагменты стенок сосудов средних размеров с небольшими полукруглыми ручками-упорами или петельчатыми ушками.

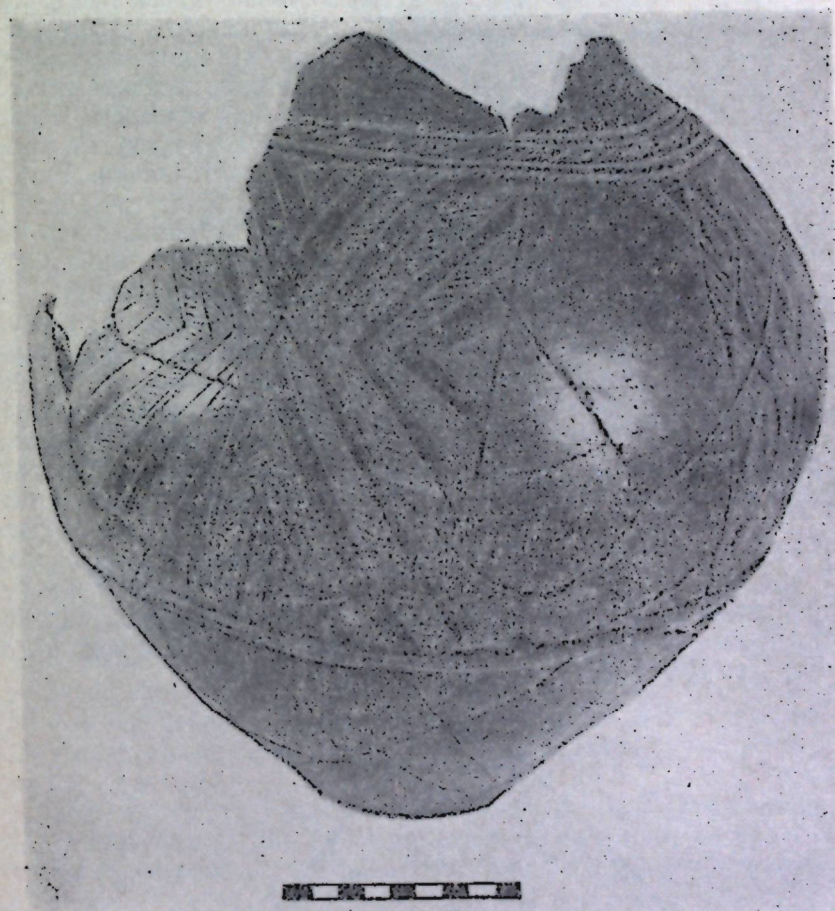

Рис. 3. Сосуд с поселения у с. Соломченны.

Кухонная, более грубая посуда, представлена преимущественно фрагментами сосудов баночного типа или горшками со слабо выделенной шейкой. На этих сосудах имеется только один вид орнамента — наклепной валик с пальцевыми защипами, расположенный на тулове (рис. 4). Изредка на них встречаются еще полукруглые ручки-упоры.

При раскопках на поселении в 1952 г. было найдено несколько костяных лоштил, которыми обрабатывалась поверхность лощеной керамики.

¹ А. И. Мелюкова, Указ. статья, КС ИИМК, 56, стр. 64, рис. 30—2.

² Там же, рис. 30—1.

ки, и три штампа, при помощи которых наносился орнамент на эту посуду. Один из них костяной с прямыми крупными зубцами на длинной стороне (рис. 5) и два глиняных. Первый — для нанесения зубчатого штампа, один

Рис. 4. Сосуд с поселения у с. Солончены.

с ручками-ушками на Украине неизвестны. Кроме Молдавии, подобная керамика встречается в памятниках эпохи раннего железного века на территории Карпато-Дунайского района².

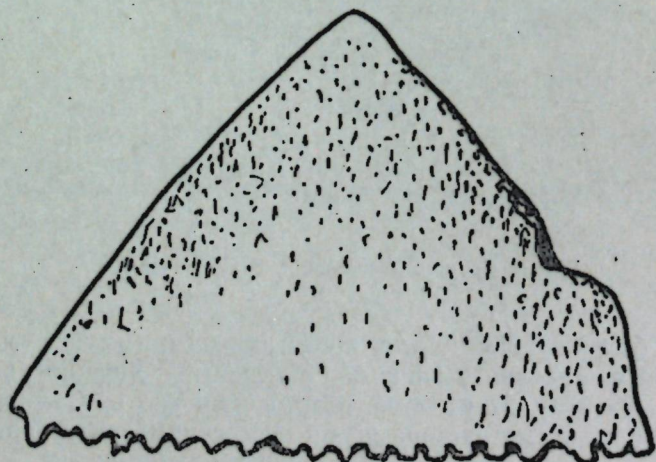

Рис. 5. Костяной штамп с поселения у с. Солончены (н.в.).

¹ Е. Ф. Покровська, Указ. соч., «Археология», VII, стр. 51, табл. II, стр. 53, табл. IV.

² R. et E. Vulpe, Nitu., Activitatea santierului arheologic Poiana-Tecuci, 1950. Studii si cercetari de istorie veche, № 1, anul II, pag. 177.

Еще более своеобразна кухонная керамика, найденная в Молдавии на поселениях VII—VI вв. до нашей эры. Здесь не получают широкого распространения тюльпановидные сосуды с проколами и валиком, с защипами под венчиком, столь характерные для памятников лесостепной Украины VII—VI вв. до нашей эры. Господствуют баночные горшки с валиком на тулове, лишь изредка встречающиеся в памятниках раннескифского времени лесостепной Украины. Это сближает кухонную керамику VII—VI вв., найденную в Молдавии, с одновременной посудой из памятников Румынии и Венгрии¹.

По большому количеству найденных на поселении у с. Солончены глиняных пряслиц и катушек (рис. 6) устанавливается наличие прядения и ткачества.

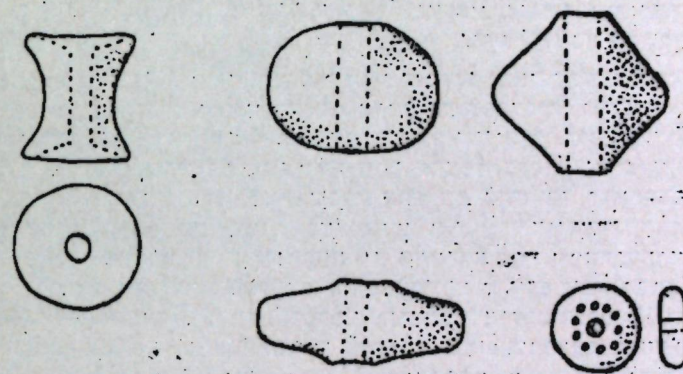

Рис. 6. Пряслица и катушка с поселения у с. Солончены.

Костерезное дело представлено отходами производства в виде кусков костей со следами среза ножом, а также находками проколов, тонкой иглы с ушком и небольшого наконечника стрелы с двумя шипами для скрепления с древком. Подобные наконечники стрел характерны для предскифского времени. Они известны на городищах чернолесского типа, исследованных А. И. Тереножкиным на правобережье Среднего Поднепровья, которые датируются VIII — первой половиной VII века до нашей эры².

Металлические изделия представлены только двумя тонкими бронзовыми бляшками, одна из которых имеет овально-прямоугольную форму с двумя сферическими выпуклостями в центре, другая — круглая, слегка выпуклая.

Из других находок на поселении следует отметить глиняные статуэтки животных, аналогичные тем, которые встречаются в лесостепной Украине и Карпато-Дунайском районе. Помимо этого найден обломок плоской антропоморфной статуэтки. Считать этот обломок частью антропоморфной статуэтки позволяет близкое сходство его с целыми антропоморфными фигурками, найденными на поселении у с. Цахнауцы³. Подобных статуэток за пределами Молдавии пока не найдено. Вероятно, антропоморфные изображения, также как и фигурки животных, имели культовое назначение.

¹ Archaeologiai Ertesitő, Budapest, 1943, табл. XI, 9, табл. XII, 12.

² А. И. Тереножкин, Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье. Вопросы скифо-сарматской археологии, М., 1954, стр. 101, рис. 9.

³ О. Н. Мельниковская, Указ. статья КС ИИМК, 56, рис. 33.

Поселение у с. Солончены и другие селища Молдавии, давшие аналогичный материал, относятся к VII—VI вв. до нашей эры. Эта дата пока устанавливается, главным образом, по керамическому комплексу, в котором еще довольно много черт, восходящих к позднему бронзовому веку. Вместе с тем имеются все признаки керамики и раннескифского периода. Особенно характерно наличие черпаков с шишечкой на перегибе ручки, неизвестных в предскифское время и широко распространившихся в лесостепной полосе Северного Причерноморья с VII в. до нашей эры.

Начальная дата поселения у с. Солончены — первая половина VII в. до нашей эры — устанавливается по костяному наконечнику стрелы, аналогичному чернолесскому. На других поселениях этого типа были найдены костяные псалы с тремя сдвоенными отверстиями¹ и костяные наконечники стрел ромбовидные в сечении², которые, как и найденный нами наконечник стрелы, могут быть датированы не позднее первой половины VII в. до нашей эры.

Известные в настоящее время три могильника, одновременные описанному поселению, состоят из ряда очень невысоких, едва заметных на современной поверхности каменных насыпей, иногда окруженных еще каменным кольцом. Погребения под ними располагаются или на уровне древнего горизонта, иногда внутри кромлеха, или в неглубоких ямах под каменными закладками, реже в каменных ящиках. Покойники обычно погребены в скорченном положении на правом или левом боку. В погребальном обряде, наряду с труположениями, встречаются трупосожжения. Часто встречаются парные погребения. Довольно обычным является вторичное захоронение костей покойников, положенных без правильного анатомического порядка. Инвентарь, сопровождающий покойников, небогат (один или два сосуда, каменные точила, бронзовые пуговицы, височные кольца и небольшие железные ножички).

В 1953 г. мною были продолжены раскопки могильника у с. Сахарна, в местности Гульбока, начатые Г. Д. Смирновым в 1946 г. Г. Д. Смирнов вскрыл здесь 2 кургана, нами было исследовано еще 4.

Могильник расположен на высоком берегу Днестра, на расстоянии около 300 м от берега, на ровном плато недалеко от одновременного ему поселения.

Форму и размеры каменных насыпей при осмотре поверхности плато, занятого могильником, определить очень трудно. Они становились ясными только после снятия верхнего дернового слоя. Очевидно, в древности насыпи имели большую высоту, так как на всем плато встречаются борозды, выложенные из камней, взятых из насыпей курганов.

В настоящее время насыпи имеют высоту от 0,20 до 0,30 м. Они округлой в плане формы с диаметром основания от 4 до 6 м. Три кургана представляли собой каменные кучи, сделанные над погребениями (рис. 7). В одном из курганов, кроме центральной насыпи, над погребениями было еще окружавшее ее каменное кольцо, сложенное из более крупных камней.

Погребения в курганах II, III и IV были совершены на уровне древнего горизонта. Парное погребение в кургане I находилось в неглубокой яме, едва прорезавшей древний чернозем.

Большинство обнаруженных при раскопках погребений представляет собой вторичные разрозненные захоронения. Наиболее целым и хорошо сохранившимся было парное погребение в кургане № 1 (рис. 8). Женский костяк лежал в скорченном положении на правом боку головой на

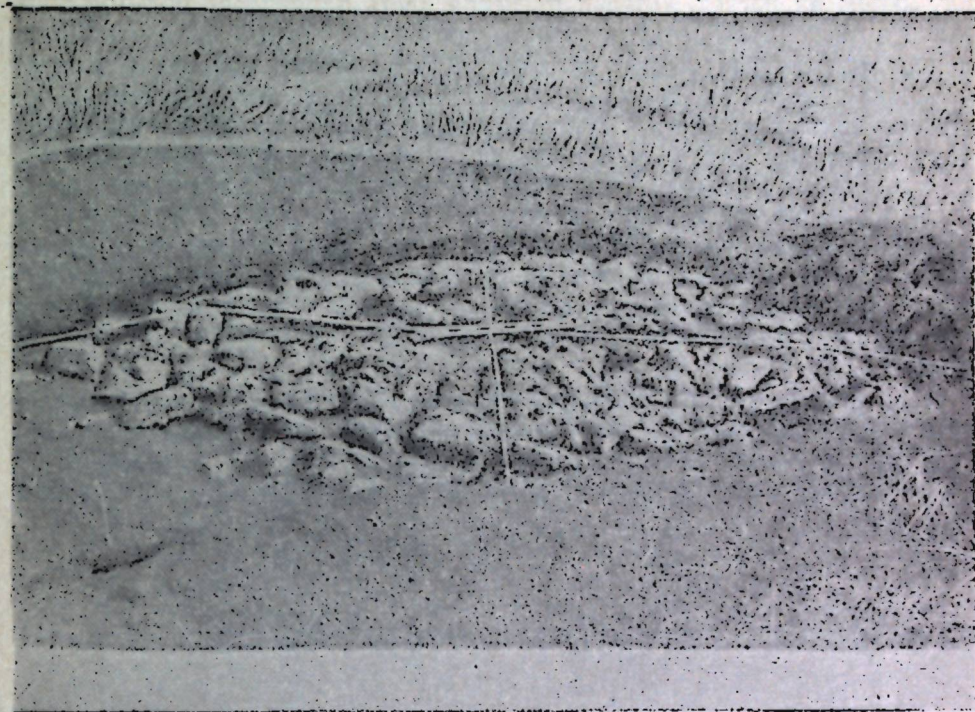

Рис. 7. Общий вид кургана III у с. Сахарна.

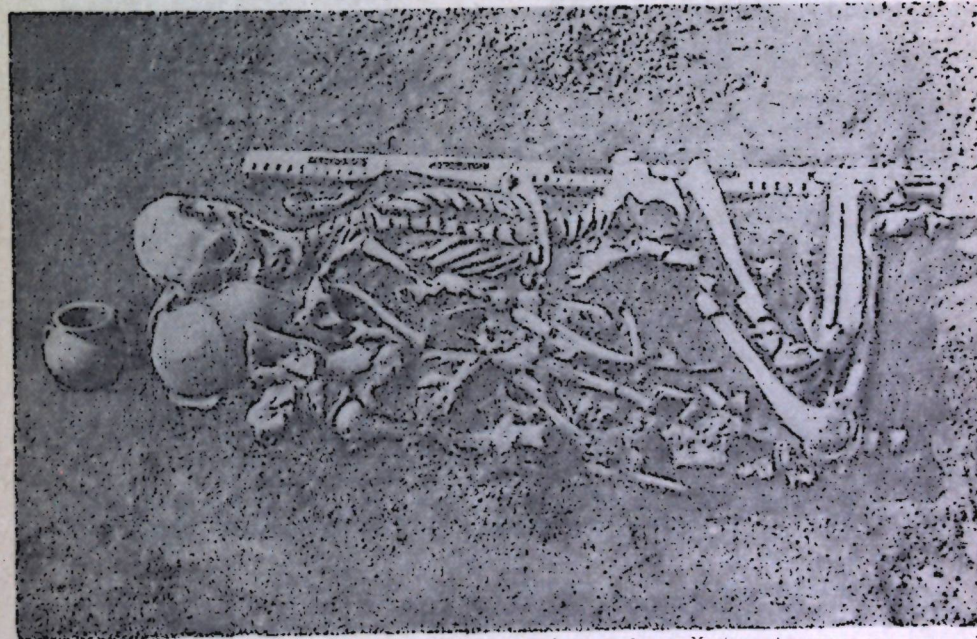

Рис. 8. Погребения 1 и 2 в кургане у с. Сахарна.

¹ История Молдавии, Кишинев, 1951, стр. 25, рис. 14, 15.

² О. Н. Мельниковская, Указ. статья КС ИИМК, 56, стр. 72, рис. 34—1.

юг, лицом на восток. Правая плечевая кость находилась под положенными в беспорядке костями второго погребения. Череп этого покойника лежал возле черепа первого скелета, но был повернут теменем в сторону скопления костей. Возможно, что второе погребение было перенесено откуда-то из другого места и погребено после первого захоронения. Может быть также, что второй скелет был разрушен и сдвинут с места при последующем захоронении. Однако нахождение костей разрозненного погребения на плечевой кости целого скелета говорит как будто в пользу первого предположения. При женском костяке было найдено два бронзовых спиральных браслета, лежавших по обеим сторонам черепа, мелкие обломки неопределенного железного предмета и стоявший за черепом покойницы круглотелый сосуд с резным орнаментом на тулове (рис. 9—1).

При разборке второго погребения был найден разбитый на мелкие фрагменты глиняный маленький стаканообразный сосуд, покрытый сплошной геометрической орнаментацией, и полусферическая крышечка от этого сосуда, также с резным орнаментом на наружной поверхности (рис. 9—2).

Рис. 9. Сосуды из погребений 1 и 2 в кургане I у с. Сахарна.

Парное погребение, в котором мужской скелет был сравнительно хорошей сохранности, а второй, женский, представлял грудку костей, было обнаружено в кургане III. При мужском погребении (в ногах покойника) найдено каменное точило (рис. 10) и фрагменты небольшого черпака с резным орнаментом на тулове (рис. 11).

В кургане II внутри каменного кромлеха на уровне древнего горизонта были обнаружены 3 вторичных, или сильно потревоженных погребения. Одно из них имело следы частичного сожжения. Обожженными были череп и верхняя часть скелета, тогда как кости ног не имели следов действия огня. При погребенных были обнаружены разбитые сосуды (рис. 12), каменное точило и три бронзовые круглые пуговицы с ушком на обороте (рис. 13).

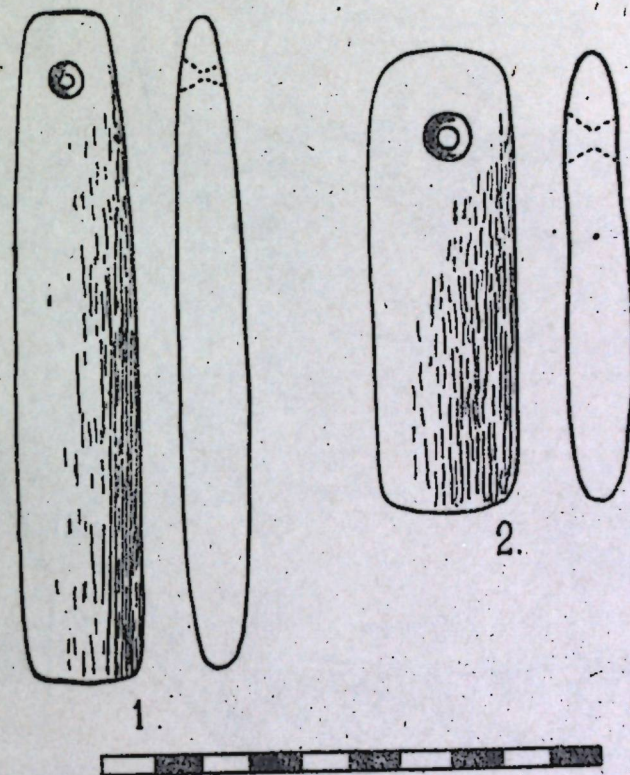

Рис. 10. Каменные точила из курганов у с. Сахарна (н. в.)

Груда костей покойника в сопровождении фрагментов черпака, миски и большого кухонного сосуда была обнаружена и в кургане IV, также на уровне древней поверхности почвы.

В полах курганов II, III и IV найдены остатки тризны, состоявшие из костей животных и фрагментов керамики.

Весь набор посуды из погребений, раскрытых не только нами, но и Г. Д. Смирновым, близок к комплексу, обнаруженному на поселениях типа Сахарны—Солончены. Однако погребальную посуду от той, которая была в постоянном употреблении, отличает значительно меньшая тщательность выработки. Поверхности не имеют хорошего блестящего черного лощения, хотя они и украшены богатой орнаментацией; обжиг сосудов сравнительно слабый. Бронзовые пуговицы, найденные нами, и бронзовые бляшки и пуговицы, найденные Г. Д. Смирновым, совершенно аналогичны тем, которые были обнаружены при раскопках поселений. Бронзовые спиральные браслеты, сделанные из пластинок, орнаментированные рельефными полосками, аналогичные найденным Г. Д. Смирновым в од-

ном из погребений могильника у с. Сахарны, принадлежат к числу тех, которые обычно встречаются на территории Карпато-Дунайского района и относятся исследователями к гальштатской эпохе¹.

Что касается железных ножичков и каменных брусков с отверстием для подвешивания к поясу, то они встречаются в памятниках разного времени и разных районов.

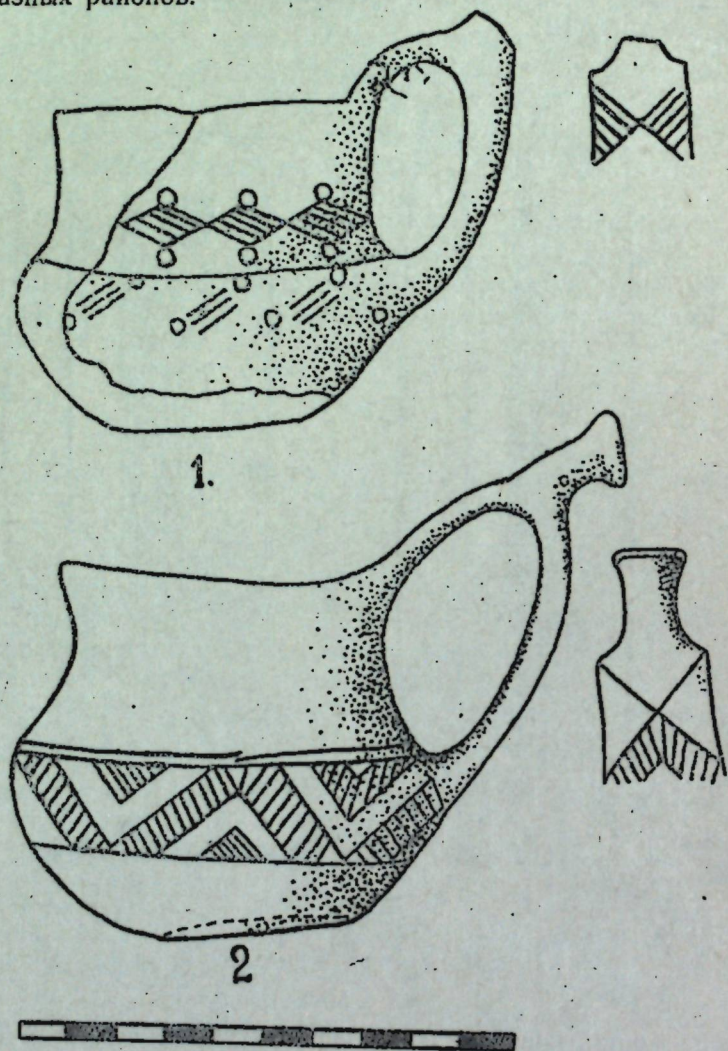

Рис. 11. Сосуды из курганов у с. Сахарна.

Курганы, с каменными насыпями и погребениями покойников в скорченном положении и трупосожжения в неглубоких ямах, характерны для более северных районов Поднестровья². Однако по многим деталям погребального обряда эти могильники отличаются от описанного. Наиболее серьезные отличия наблюдаются в инвентаре, сопровождавшем тех и других погребенных. С другими могильниками Северного Причерноморья курганы, исследованные в Молдавии, имеют еще меньше общих черт.

¹ Materiale arheologice privind istoria veche a R. P. R., vol. I, pag. 636, des. 14; 4.

² T. Sulimirski, Scythowie na Zachodniem Podolu. Lwow, 1936.

Захоронения в скорченном положении попарно часто встречаются также на территории современной Румынии. Те из них, которые датируются румынскими археологами VII—VI вв. до нашей эры, близки к молдавским как по погребальному обряду (скорченность погребенных, ориентировка), так и по сопровождавшему их инвентарю. Однако эти захоронения встречаются в грунтовых могильниках без насыпей над погребениями¹.

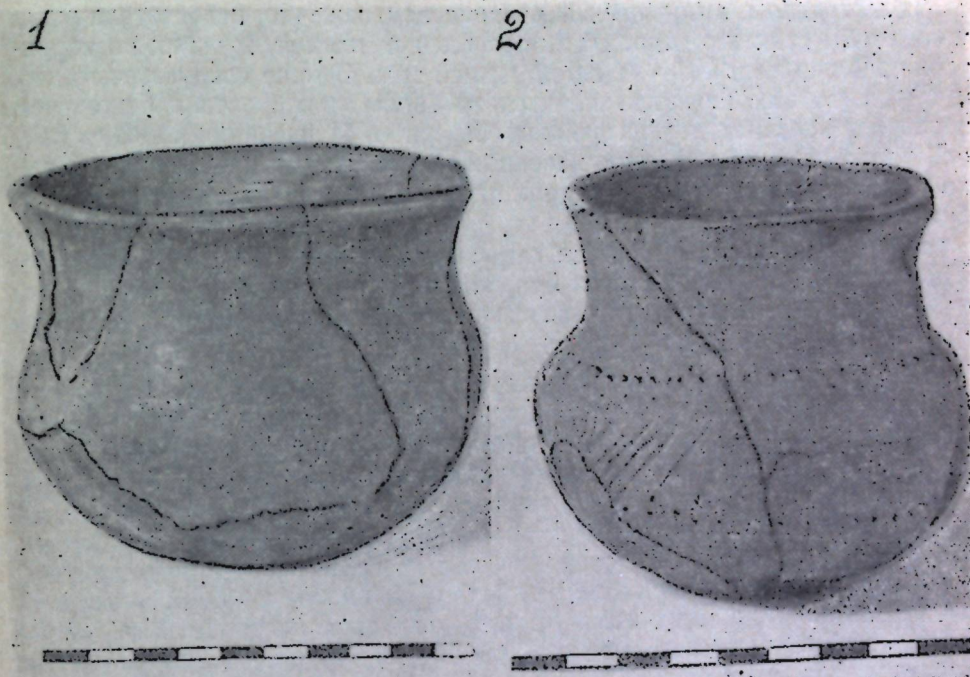

Рис. 12. Сосуды из погребений у с. Сахарна.

Подводя итог сказанному о памятниках раннескифского времени, открытых в Молдавии, следует отметить, что скифское влияние на местную культуру VII—VI вв. до нашей эры было едва заметным. Ни в керамике, ни в украшениях нет типичных скифских предметов. В отличие от Среднего Поднепровья, Побужья и северных районов Поднестровья, в могильниках Молдавии VII—VI вв. до нашей эры не встречается скифское вооружение и предметы конского убора.

Однако следует отметить, что скифские стрелы уже были известны жителям этой территории. Об этом свидетельствуют находки арханчских скифских стрел, сделанных в различных местах Молдавии².

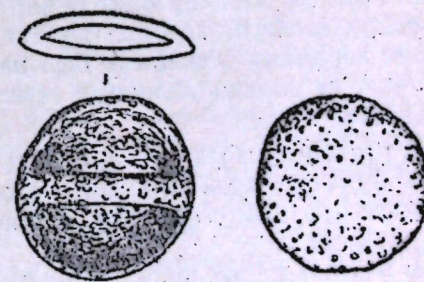

Рис. 13. Бронзовая бляшка из кургана у с. Сахарна (п. в.)

¹ Materiale arheologice privind istoria veche a R. P. R., vol. I, 1953, pag. 157. (Могильник в с. Стойканы, где открыто 55 могил со скорченными костяками).

² История Молдавии, стр. 25, рис. 2. Наконечник арханчской скифской стрелы найден также при раскопках городища у с. Алчедар.

Отсутствие античных вещей на поселениях VII—VI вв. до нашей эры и в могильниках этого времени позволяет считать, что местные племена не имели еще каких-либо взаимоотношений с греческими колониями Северного и Западного Причерноморья. Установление связей с античным миром относится к IV в. до нашей эры, о чем свидетельствуют постоянные находки фрагментов античных амфор на городищах и поселениях Молдавии, относящихся к IV—III вв. до нашей эры.

Те материалы, которыми мы располагаем, конечно, недостаточны для того, чтобы судить о социальных отношениях племен, живших на территории Молдавии в VII—VI вв. до нашей эры. Однако следует отметить, что инвентарь могильников значительно более однообразен и беден, чем находки в курганах других районов Северного Причерноморья. Это дает основание считать, что имущественное расслоение у местных племен было менее глубоким, чем у соседних племен Среднего Поднепровья и Побужья.

Среди памятников Молдавии, относящихся к VI—III вв. до нашей эры наиболее известными являются Большое и Малое городища у с. Сахарны и городище у с. Бутучены, подвергавшиеся раскопкам под руководством Г. Д. Смирнова в 1946—1949 гг.

В 1952 г. нами были произведены раскопки на городище у с. Выхватинцы, Рыбницкого района. Это городище расположено на высоком берегу Днестра, в 2 км на север от с. Выхватинцы. С трех сторон оно ограждено валом подковообразной формы и рвом, с четвертой стороны — крутой обрыв к Днестру. Площадь городища невелика, едва достигает 4000 кв. м. Первое обследование этого городища было произведено Г. Д. Смирновым еще в 1946 г.¹ Поверхность городища сильно испорчена траншеями военного времени и построенным на нем дотом. На свободной от повреждений площади городища нами было разбито два раскопа размером около 300 кв. м. Третий раскоп представлял собой траншею, шириной 2 м, прорезавшую вал и ров. В раскопе II, расположенном в восточной части городища, недалеко от вала были обнаружены остатки плохо сохранившегося наземного жилища (рис. 14). От стен остались лишь незначительные скопления камней и куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев. Судя по этим остаткам, жилище имело, повидимому, прямоугольную форму. К жилому комплексу относятся два глинобитных очага. Один из них, неправильной округлой формы, в восточной части жилища был сооружен на камнях, второй — в западной части, находился прямо на земле. Внутри жилища было обнаружено большое количество фрагментов посуды, многие из которых принадлежали разбитым на месте горшкам. Кроме керамики, в жилище был найден большой обломок каменной зернотерки, несколько глиняных пряслиц и небольшое количество костей животных.

В раскопе I были обнаружены остатки глинобитного очага, на каменной основе, и две небольшие ямы, заполнение которых составлял гуммированный слой с фрагментами посуды и небольшим количеством костей животных.

В результате раскопок траншеи, прорезавшей вал и ров, было выяснено, что вал был насыпан из чернозема с вкраплениями материкового суглинки. С внутренней стороны на вал жители городища выбрасывали золу и мусор. Никаких дополнительных укреплений вала обнаружено не было. Высота вала от уровня древнего горизонта в раскопанной части достигала 2-х м. Ров, находившийся с внешней стороны городища, имел глуби-

ну 2,65 м от уровня древней дневной поверхности почвы. Ров был вырыт уступами, что, очевидно, должно было предохранить стенки рва от оползания.

Культурный слой на городище толщиной около 40—50 см беден находками. Все находки были сделаны преимущественно на месте, занятом остатками жилища. Они представляют собой лишь фрагменты керамики и глиняные пряслица. Металлических предметов не найдено.

Рис. 14. Общий вид остатков жилища на городище у с. Выхватинцы.

Подавляющее большинство фрагментов керамики принадлежит сосудам, сделанным от руки из глины с примесью шамота. Поверхности этих сосудов хорошо заглажены и часто имеют следы лощения. Качество лощения поверхностей во много раз уступает лощению на керамике раннескифского времени. Отличается эта керамика от раннескифской по цвету поверхностей. Здесь преобладают сосуды с желтыми или серовато-желтыми поверхностями и лишь изредка встречается черная керамика. Форм посуды имеется сравнительно немного. Преобладают горшки разных размеров, имеющие баночную форму с почти вертикальными или слегка выпуклыми стенками (рис. 15—1) или с едва выделенной шейкой, плавно переходящей в тулово. Реже встречаются сосуды с высокой шейкой и слегка утолщенным плоским венчиком. На горшках обычно имеются полукруглые ручки-упоры, расположенные на плечиках или в нижней части сосудов. Довольно часто на сосудах встречается орнамент или в виде ямок, сделанных пальцем, или в виде налепного валика с зашипками¹. Реже на горшках имеется орнамент в виде плоских круглых налепов.

Большим количеством фрагментов представлены миски разных размеров с диаметром устья от 30 до 8—7 см. Большинство мисок имеет резко выраженный перегиб на тулове, как бы отграничивающий верхнюю часть миски, со слегка загнутым внутрь краем, от нижней. Реже встре-

¹ А. И. Мелюкова, Указ, статья КС ИИМК, 56, стр. 66, рис. 31—7.

¹ Коллекции хранятся в Институте истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР.

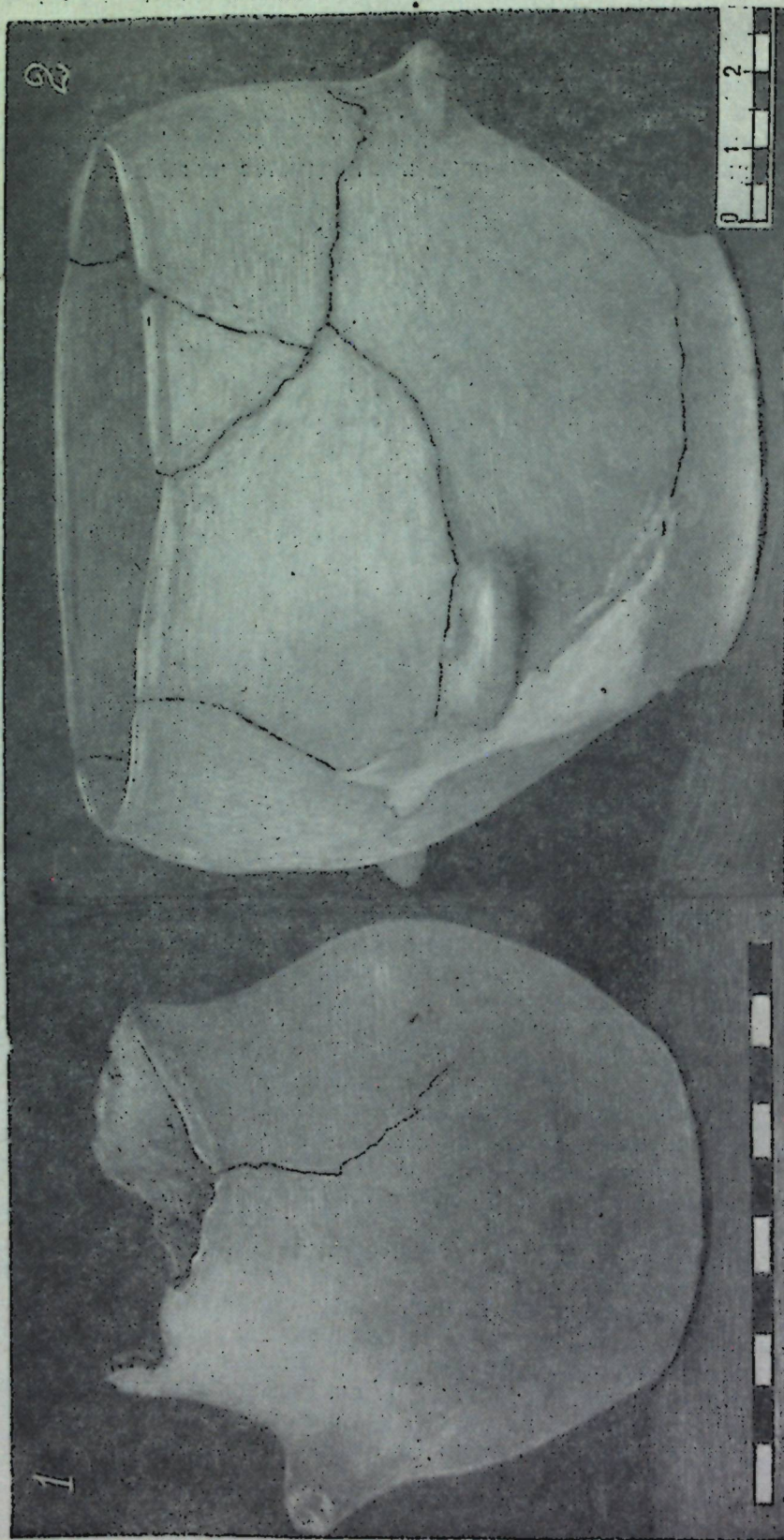

Рис. 15. Сосуды с городища у с. Выхватинцы.

чаются миски с плавно сближающимися книзу стенками. Довольно обычным является наличие полукруглых ручек-упоров или ручек-ушек на туловах мисок.

В третью группу посуды, бытовавшей на городище, выделяются небольшие кувшины с более или менее высокой шейкой, округлым туловом и невысокой петельчатой ручкой (рис. 15—2).

Несколькими фрагментами представлены высокие корчаги с большими ручками-упорами, подобные тем, которые были найдены Г. Д. Смирновым на городище у с. Бутучены.

Керамика, найденная при раскопках на городище у с. Выхватинцы, является типичной для памятников IV—III вв. до нашей эры, известных в настоящее время на территории Молдавии. Наиболее близкие аналогии имеются в керамических комплексах, обнаруженных Г. Д. Смирновым на городище у с. Бутучены и на Малом Сахарянском городище, которые хорошо датируются фрагментами античных амфор и наконечниками стрел. За пределами изучаемой территории подобная керамика известна по находкам на поселениях и в могильниках Румынии и Венгрии,¹ которые считаются принадлежавшими гетам. На территории Украины близких керамических комплексов не найдено.

Городища, раскопанные Г. Д. Смирновым у сс. Сахарна и Бутучены, отличаются от описанного большими размерами, наличием, кроме основного вала, дополнительных укреплений, бастионов, для сооружения которых часто употреблялся камень. На Бутученском городище было открыто наземное жилище с глинобитным полом.

Наши сведения о материальной культуре племен, живших на территории Молдавии в IV—III вв. до нашей эры, дополняют данные, полученные при раскопках поселения у с. Солончены. Основной слой этого поселения, как уже было сказано выше, относится к раннескифской эпохе. Однако на некоторых участках селища были обнаружены следы жизни в IV—III вв. до нашей эры. Слой этого времени почти целиком вскрыт в раскопах I и II 1953 г. Много культурных остатков, относящихся к IV—III вв. до нашей эры, было обнаружено также на раскопе VII 1953 г. Здесь вскрыто несколько округлых в плане ям, подобным тем, которые относятся к VII—VI вв. до нашей эры. Только одна из них, яма № 1 в раскопе II, отличалась от остальных своими размерами. При раскопках в ней был обнаружен развал глинобитной на каменной основе печи или очага. Сравнительно большие размеры ямы и наличие в ней печи или очага позволяют предполагать, что она могла быть использована для жилья. Возможно также, что она, как и ямы меньших размеров с очагом или печью внутри, открытые на этом поселении и относящиеся к VII—VI вв. до нашей эры, служила для печи или очага и не использовалась для постоянного жилья.

Керамический материал, найденный при раскопках и относящийся к IV—III вв. до нашей эры, вполне аналогичен материалу, который происходит из других поселений этого времени. Из остальных находок следует отметить железный теслообразный топор (рис. 16), роговой псалый с двумя отверстиями (рис. 17) и бронзовый трехгранный наконечник стрелы скифского типа.

Несмотря на то, что между памятниками первого и второго типа отмечается довольно значительный хронологический разрыв, совершенно ясно, что те и другие принадлежали местному населению в различные периоды его истории. Об этом особенно красноречиво говорит преемствен-

¹ См. Dacia, III—IV, стр. 291, рис. 44, 47, 52; Arhaeologia, Ertosilő, табл. VIII—IX, 1941.

ность форм посуды. Очевидно к концу VI или в начале V вв. до нашей эры здесь, как и на территории Среднего Поднепровья и в Карпато-Дунайском районе, исчезает богато орнаментированная, хорошо лощеная керамика. К IV в. до нашей эры несколько видоизменяются формы мисок, получают распространение почти не употреблявшиеся ранее кувшины. Несколько видоизменяются кухонная посуда и большие корчаги для хранения зерна или муки.

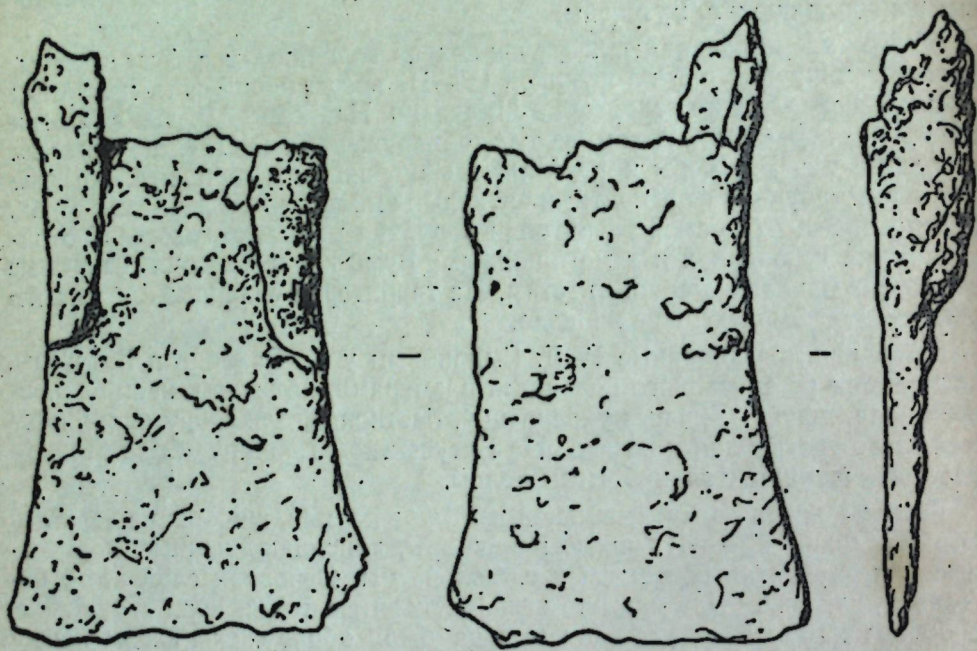

Рис. 16. Железный теслообразный топор с поселения у с. Солончены.

При этом следует подчеркнуть, что если в VII—VI вв. до нашей эры, в керамических комплексах существовали некоторые черты сходства с одновременной посудой правобережной лесостепной Украины, то с течением времени это сходство исчезает. Вместе с тем, близость керамики Молдавии к посуде юго-восточной Румынии и ряда других областей Карпато-Дунайского района, намечающаяся в раннескифское время, в IV—III вв. до нашей эры становится особенно ощутимой. Это дает основание говорить о том, что развитие и изменение керамики на территории описываемой группы памятников идут не по тому пути, как в соседних районах лесостепной Украины, а также как и в областях Дунайского бассейна.

Новым, по сравнению с VII—VI вв. до нашей эры, является возникновение к IV в. до нашей эры больших и малых городищ, которые являлись не только убежищами, использовавшимися в период нападения врагов, но и постоянным местом жительства, вероятно, более сильных племен. Возникновение укрепленных поселений может объясняться развитием производительных сил и углублением имущественного расслоения. Этому способствовала и необходимость в обороне от военных набегов, которые, очевидно, в IV—III вв. до нашей эры становятся более частыми и серьезными. Врагами, нападавшими на местное население, принято обычно считать кочевых скифов, военная активность которых на западе в это время возросла. Не исключена, однако, возможность, что противниками были не скифы, а западные соседи. Высказать такое предположение позволяют

свидетельства Страбона¹, в которых содержатся упоминания о передвижении некоторых фракийских племен из-за Дуная на восток.

Во всяком случае, памятники материальной культуры свидетельствуют о том, что военные и мирные взаимоотношения местных племен со скифами здесь не были столь постоянными, как это наблюдается в других районах лесостепного Северного Причерноморья. Из вещей, характерных для скифской материальной культуры, сюда как в VII—VI вв., так и в IV—III вв. до нашей эры, проникли только отдельные виды вооружения и, главным образом, наконечники стрел, ареал распространения которых вообще выходит далеко за пределы тех племен, с которыми скифы могли находиться в непосредственной связи.

Какова этническая принадлежность племен, оставивших описанные выше памятники материальной культуры?

Геродот² считает Днестр (Тирас) одной из скифских рек и включает область Поднепровья в территорию Скифии. Однако он ничего не говорит о том, какие именно племена Скифии жили здесь. Очевидно, западные районы, отнесенные к Скифии, не были известны этому автору. Отсутствие у Геродота каких-либо сведений о племенах, живших на территории между Днестром и Дунаем, позволяет сомневаться в том, что они входили в Скифию.

Рассмотренные выше памятники материальной культуры свидетельствуют о том, что оставившие их племена не могли быть собственно скифами, а также не могли находиться с ними в постоянных и длительных взаимоотношениях. Отдельные черты сходства в материальной культуре наблюдаются с культурой населения правобережной лесостепной Украины. Но сходства культур не достаточно для того, чтобы можно было сделать вывод о близком родстве тех и других народов. Это тем более мало вероятно, что описанная нами культура восходит как будто к другому источнику, чем культура скифского времени на правобережье Поднепровья и в Побужье.

В 1954 г. отряд первобытной археологии Молдавской экспедиции ИИМК и МФ АН СССР начал раскопки грунтового могильника и поселения у с. Шолданешты, Резинского района, относящихся к VIII в. до нашей эры. В могильнике открыто 4 погребения — трупосожжения с захоронением кальцинированных костей в сосудах и детский костяк в скорченном положении в своеобразном каменном ящике. Места погребений отмечались на уровне древнего горизонта небольшими каменными вымостками. По обряду погребений и ряду форм керамики этот памятник отличается от одновременных памятников Украины и сближается с могильниками Карпато-Дунайского района.

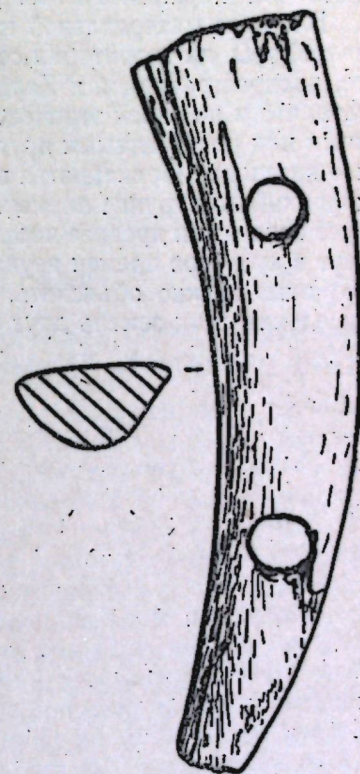

Рис. 17. Роговой псалм с поселения у с. Солончены (и-в.)

¹ Страбон, VII, 13, ВДИ, N 4, 1947, стр. 193. Страбон, VII, М, там же, стр. 199.

² Геродот, IV, 51, ВДИ, 1947, № 2, стр. 267.

На поселении обнаружены остатки наземного жилища с глинобитными стенами и керамика, аналогичная посуде могильника.

Материалы поселения и могильника дают основание говорить о том, что и в предскифскую эпоху культура древнего населения Молдавии была ближе к культуре племен Подунавья и Прикарпатья, чем к той, которая бытовала в соседних с Молдавией областях Украины.

Близость материальной культуры племен, живших в VIII—III вв. до нашей эры на территории современной лесостепной Молдавии, к культуре, распространенной в Карпато-Дунайском районе, позволяет предполагать, что и по своей этнической принадлежности эти племена были близкими или родственными друг другу. Из письменных источников известно, что население Прикарпатья и земель Дунайского бассейна принадлежало к фракийской группе племен. По всей вероятности, к этой же группе следует относить и древнее население Молдавии. Существование ряда общих черт в культуре племен изучаемого района и правобережной лесостепной Украины можно объяснить, скорее всего, тесными взаимоотношениями населения этих земель друг с другом.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй А. И. Мелюкова «Тоталуриле студийерий ын курсул анилор 1952—1953 а монументелор периодаей счицилор ын Молдова»

Ауторул стабилеште, кэ пе териториул Молдовей, ын спечнал ын райоанеле де степэ ши пэдурь, се афлэ о групэ де монументе дин вакуриле VII—III пэнла ера ноастрэ, каре се деосэбеск ку мулт де челелалте монументе, проприу-зыс считиче, ши ау ун шир де трэсэтурь комуне ку културиле дин райоанеле де степэ ши пэдурь дин партя де мязэ-ноапте-асфинцит а Приднепровией, Побужией ши Поднестровией мижлочий депе ма-лул дрепт. Монументеле дин Молдова се асамэнэ чел май мулт ку монументеле, куноскуте ын время де фацэ ын райоанеле де мязэ-зы-рэсэрит але Ромынией. Динтре монументеле, че апарцын вакурилор VII—VI пэнла ера ноастрэ, фак парте сэлиште ши цынтиримурь. Динтре монументеле дин вакуриле IV—III пэнла ера ноастрэ фак парте хородиште ши сэлиште. Атыт челе динтый, кыт ши челе де-ал дойля, сынт креаций але локунторимий локале, фининд конструите ын диферите периодае але историй.

Фаптул, кэ култура материалэ а нямурилор, че трэисерэ ын курсул вакурилор VII—III пэнла ера ноастрэ пе териториул райоанелор де степэ ши пэдурь але Молдовей де аз, ый апропие де културэ, рэспындитэ ын районул динтре Карпаць ши Дунэре, не дэ путинцэ сэ пресупунем, кэ нямуриле естя ерау апропие орь кяр ынрудите ынтре еле. Се пре поате, кэ локунторимия стрэвеке а Молдовей требуе сэ фие трекутэ ла група трачикэ де нямурь.

Г. Б. ФЕДОРОВ

ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ В МОЛДАВИИ

В настоящее время на территории Молдавской ССР и прилегающих к ней районов Поднепровья зарегистрировано 347 памятников (селищ, городищ, могильников, кладов), являющихся славянскими или в той или иной мере связанных со славянством. Хронологически они охватывают период от II в. до н. э. и до XII в. н. э., то есть почти полторы тысячи лет. Большинство из них открыто в период 1950—1954 гг. работами Молдавской археологической экспедиции. Они должны учитываться при разработке истории славянства на территории МССР. Значительную часть из них составляют памятники так называемой эпохи «полей погребений» (конец I тысячелетия до н. э. — первые века н. э.). В их числе: 9 могильников, 211 селищ и 19 местонахождений кладов и отдельных римских монет II—V в. н. э. Итоги работ экспедиции в области изучения древнерусских памятников (IX—XII вв.) на территории Молдавии неоднократно опубликованы и известны.

В последние годы (1953—1954) в работе экспедиции особое внимание было обращено на исследование памятников эпохи «полей погребений» (хотя эта работа проводилась и в предшествующие годы).

В настоящей статье подводятся некоторые итоги наших исследований в этой области.

Отрывочные и случайные упоминания письменных источников (Страбон, Тацит), взятые сами по себе без сопоставления с археологическими данными, не только не дают возможности составить отчетливое представление о раннеславянских племенах Поднепровья, но и вопрос о пребывании их на этой территории в первые века н. э. оставляют в значительной степени открытым. Только в VI в., когда столкновения славян с Византией приняли особенно резкий характер и небывалый до того размах, целый ряд древних историков (Прокопий, Маврикий, Иордан и другие) стал уделять большое внимание описанию славянских племен. Судя по этим описаниям, территория бассейна Днестра, служившего пограничной рекой между двумя крупнейшими славянскими племенными объединениями — антами и склавинами, — была заселена славянскими племенами.

В связи с краткостью и отрывочностью письменных источников раннеславянских памятников Поднепровья.

В 1953—1954 гг. проводились раскопки этих памятников в Сусленском, Оргеевском и Резинском районах, а также в бассейне Прута в Фалештском и Болотинском районах и археологические разведки на всей территории МССР.

Анализ полученных материалов при сопоставлении их с письменными источниками и результатами исследования синхронных памятников на соседних территориях позволяет прийти к ряду выводов.

Древнейшим из открытых памятников является могильник, находящийся в 6 км от с. Лукашевка, Оргеевского района. Могильник расположен в лесостепной части Молдавии, в Кодрах, на северном склоне пологой лощины, по дну которой протекает ручей. Могильник обнаружен под слоем более позднего славянского селища так называемого черняховского типа и древнерусского городища IX—XII вв., открытого экспедицией еще в 1950 г.

Вскрыто 19 погребений. Они представляют собой трупосожжения, причем кости ссыпались в урны или ямки и накрывались сверху мисками. Погребения находились на глубине 0,8—1,2 м и на расстоянии 0,80—3,0 м друг от друга. В погребениях встречены миски, широкогорлые приземистые горшки и высокие горшки с узким горлом. Все сосуды сделаны без применения гончарного круга и имеют черную лощеную поверхность. Обжиг сосудов не горновой, а печной; о чем свидетельствует серая плохо обожженная полоска в центре излома стенок. Поддоны, орнаменты и ручки (кроме одного сосуда) отсутствуют. В горшках или прикрытых мисками ямках находятся сильно пережженные кальцинированные кости, железные и бронзовые вещи, из которых многие неопределимы. Из более или менее хорошо сохранившихся вещей отметим круглопроволочные бронзовые браслеты с нарезным линейным орнаментом и шариками на концах, серебряные и золотые браслеты из тонкой спирально закрученной проволоки, бронзовые серьги и кольца, бронзовые пластинки с наклепанными на них полушариями, вероятно, поясными накладками, глиняные пряслица для веретена, железные кольца, железные и бронзовые фибулы (застежки) и т. д.

Судя по керамике и фибулам средне- и позднелатенского типа, могильник датируется II—I вв. до н. э. Видимо того же типа могильники были обнаружены у с. Пуркары, Олонештского района, и у с. Слободзея, Оргеевского района. Они упоминаются в Записках Одесского общества истории и древностей российских, однако сведения о них слишком кратки, чтобы можно было судить об этом вполне определенно.

Во всяком случае Лукашевский могильник заслуживает внимания, так как является первым в Молдавии могильником, датируемым II—I вв. до н. э.

По обряду погребения, погребальному инвентарю, наличию двух основных форм сосудов — горшков и накрывающих их мисок, — по технике выделки сосудов, в частности, по их чернолощеной поверхности, Лукашевский могильник очень похож на синхронные ему славянские могильники так называемого зарубинецкого типа в Поднепровье. Имеется, в частности, близкое сходство между лукашевскими горшками и некоторыми горшками могильника «Золотая балка» и другими могильниками зарубинецкого типа в Поднепровье.

У большинства горшков и мисок Чаплинского и Воронинского могильников из Верхнего Поднепровья, в отличие от сосудов Лукашевского могильника, имеется резкий изгиб в верхней части тулова. Однако сходных черт между Лукашевским и зарубинецкими могильниками гораздо больше, чем отличий, и это сходство является весьма важным.

В то же время у Лукашевского могильника имеются сходные черты и с гетскими могильниками, как, например, с погребениями II—I вв. до н. э. известного могильника Поянешты, расположенного в Румынии, в котором отмечены элементы бастарнской культуры. В нем трупосожжения также находились в лепных чернолощенных горшках, накрытых миска-

ми. Однако сосуды Лукашевского могильника отличаются от поянештско-гетских. Лукашевские миски не имеют ручек; что является характерным для поянештских мисок; формы всех сосудов из Лукашевского могильника более изящные, с четко профилированной линией тулова, с более резким изгибом, отсутствуют горшки с двумя бугорками на тулове, характерные для гетских сосудов. Таким образом, Лукашевский могильник имеет и славянские, и дако-гетские черты и в то же время сохраняет некоторое своеобразие. Эти особенности Лукашевского могильника как бы отражают территориальное положение Поднепровья, находящегося между двумя территориями — славянской и дако-гетской, и свидетельствуют о сосуществовании в этот период в Поднепровье и славян и дако-гетов, находившихся в тесном общении друг с другом.

Память об этом сосуществовании сохранялась в течение многих столетий и была отмечена различными источниками. Славяне (венеды) упоминаются вместе с даками и гетами еще в первые годы нашей эры в так называемых Певтингеровых дорожных таблицах. О том, что поселения венедов еще в I в. н. э. доходили до певкинов, занимавших побережье Черного моря в районе междуречья Прута и Днестра, сообщает римский историк Тацит. В первые века н. э. даки и геты частично занимали территории, а западные и южные прибрежные районы рассматриваемой территории, а частично сосуществовали со славянами, чем и объясняется то обстоятельство, что их иногда путали. Это явствует, например, из сообщения византийского историка VI в. Аммиана Марцеллина относительно вторжения славян в Византию в конце V и в начале VI в., когда славяне и анты были названы гетами. Византийский историк VII в. Феофилакт Симокатта утверждал, что геты это древнейшее наименование славян. Как показывают археологические данные, в частности факт существования в Днестровско-Прутском междуречье памятников смешанного славяно-гетского облика, это утверждение является весьма правдоподобным. Дако-геты сами по себе были конгломератом различных по этническому составу и культуре племен — бессов, сабоков, костобоков, тирагетов и др. Вполне возможно, что упоминаемые Страбоном тирагеты, как население долины Днестра, и были славянскими племенами, причем их племенное значение связано с древним названием Днестра — Тирас и с позднейшим летописным названием одного из восточнославянских племен, занимавших Поднепровье — с тиверцами.

Какова же была судьба дако-гетского населения, сосуществовавшего со славянскими племенами в Днестровско-Прутском междуречье в последние века до н. э. и в первые века н. э.?

Согласно указаниям византийских историков VI в. и археологическим данным ко второй половине I в. н. э., рассматриваемая территория была заселена славянами, а в IX в. Поднепровье уже входило в состав Киевской Руси. Следовательно, не позже начала второй половины первого тысячелетия произошла полная ассимиляция славянами неславянских племен, в том числе и дако-гетских. Об этом писал еще В. А. Городцов, отмечая наличие дако-гетских черт в русском народном орнаменте. Одной из главных фигур древнеславянского фольклора является римский император Траян, разгромивший во II в. н. э. дако-гетские племена на Дунае. Он же неоднократно упоминается и в «Слове о полку Игореве».

К выводу, что «Гето-дакийские племена в какой-то части вошли в состав славян» приходит и известный советский славист П. Н. Третьяков. Помимо Лукашевского могильника, о сосуществовании славян и дако-гетов на территории Молдавии и об ассимиляции последних славяна-

ми, закончившейся в середине I в. н. э., свидетельствуют и открытые, обследованные и частично раскопанные экспедицией селища этого времени, число которых в настоящее время достигло уже 211. Селища расположены большей частью на мелких и мельчайших притоках Днестра (реже на самом Днестре), в пойме или на первой надпойменной террасе возле родников. Ниже селищ находятся обычно заливные луга, выше — пахотная черноземная земля, а еще выше — лес. Часто территория селищ как бы ограждена двумя оврагами или балками или двумя сливающимися ручьями. Размеры этих селищ различны и колеблются от 100×50 м (Екимавцы, Шолданешты, Васнены и др.) до 400×900 м (более поздние селища — Верхние Жоры, Слободзея и т. д.). Само расположение селищ свидетельствует о земледельческо-скотоводческом хозяйстве их обитателей. Это подтверждается и исследованием культурного слоя, в котором найдены кости различных домашних животных (лошади, коровы, свиньи, мелкого рогатого скота), обугленные зерна проса и других культурных злаков, известняковые жернова, железный наральник, большие пифосовидные сосуды — зерновки и т. п. Как показали раскопки, жилищами обитателей селищ Лукашевка, Солончены¹ и др. служили прямоугольные полуземлянки, углубленные в землю от 20 до 60 см, площадью от 14 до 40 кв. м с печами и очагами, сделанными из глины и известняковых камней. Наземные части стен имели легкую плетневую конструкцию с глиняной обмазкой, куски которой неоднократно встречены во время раскопок. Значительное количество железных и керамических шлаков, глиняные пряслица, керамический горн (селище Слободзея Душка), стеклянные синие кольцеобразные бусы, костяной гребень черняховского типа, бронзовые фибулы, точильные бруски, железные браслеты, крюки, медные серьги, глиняные сопла от горнов, грузила для сетей, сосуды для изготовления сыра с дном, состоящим из мелких сквозных отверстий, и другие изделия, найденные на селищах, позволяют говорить о различных промыслах, в частности о рыболовстве, о наличии железоделательного, гончарного, костяного и каменнорезного дела и об изготовлении украшений. Весьма интересным является то обстоятельство, что нижние горизонты культурного слоя (толщина его колеблется от 40 до 120 см) на многих селищах представлены керамическими и другими изделиями, характерными для так называемой липицкой культуры (вазообразные сосуды на высокой ножке и т. д.), относимой различными исследователями то к ранним славянам, то к дако-гетам. Исследователь этой культуры М. Ю. Смишко, изучивший ее в Верхнем Поднестровье, четко датирует ее существование временем от последнего века до н. э. до II—III вв. н. э. Верхние же слои этих селищ представлены типичными для восточнославянских племен изделиями черняховской культуры (костяные гребни, низкие разложистые миски, одноручные серолощенные кувшины), хорошо известной по многим поселениям и могильникам Поднепровья и Побужья и датируемой II—V вв. н. э. Характерно также, что между липицким и черняховским культурными слоями на одних и тех же селищах отсутствуют какие-либо стерильные прослойки, а сам переход от липицкой к черняховской культуре совершается без резких скачков, через ряд переходных и общих для обеих культур форм, например, большие пифосовидные сосуды-зерновки.

Это обстоятельство является доказательством мирного сосуществования дако-гетских и славянских оседлых земледельческих племен в Днестровско-Прутском междуречье и постепенной ассимиляции дако-гетов славянами. Разумеется, на этой территории славяне в первые века н. э. существовали не только с дако-гетами, но и с другими неславянскими племенами: сарматами, готами, гуннами и другими.

Значительный интерес в этом отношении представляют раскопки Боканского селища и могильника, исследованных экспедицией в 1953 г. в степной части Молдавии, в Попрутье. Селище расположено на северо-восточном склоне пологого холма на расстоянии 1 км к югу от села Боканы (Фалештский район МССР). Примерные размеры селища 200×60 м. Возле него находятся родник и заболоченный ныне водоем. Культурный слой селища, достигающий мощности 100—120 см, содержит керамику в основном черняховского типа, в том числе: небольшие серолощенные миски и одноручные кувшины, пифосовидные сосуды-зерновки, а также железные, керамические шлаки и кости домашних животных (коров, лошадей и мелкого рогатого скота). Судя по содержанию культурного слоя, селище принадлежало оседлым земледельцам и скотоводам II—IV вв. н. э., знавшим также обработку железа и гончарное дело. Могильник, расположенный на юго-западном склоне того же холма, судя по местоположению, датировке и ряду изделий, тождественных найденным на селище (например, одноручные сероглиняные кувшины), несомненно, следует связывать с селищем. Всего вскрыто 20 погребений, из них первые два — во время случайных работ. Погребенные лежали на спине, головой на северо-восток, с вытянутыми ногами и руками, в грунтовых ямах глубиной 90—160 см и размером 60—80×200—220 см. Инвентарь, найденный в погребениях, богат и разнообразен. В двух мужских погребениях найдены плохо сохранившиеся остатки железных, видимо, двулезвийных мечей длиной 65—70 см и шириной 4—5 см. В шести мужских погребениях найдены, помимо мечей, железный нож и различные железные предметы, неопределимые из-за плохой сохранности, глиняные сосуды, а в погребении мальчика — восемь бараньих бабок для игры. Исключительно богат инвентарь 8 женских и 6 детских погребений. В них найдено свыше 3,5 тыс. стеклянных и пастовых бус различных цветов, размеров и форм, цилиндрические, медные и костяные бусы, глиняные пряслица, изящные бронзовые зеркала, бронзовые круглопроволочные браслеты с завязанными концами, перстни, кольца, серьги с завязанными концами и концами в виде буквы S, железные и костяные иглы, бронзовые фибулы с высоким приемником, характерные для II—IV вв. н. э., бронзовые привески, в том числе одна пятилапчатая, колокольчики, пряжки, булавки и т. д.

Глиняные лепные и гончарные горшки, кувшины, чашки и другие сосуды по одному или по два ставились в головах или в ногах погребенных. Для гончарных сосудов, имеющих прекрасный обжиг и поддоны, характерны две основные формы: небольшие или средние одноручные серолощенные или сероглиняные кувшины, среди которых есть формы, близкие к липицким и раннечерняховским, и низкие красноглиняные двуручные сосуды римского типа. Особо следует отметить небольшой целый стеклянный римский косметический флакон с двумя ручками в виде лебедей. Лепные сосуды без орнамента, простой, в большинстве случаев близкой к баночной форме, имеют толстые стенки, плохой обжиг, слабо отогнутые венчики и нечеткую профилировку тулова.

Прослеживается довольно резкое различие между богатыми и бедными погребениями, из которых первые содержат сотни бус и множество украшений, а вторые — лишь несколько десятков бус и по одному лепному горшку. Фибулы, гончарные сосуды, стеклянный флакон и другие изделия датируют могильник II—IV вв. н. э. Ряд признаков: обряд погребения, бронзовые зеркала, мечи и бинтовая деформация 8 черепов, позволяет считать могильник, а следовательно и селище — сарматским. Об этом говорит и сходство единичных типов лепных и гончарных сосудов с западно-сарматскими, язгыгскими сосудами, в частности с сосудами из известного могильника Маросцентана на Мораве. В то же время бросается

в глаза и ряд особенностей, отличающих этот могильник от типичных сарматских могильников. Здесь в могилах отсутствуют характерные для сарматов куски мела или посыпание покойника мелом. Совершенно не встречаются обычные для сарматских могильников погребения со скрепленными ногами. Далеко не все черепа деформированы.

Материальная культура имеет смешанный характер. Наряду с типичными сарматскими вещами большинство сосудов не характерно для сарматов и не встречается в сарматских погребениях ни в СССР, ни за рубежом. Наличие фибул ольвийского типа с высоким приемником и ряда римских или римского типа изделий говорит о связях с Причерноморьем и с римскими провинциями. Содержание культурного слоя селища свидетельствует, что его население состояло не из кочевников, а из оседлых земледельцев. Это подтверждает и сходство некоторых сосудов с липицкими и черняховскими.

Судя по вещевым находкам, помимо земледелия и скотоводства, жители Боканского селища знали уже выплавку железа, ткачество, гончарство и имели довольно широкие экономические связи и далеко зашедшее имущественное неравенство, то есть находились на стадии распада родового строя и зарождения классового общества.

Таким образом, Боканский могильник и селище принадлежали сарматам, но сарматам, уже осевшим на землю, потерявшим часть характерных для них черт культуры, имеющим определенные связи с Причерноморьем и испытывающим влияние со стороны оседло-земледельческих племен Днестровско-Прутского междуречья, то есть со стороны славян.

Еще Шафарик, совершенно правильно определяя взаимоотношение сарматов и славян, писал, что «Славяне не только с незапамятного времени имели сношения с сарматами, но даже некоторые ветви их жили среди славянских народов... Отсюда произошло смешение в языке, нравах, религии тех и других»¹.

Если в самом центре будущей территории Киевской Руси, в Среднем Поднепровье, в первые века н. э. мы отчетливо видим некоторое сарматское влияние на местное славянское население, хорошо прослеженное, например, в Черняховском и Масловском могильниках, то на степных окраинах этой территории, в частности в Попрутье, происходил обратный процесс — проникновение славянского влияния на местное неславянское население, в частности сарматское, заключавшееся в изменении форм культуры и хозяйства, о чем свидетельствуют данные, полученные при раскопках Боканского селища и могильника. Еще один могильник, видимо, аналогичный Боканскому, был открыт археологом Морошаном у с. Копанка в Молдавии, но опубликованные о нем сведения слишком коротки.

Значительный интерес представляет раскопанный отрядом Молдавской экспедиции под руководством Э. А. Рикмана могильник черняховского типа у с. Будешты, где вскрыто 59 погребений.

В 1954 г. у с. Малаешты (Болотинский район, МССР) экспедиция начала раскопки могильника III—V вв., в котором наряду с черняховскими сосудами, фибулами и другими изделиями III—IV вв. имеются вещи и безусловно позднего времени, как, например, красноглиняная амфора с широким раструбом херсонесского типа.

Могильник и селище у с. Малаешты, исследование которых продолжено в 1955 г., имеют огромное научное значение, так как предоставляют возможность не только хорошо изучить черняховскую славянскую культуру III—IV вв. н. э. на Днестре, но и дадут материалы по более позднему,

археологически вообще недостаточно изученному периоду истории восточного славянства. Среди находок 1954 г. на Малаештском могильнике особо следует отметить уникальную для этой территории и вообще редкую для первой половины I в. н. э. находку — железный конический умбан для щита, которым была накрыта одна из урн, содержащая трупосожжение воина.

Особенностью селищ эпохи «полей погребений» в степной части Молдавии является то, что все они относятся к классическому липицкому и черняховскому периодам, то есть существуют не позже конца IV в. н. э. При сплошном обследовании Фалештского района и разведках, проведенных в степной зоне Молдавии, не найдено ни одного поселения более позднего времени. В то же время с конца IV в. на территории Поднестровья резко и внезапно прекращается поступление до того широко распространенных римских монет¹ и др. римских изделий — амфор, украшений, сосудов и т. д. Аналогичное явление наблюдается и в южных степных районах Украины, где ряд селищ, например, Привольное, Ярковцы и другие существовали до конца IV в. и в культурном слое имеют следы пожара и резкого насильственного прекращения жизни на них.

Таким образом, в конце IV в. н. э. в степной полосе Молдавии внезапно прекратилась жизнь оседлого земледельческого населения, создателя культуры черняховского типа, в котором мы должны видеть прежде всего славян. В то же время резко обрываются экономические и культурные связи Поднепровья с античными центрами, в частности с римскими провинциями. Этот разрыв никак нельзя считать положительным явлением. Оседло-земледельческий характер славянского хозяйства и общий высокий уровень развития производительных сил славян Днестровско-Прутского междуречья способствовал успешному освоению ими достижений других культур античной, в частности, римской культуры (существование в первые века н. э. ножного гончарного круга, заимствование некоторых римских форм сосудов и т. д.), а также развитию торговли и обмена, о чем говорят найденные на славянских селищах римские амфоры, монеты, украшения и т. д.

Как показали археологические разведки, в лесостепной части Поднестровья жизнь оседлого славянского земледельческого населения продолжалась и после IV в. и раннеславянская черняховская культура, пройдя через ряд изменений, постепенно переросла в древнерусскую культуру IX—XII вв., хорошо известную по раскопкам Екимовского, Алчедарского, Лукашевского, Царевского и др. городищ и селищ в Молдавии. Однако в конце IV в. и для селищ, расположенных в лесостепной и лесной части Молдавии (например, Лопатна, Сокол, Верхние и Средние Жоры, Гырбово, Сакаровка, Малаешты и др.), характерны некоторые изменения в культуре, а именно, полное прекращение поступления римских изделий, производство освобождается от римского влияния, например, прекращает существовать ножной и гончарный круг и т. д. Чем же объяснить все эти явления? По нашему мнению, это объясняется, прежде всего, гуннским нашествием и последовавшим за ним гунно-аварским игом. Огромное разрушительное действие гуннского нашествия на развитие производительных сил славян вообще недооценивалось в нашей литературе. При этом, если для более северных и восточных территорий разрушительное действие гуннского нашествия было все же ограничено его кратковременностью, то для славян, живших поблизости от Дунайского бассейна, то есть для славян Днестровско-Прутского междуречья, это

¹ Всего найдено 19 кладов и отдельных римских монет, часть из них на селищах, — Лукашевка, Лопатна, Новые Трифанешты и др.

разрушительное действие было огромным и длительным, так как здесь славяне страдали не только от нашествия, но и от длительного соседства с гуннами и от длившегося в течение нескольких столетий гунно-аварского ига. Византийские историки Евнапий, Аммиан Марцеллин и др. в своих сочинениях нарисовали яркую картину того, как гунны истребляли все живое в Поднестровье. Это подтверждается данными, полученными в результате археологических разведок и раскопок в Молдавии. Как известно, стан гуннов, а затем и аваров, находился на территории Паннонии на обоих берегах Дуная (где и найдено большинство гунских древностей в Европе), откуда они, по выражению Шафарика, «слишком 250 лет ужасным образом громили и теснили окрестные народы»¹. О бесконечных войнах гуннов и авар со славянами не раз упоминают многие византийские авторы. Таким образом, для придунайских славян гунны были не только опустошительным вихрем, но и тяжким гнетом в течение длительного времени. Как показали археологические исследования, они вытеснили славян из степных юго-западных районов Прутско-Днестровского междуречья, временно оборвали связи с южными и западными славянами и с античными центрами и причинили огромный вред развитию производительных сил оседлого земледельческого населения. В этом отношении разрушительные действия гунно-аварского ига были не меньшими, чем разрушительные действия монголо-татарского ига, по крайней мере для юго-западной части восточного славянства.

Конечно, вопрос о взаимоотношениях гуннов и авар с земледельческим населением и, прежде всего, со славянами очень сложен. Тут имели место и процессы взаимного влияния и даже ассимиляция гуннов и авар славянами.

Вытесненные кочевниками, в частности гуннами, из степных областей Днестровско-Прутского междуречья, славяне продолжали жить в лесной и лесостепной областях этой территории. Как показали археологические разведки, во многих пунктах Поднестровья в лесах (Кодры) непрерывная жизнь на славянских поселениях продолжалась и после IV в. Правда, здесь, как указывалось выше, гунское нашествие сказалось в обрыве связей славянских племен с античными центрами и в некоторых изменениях их материальной культуры. При объяснении последнего обстоятельства нужно учитывать и мощное продвижение славян в V—VI вв. к границам Византийской империи и вообще продвижение в этот период огромных масс восточного славянства на юго-запад, хорошо зафиксированное археологически. Это продвижение само по себе приводило к изменению культуры и особенностей социальных отношений у юго-западной части восточного славянства, у которой, под влиянием соседства и борьбы с рабовладельческими провинциями римской империи, имели место и соответствующие традиции в производстве, а возможно и наличие элементов рабовладельческих отношений.

Об этом говорят и византийские историки VI в., например, Маврикий Стратег, указывающий на наличие ограниченного рабовладения у славян². Огромные массы славян, врываясь на территорию Римской империи, решительно меняли там социальные отношения и тем более меняли их у своих юго-западных сородичей, которые, освобождаясь от каких-либо влияний, принимали чисто славянский облик. В то же время у них менялась и материальная культура.

Оправившись от последствий гуннского нашествия, славяне Подне-

стровья продолжали развивать земледелие и ремесла; у них росло имущественное и социальное неравенство, зарождались и укреплялись феодальные отношения, крепла консолидация восточно-славянского мира, в частности связь между поднепровскими и поднестровскими славянами. Как показывают археологические данные и письменные источники, к VI в. на территории Поднестровья был в основном закончен процесс ассимиляции славянами неславянских племен, и этническая картина Поднестровья, характеризуемая раньше значительной пестротой, приобрела однородность. Начиная с VI в., на территории Поднестровья, кроме некоторого количества кочевнических курганов, мы не знаем вплоть до XIV в. никаких других памятников материальной культуры, кроме славянских, переросших, как и всюду в Киевской Руси к IX в., в древнерусские. Ассимиляция славянами неславянских племен Поднестровья сарматов, гуннов и других кочевников объясняется, прежде всего, тем, что славяне, будучи оседлыми земледельцами, обладали более прогрессивным способом производства и, следовательно, более высокой культурой. Кроме того, славянское население здесь постоянно пополнялось за счет продвижения славян из Поднепровья и вообще с северо-востока, о чем говорит и наличие памятников черняховской культуры в Поднепровье, а для более позднего времени — многочисленных культурных комплексов, характерных для центров Киевской Руси.

В настоящее время открыто и обследовано в лесостепной части Молдавии 12 селищ этого периода: Лопатна, Крокмазы, Сакаровка, Скок, Гырбово II, Раскоцы, Кобуска Веке, Косоуцы, Слободзея Душка, Малаешты и др. Кроме того следует отметить, что не только древнерусские селища, но и ряд городищ основан на месте славянских поселений VI—VIII вв. и более раннего времени. Так, например, в нижних слоях Алчедарского городища над подстилающим слоем скифского селища найдена сероглиняная керамика черняховского типа, фрагменты желто- и коричневоглиняной керамики типа Кобуска Веке VI—VIII вв., а также ряд изделий, как, например, шпора с ромбовидным острием и обломки рукоятки ножа с волнитообразным завершением, тождественные найденным в Бескупине и в других польских славянских городищах, и четко датируемые VI—VII вв.

Нижние горизонты культурного слоя указанных селищ, как правило, содержат керамику и другие изделия черняховского типа, причем они, пройдя через ряд переходных форм в верхних горизонтах культурного слоя, перерастают в типичные древнерусские изделия. Характерно также, что селища со слоем VI—VIII вв. сильно вырастают в размере, достигая иногда 30 гектаров площади. На селищах найдены обломки известняковых жерновов, очаги из глины и известняковых камней, зерновые и другие хозяйственные ямы, железные и керамические шлаки и куски сопел от горнов (селище Лопатна и др.), бронзовые изделия, железные крюки, костяные рукоятки ножей с резным орнаментом, аналогичные древнерусским екимауцким рукояткам (селище Скок)¹, кости домашних животных: коров, лошадей, свиней и мелкого рогатого скота, обломки больших корчаг для хранения зерна и т. п. Селища расположены обычно на первой надпойменной террасе мелких притоков Днестра, реже — на самом Днестре. Расположение селищ и содержание их культурного слоя позволяют говорить, что основными занятиями их населения было земледелие и скотоводство и, кроме того, существовало гончарное, железо-плавильное и костерезное дело. На всех селищах в слоях VI—IX вв., как и в более ранних слоях, решительно преобладает керамика, сделан-

¹ П. И. Шафарик, Славянские древности, т. II, кн. I, стр. 93.

² Маврикий, Стратегикон. Хрестоматия по русской военной истории, М., 1947, стр. 5—6.

¹ Разведывательные раскопки Э. А. Рикмана в 1953 г.

ная на гончарном кругу, однако техника изготовления ее и внешний облик меняются. В этот период исчезли характерные для более раннего времени жесткие формы сосудов, как бы подражающие в глине металлу, исчезло лощение, исчезают небольшие вазочки на высоких ножках, кувшинчики на поддонках и преобладают большие и средние простые кувшины и горшки, характерные для развитого земледельческого хозяйства, характерна примесь дресвы к глине, повышающей огнеупорность и прочность сосудов, которые из серолощенных становятся сероглиняными и коричневоглиняными, распространяется линейный и волнистый орнамент. Обугленные зерна различных культурных злаков, в том числе пшеница и просо, и отпечатки их в глиняной обмазке стен, найденные на селищах, как бы подтверждают слова Маврикия о том, что у славян имеется: «Большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности пшеницы и проса»¹.

Очень частые находки лошадиных костей также подтверждают свидетельство письменных источников, как, например, Иоанна Эфесского, сообщавшего, что у славян были «табуны коней»². Типичны для этого времени сосуды из селища Кобуска Веке (Бульбокский район, МССР), открытого археологом Г. П. Сергеевым. Это пять целых горшков, сделанных на медленном ручном гончарном круге. Они имеют косую насечку по краю венчика и широкий волнистый орнамент, покрывающий $\frac{3}{4}$ тулова сосуда и его плечики. Цвет глины коричневый, профилировка стенок не очень четкая, в глине имеется примесь дресвы. Сосуды эти весьма напоминают раннеблужинские чешские сосуды, а также сосуды VII в. из нижних горизонтов городища в Диногении, расположенного на территории Румынии.

Социальный строй славян Поднестровья этого периода, наличие у них военной демократии, начало образования феодальных отношений и зарождение государства хорошо известны по свидетельствам Маврикия, Прокопия, Иордана и др. историков VI в.

В археологическом отношении особый интерес представляют раскопки селища у с. Лопатна (Сусленский район, МССР), начатые в 1953 г. Селище расположено на большой площади первой надпойменной террасы Днестра. Культурный слой его достигает 120 см толщины и в основном не нарушен; он содержит керамику и другие изделия черняховского типа, обломки римских амфор III—IV вв. н. э., римскую бронзовую монету III в. Керамика черняховского типа через целый ряд промежуточных форм переходит в древнерусскую керамику IX—X вв. Судя по материалам культурного слоя этого селища, в лесостепных районах Молдавии славянское население существовало непрерывно в течение всего первого тысячелетия н. э. В то же время наблюдается эволюция материальной культуры этого населения. Эта культура приобрела к IX—X вв. ярко выраженный древнерусский облик, что отражало создание древнерусской народности и древнерусского государства, в состав которого, как показали исследования памятников IX—XII вв. на территории Молдавии, вошло в Поднестровье.

Дальнейшие археологические разведки и раскопки Лопатненского и других поселений позволяют уточнить и развить сделанные выводы.

¹ Маврикий. Стратегикон, Хрестоматия по русской военной истории, М., 1947, стр. 6.

² Иоанн Эфесский, Церковная история, VII, 25.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй луй Г. Б. Фьодоров «Векий славь ын Молдова»

Ын артикол сынт оглиндите резултателе лукрулуй, ынфэптунт де аутор ын курсул анилор 1950—1954 ку целул де а студие монументеле археоложиче, че се афлэ пе териториул Поднестровией, датынд дин милениул ынтый ал ерей ноастре, ыннаинте де апария стрэвекилор ашезэрь русе (Екимэуць, Алчедар ши а.). Аестя-с цынтиримурь векь, апарцынынд аша нумитей културь а «кымпурило-цынтиримурь» дин вакул II пэнла ера ноастрэ—вакул IV ал ерей ноастре, ши сэлиште дин а доуа жумэтате а ынтыюлуй милениу ал ерей ноастре. Ун маре интерес ыл ынфэцэшацэ цынтиримул векь, дизгрозат де аутор лынгэ сатул Лукашеука, култура кэруя аре трэсэтурь славе ши дако-четиче. Цынтиримул векь ши сэлиште де лынгэ сатул Бокапы, каре ау фост дизгрозате де аутор, дынду-й ун богат материал штинцифик, сынт сарматиче. Дупэ пэреця ауторулуй монументул иста оглиндеште прочеселе славонизэрий локунторимий сармате дин райоанеле естя. Сэлиште дин вакуриле VI—IX (Кобуска-Веке, Косэуць, Крокмаза ши а.) оглиндеск прочеселе тречерий трептате а културий материала дин Поднестровие ын култура русэ стрэвеке.

Л. Л. ПОЛЕВОЙ.

К ИСТОРИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ И МОЛДАВИИ

Вопросы истории денежного обращения карпато-днестровских земель почти не освещены в работах советских ученых, они нашли лишь слабое и методологически неверное отражение в работах русских дореволюционных, а также румынских, польских и других буржуазных нумизматов и экономистов. Между тем, углубленная разработка вопросов политической и социально-экономической истории Молдавии предполагает обязательное использование материалов нумизматики и истории денежного обращения, дающих новые ценные данные.

В настоящей статье, наряду с постановкой некоторых вопросов по истории денежного обращения юго-западной Руси и средневековой Молдавии, приводится ряд новых фактов и предварительных выводов.

Монеты, относящиеся к XI—середине XVI вв. и найденные в Днестровско-Прутском междуречье, крайне редки и по большей части обстоятельства их обнаружения точно не выяснены. Клады, зарегистрированные Республиканским музеем краеведения МССР, в основном включают материал второй половины XVI столетия и более поздний. Поэтому коллекция монет, собранная за 7 лет раскопок на городище Старого Орхоя¹, главная масса которых датируется периодом XIII—XVII вв., по существу становится первым важным вещественным источником для изучения истории средневекового денежного обращения на территории МССР. Существенно дополняя состав монетных находок на территории средневековой Молдавии, коллекция Старого Орхоя дает новые интересные данные по истории денежного обращения этой страны и даже юго-западной Руси. Разбор коллекции производится с привлечением материалов по Молдавии вообще.

Монеты коллекции хронологически можно разделить на три группы: XIII—XIV вв., XV—середина XVI вв. и вторая половина XVI—середина XVII вв.²

I группа, состоящая из 197 монет, включает серебряные и медные золотоордынские монеты (193), серебряные чешские (2), медную византийскую (1) и червонорусскую (1).

¹ Работа производилась отрядом (руководитель Г. Д. Смирнов) по изучению памятников молдавского средневековья Молдавской археологической экспедиции.

² В 1953 г. коллекция насчитывала 273 экземпляра монет, в том числе 49 серебряных, 1 билонная, 223 медных. Часть монет коллекции определена научным сотрудником ГИМ С. А. Яниной.

Медная византийская монета плохой сохранности, по типу¹ может быть отнесена к монетам Исаака II Ангела (1185—1195, 1203—1204)². Она является самой поздней из находок византийских монет не только в днестровско-прутском междуречье, но и на всей территории карпато-днестровских земель³. Находки пражских грошей Иоана (Яна) I Люксембургского (1310—1346)⁴ и Вацлава (1378—1419) значительно отодвигают южную границу распространения пражских грошей в Восточной Европе, проходившую через Подолию. Интересно наличие в коллекции медного денара Казимира III (1333—1370)⁵. Медные денары чеканились польским королем Казимиром III для присоединенной территории Червоной Руси, и находки их до сих пор были известны только в окрестностях Львова⁶.

Вопрос об экономических связях карпато-днестровских земель с Галицкой Русью в литературе освещен недостаточно. Поэтому дальнейшее углубление и расширение исследования этого вопроса, с привлечением коллекции монет из Старого Орхеля, приобретает важное значение для истории Молдавии.

Наличие в коллекции пражских грошей Иоанна (Яна) I, Вацлава III (IV) и червонорусского денара не случайно. С давних времен денежное обращение на территории средневековой Молдавии развивалось в тесной связи с юго-западной Русью. Диргемы IX—XI вв., широко распространенные в восточной Европе⁷, со стороны юго-западной Руси заходят на территорию среднего Поднестровья, отодвигая к юго-западу границу их ареала⁸.

Общезвестен факт смены диргемов и западноевропейских денариев⁹ в денежном обращении юго-западной Руси гривнами. Следы этого явления мы обнаруживаем и в Среднем Поднестровье¹⁰. Византийские монеты распространяются далеко на север, вплоть до северо-восточной Руси¹¹. Но наиболее поздние экземпляры датируются концом XII в. Их поступление на территорию Восточной Европы, включая Молдавию, прекращается именно к этому времени.

Опустошительное нашествие половцев и татаро-монгольских орд, наводнивших степи северного Причерноморья вплоть до Дуная, не только обрывает на время экономическую связь Восточной Европы с Византией, но и приводит к разрушению производительных сил, расстройству экономической жизни этой территории¹². Это находит немедленную реакцию в

¹ Лицевая сторона — поясное изображение императора в мантии: в правой руке крест, в левой — держава; вокруг стершаяся надпись. Обратная сторона — поясное изображение благословляющей божьей матери. Вес 0,98 г.

² G. Sabatier, Description générale des monnaies byzantines, t II, Paris, 1862, p. 224—5.

³ O. Iliescu, Despre tezaurele si viata economica in secolele III—XIV pe teritoriul tarii noastre, Studii, III, an. 5, Buc., 1952.

⁴ А. А. Сиверс, Топография кладов с пражскими горошками, Петроград, 1922, стр. 2.

⁵ А. А. Ильин, Классификация русских удельных монет, Л., 1940, стр. 11.

⁶ В. А. Ульяновский, Монеты, чеканенные польскими королями для Галицкой Руси в XIV и XV вв., Труды МНО, I полутом, М., 1893, К. В. Болсуновский, Автономные монеты Галицкой Руси XIV и XV вв., Киев, 1905.

⁷ А. Марков, Топография кладов восточных монет, СПб., 1910.

⁸ При раскопках Г. Б. Федоровым славянских городищ на территории МССР найдены саманидские диргемы Исмаила-ибн-Ахмеда (892—907 гг.) и Насра II (914—943 гг.), бытовавшие вплоть до первой половины XI века (Г. Б. Федоров, Городище Екимавны, КС ИИМК, вып. L, стр. 110).

⁹ Западно-европейские денарии X—XII вв. найдены в районе Белгорода-Днестровского (А. Н. Зограф, Древний город Тира-Белгород-Аккерман, КС ИИМК, VIII, 1940).

¹⁰ На городище Екимавны была обнаружена денежная гривенка типа, появляющегося не ранее XI в. (Г. Б. Федоров, Указ. раб., стр. 112).

¹¹ Н. Кондаков, Русские клады, т. I, СПб., 1896, стр. 136.

¹² Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, Золотая Орда и ее падение, М.—Л., 1950, стр. 32.

денежном обращении; в карпато-днестровских землях не зарегистрировано ни одной находки монет, обращавшихся в XIII в.

С конца XIII в. экономическая жизнь на территории средневековой Молдавии сживает, развивается и крепнет торговля по Днестру и Дунаю¹. К середине следующего века здесь вновь распространяются монеты, обращающиеся в Червоной Руси. Топография находок пражских грошей показывает, что южная граница их ареала проходит через северо-восточную Молдавию.

В 1892 г. на городище Старого Орхеля был найден пражский грош Вацлава IV (III) (1378—1419). В 1895 г. в г. Сороки найден клад из 27 серебряных пражских грошей Вацлава III (IV)². В 1912 г. в г. Серет (Буковина) был найден клад из 300 серебряных монет, в котором, среди молдавских и червонорусских, находились пражские гроши Вацлава II (1278—1305), Иоанна (Яна) I (1310—1346) и Карла I (1376—1378)³. Пять грошей также Карла I, найденных на территории Молдавии, хранятся в фондах Республиканского музея краеведения МССР⁴. Пражские гроши Яна I и Вацлава III (IV) в 1947—1953 гг. найдены также на городище Старого Орхеля.

Помимо Молдавии, пражские гроши найдены в Подолии, на Киевщине и Волыни и связывают по крайней мере северо-восточную Молдавию с этими областями, входившими в состав Литовско-русского государства. А. А. Сиверс сделал вывод о распространении пражских грошей на землях, вновь присоединявшихся к Литовско-русскому государству, и о их постоянном обращении в той части Руси, которая входила в состав Литвы в конце XIV—начале XV вв. Повидимому, нечто подобное произошло и с Молдавией. Достаточно вспомнить полулегендарное княжение литовско-русского князя Юрга Кориатовича в Сучаве именно во второй половине XIV века (1374—1375).

После захвата (к середине XIV в.) Червоной Руси, польский король Казимир III чеканит специально для присоединенной области, сохраняющей характерные для нее особенности экономического развития, серебряные полугроши и медные денары⁵. Червонорусские гроши, помимо Червоной Руси, были распространены в соседних русских областях и Молдавии.

По свидетельству В. А. Ульяницкого, клад с червонорусскими монетами встречается на всей территории Червоной Руси⁶.

У м. Ярмолинцы (Подолія) обнаружен клад, состоящий приблизительно из 400 серебряных польских и червонорусских полугрошей Владислава Ягайло, таких же полугрошей Людовика и татарских монет (всего 5). Червонорусских полугрошей 85⁷. Клад, найденный на р. Стоход (с. Солотвин), наряду с польскими и пражскими грошами также включал червонорусские гроши и денары XIV—XV вв. В с. Пулганов (р. Стырь) в кладе с пражскими грошами и литовскими монетами найден червонорус-

¹ История Молдавии, т. I, Кишинев, 1951, стр. 85.

² А. А. Сиверс, Топография кладов с пражскими грошами.

³ I. D. Condurachi, Istoricul sistemelor monetare în Tarile române până la 1867, Buc., 1934, p. 12, O. Iliescu, Monete vechi românești, Studii si cercetari de Istorie medie, 1950, I, p. 127, A. R. Cresterea colectiunilor, XXV Buc., 1914, pp. 155—156.

⁴ Фонды Республиканского музея краеведения МССР, №№ 1131/880, 881, 882, 883, 884.

⁵ А. А. Ильин, Классификация русских удельных монет, вып. I, Л., 1940, стр. 11.

⁶ В. А. Ульяновский, Монеты, чеканенные польскими королями для Галицкой Руси в XIV и XV вв., Труды Московского Нумизматического Общества, I полутом, М., 1893, стр. 142—153.

⁷ К. В. Болсуновский, Автономные монеты Галицкой Руси XIV—XV вв., Киев, 1905, стр. 3.

ский полугрош Владислава Опольского¹. На Киевщине червонорусские полугроши найдены в с. Пастерском и самом Киеве². Упомянутый клад из Серета включал также червонорусские полугроши Казимира III и Владислава Опольского³. Прекрасно сохранившийся полугрош Казимира III зарегистрирован в коллекции Республиканского музея краеведения МССР (найден на территории Молдавии)⁴. Наконец, в Старом Орхее найден медный денар Казимира III.

Приведенные данные позволяют наметить область распространения червонорусских монет, охватывающую Червоную Русь, Пололнию, часть Болыни и Молдавии, то есть они распространены лишь в соседних русских областях и части карпато-днестровских земель, тесно связанных между собой экономически и политически. Следует отметить, что монет Червонной Руси нет на территории Польши⁵.

Решение затронутого вопроса должно явиться предметом будущего исследования, но даже приведенные выше пока еще предварительные сведения о развитии денежного обращения в юго-западной Руси и северо-восточной Молдавии приводят нас к следующей рабочей гипотезе:

История денежного обращения этих областей, вплоть до развития в Молдавии (XV в.) самостоятельной денежной системы, представляется единым процессом и может быть разделена на периоды: XI—XII вв. — обращение в юго-западной Руси и Среднем Поднестровье византийских монет, восточных диргемов, германских и англо-саксонских брактеатов; появление денежных гривен; XIV—начало XV вв. — обращение пражских грошей, червонорусских монет и появление молдавских монет. XIII век не представлен находками монет.

Уже тот факт, что денежное обращение на территории средневековой Молдавии, после векового перерыва (XIII в.), в XIV в. вновь принимает черты денежного обращения юго-западной Руси, говорит о сохраняющемся между ними тесном экономическом контакте. Изменения в денежном обращении средневековой Молдавии до начала XV века следуют за изменениями его в юго-западной Руси. В подтверждение сказанному было приведено сравнительно небольшое число найденных монет XI—XIV вв. Но если учесть, что монеты этого времени на территории средневековой Молдавии вообще крайне редки, то приводимый материал приобретает важное значение.

Еще одна черта в истории денежного обращения сближает Молдавию с соседними русскими областями. При общности их денежного материала почти полностью отсутствуют монеты, служившие основным средством обращения в Трансильвании и Валахии.

Золотоордынские монеты хотя и составляют большую часть материала первой группы монет коллекции, но не меняют общей картины развития денежного обращения в Днестровско-Прутском междуречье. Из 193 монет 8 монет серебряных и 185 медных.

Датированные монеты с именами ханов относятся к 1325,6—1362,3 гг.⁶, датированные монеты без имени хана (65 штук) дают еще более узкий отрезок времени—1348,9—1362,3 гг., монет без имени хана и без дат—115.

¹ А. А. Сиверс. Указ. раб., стр. 13—14.

² То же, стр. 18, 21.

³ Acad. Rom., *Cresterea colectiunilor*. № XXV, Buc., 1914, p. 155.

⁴ Фонды Республиканского музея краеведения МССР, № 1131/879.

⁵ В. А. Ульяницкий, Монеты, чеканенные польскими королями для Галицкой Руси в XIV—XV вв., Труды Московского Нумизматического Общества, I полутом, М., 1893, стр. 142.

⁶ Узбека (1313—1342) — 1

Джанибека (1342—1357) — 5

Кильдибека (1361,2) — 3

Абдуллаха (1362—1369) — 4.

Сличение типов и штемпелей датированных и недатированных медных монет позволяет сделать вывод, что недатированные монеты хронологически укладываются в рамки, отмеченные датированными монетами, то есть 1348,9—1362,3 гг. Серебряная монета Узбека 1325,6 г. не меняет общей картины, если учесть длительность обращения серебряных монет Золотой Орды.

Подвергшись нашествию татаро-монгольских орд в 1240—1242 гг., часть территории будущей Молдавии во второй половине XIII в. входит в состав золотоордынского государства, становится владением одного из крупных феодалов—темника Ногая. Междоусобицы в Золотой Орде, смерть Ногая и разгром его улуса привели к тому, что под натиском сильных соседей—Венгрии и Галицко-Волынской Руси—к началу XIV века татаро-монголы были вынуждены оставить Запрутскую Молдавию и даже днестровско-прутское междуречье.

Западно-европейские карты XIV века показывают владения Золотой Орды западнее Днестра лишь вдоль берега Черного моря и в дельте Дуная¹. Сведения западно-европейских картографов подкрепляются свидетельствами Абульфеда².

О новом их появлении здесь мы узнаем лишь в 1325 г., когда «... татарские орды, появившиеся на Днестре и Пруте, опустошали Фракию»³.

Монеты золотоордынских ханов появляются в Поднестровье, повидимому, лишь в конце XIII—начале XIV веков⁴ и затем распространяются западнее вследствие развития торговли по Днестру. Золотоордынские монеты с датами по середине XIV в. по данным Республиканского музея краеведения МССР, встречаются лишь в южной части Днестровско-Прутского междуречья и не заходят севернее центральных и западнее южных районов Бессарабии. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский⁵ на карте, приложенной к исследованию истории Золотой Орды, предположительно указали западную границу Орды в первой половине XIV в. именно по этой линии. Знаменательно, что в исторической и нумизматической литературе нет указаний на находки золотоордынских монет на территории Запрутской Молдавии.

Наличие золотоордынской медной монеты служит прямым и бесспорным доказательством распространения власти ханов на ту или иную область. Медная монета, особенно золотоордынская, в силу своей низкой стоимости не могла служить средством обмена в международной торговле. Поэтому ареал ее распространения ограничивается небольшим районом.

В центральных районах МССР не зарегистрированы медные золотоордынские монеты вплоть до середины XIV в.⁶

С укреплением военно-феодальной системы Золотой Орды в первой четверти XIV века, когда в Орде наблюдается подъем производительных сил⁷, ханами предпринимались попытки восстановления своей власти в некогда оставленных карпато-днестровских землях, приведшие к столкно-

¹ G. Bratianu, *Recherches sur Vicina et Cetatea-Alba*, Buc., 1933, tb. V. VI.

² *Geographie d'Aboulfeda*, trad. de l'arabe... par M. Reinaud, t. II, p. I, Paris, 1848, pp. 316—320.

³ К. Маркс, Хронологические выписки, II, Архив Маркса и Энгельса, том VI, Госполитиздат, 1939.

⁴ И. В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, в I, Киев, 1951.

⁵ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, Золотая Орда и ее падение, М.—Л., 1950.

⁶ На городищах «Старый Орхей» и «Костешты» отмечены находки золотоордынских медных монет лишь с конца 40-х гг. XIV в.

⁷ Б. Д. Греков и А. Якубовский, Указ. раб., стр. 88.

венню с Венгрией и Польшей в 40-х годах XIV века¹. Появление к концу 40-х годов в наиболее крупных поселениях центральной части Днестровско-Прутского междуречья медных золотоордынских монет служит несомненным доказательством того, что ханам удается захватить и этот район. В знак своей власти золотоордынские правители вновь захваченной территории начинают чеканить медную монету, служившую в то же время местным средством обращения при обмене небольших масс товара.

Но власть золотоордынских ханов оказалась непродолжительной. В 60-х годах Золотая Орда вновь потрясается длительными феодальными междоусобицами. Этим воспользовался литовско-русский князь Ольгерд, разбивший трех татарских улусных ханов в битве при Синих Водах в 1362 г. В результате в состав Литвы была включена Подолия и началось постепенное оттеснение татар на юг, к берегам Черного моря. Золотоордынские медные монеты, собранные в МССР², не заходят дальше 60-х годов XIV века. Именно с этого времени, повидимому, начинается ожесточенная борьба молодого молдавского государства с татарскими захватчиками, отголоски которой имеются в ранних молдавских документах³.

Многочисленная группа медных золотоордынских монет, характерная как для карпато-днестровских земель, так и для Галицко-Волынской Руси, ограничена узкими хронологическими рамками и не меняет существа вопроса. Со второй половины XIV в. в денежном обращении здесь вновь начинают преобладать пражские гроши, широко распространенные в юго-западной Руси.

В первой группе коллекции нет ранних молдавских монет, начало чеканки которых относится ко второй половине XIV в.⁴ Молдавские монеты XIV в. отсутствуют не только в орхейской коллекции, но до настоящего времени не найдены вообще на территории МССР. Напротив, начиная с наиболее ранних (XIV в.), молдавские монеты находят в разных частях Запрутской Молдавии.

В уже упоминавшемся серетском кладе найдены монеты Петра Мушата. В районах сс. Скинены (Тутова) и Мэмурени (Бакэу) найдены клады с монетами Петра Мушата и Стефана I⁵. В Сучаве, при раскопках в конце XIX в.⁶ и в настоящее время⁷, найдены монеты XIV в. В Буковине собрано большое количество ранних молдавских монет, вошедших в различные коллекции⁸. Монеты Петра Мушата находят на юге Запрутской Молдавии⁹ и в центральной части, в районе Ясс и Романа¹⁰. Из известных нескольких сотен молдавских монет XIV в. лишь единицы найдены в Бессарабии, а именно, в Белгороде¹¹ — одном из крупнейших средневековых

¹ В. М. Сенкевич, Образование молдавского государства, Ученые записки Кишиневского пединститута, т. I, 1949, стр. 78.

² Фонды Государственного краеведческого музея МССР и коллекция Института истории, языка и литературы МФ АН СССР.

³ M. Costăchescu, Documentele Moldovenesti înainte de Stefan cel Mare, vol. I, Iași, 1931, pp. 1—4.

⁴ А. Уваров, Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, СПб, 1851, стр. 168—169.

⁵ I. D. Condurachi, Istoricul sistemelor monetare in Tarile romane pana la 1867, Buc., 1934, p. 13.

⁶ K. A. Romstorfer, Cetatea Sucevii, Buc., 1913.

⁷ Santierul Suceava, Studii și cercetări de istorie veche, t. III, 1952.

⁸ E. Fischer, Beitrag zur Münzkunde des Fürstenthums Moldau, Czernowitz, 1901, s. 5.

⁹ V. Ciurea, Muzeul Falticeniilor, Boabe de grâu, an. I, № 9, Buc., 1930.

¹⁰ D. A. Sturdza, Uebersicht der Münzen und Medaillen des Fürstenthums Romanien, Wien, 1874, s. 9.

¹¹ Э. Р. Штерн, Раскопки в Аккермане летом 1912 г., Одесса, 1913, стр. 10.

торговых центров на Черном море. Через Белгород торговый путь на Восток проходил не только из Молдавии, но и из Валахии, где монеты Петра Мушата были широко распространены¹ и откуда, естественно, могли попасть в Белгород. Отсутствие молдавских монет XIV в. в средней части Днестровско-Прутского междуречья тем более странно, что они обнаружены вкладах не только в соседней Подолии, но и в Литве². Подобное явление может быть объяснено только ожесточенной многолетней борьбой молодого молдавского государства с татарскими ордами во второй половине XIV столетия, ареной которой стала именно эта территория. Говорить о сколько-нибудь упорядоченной здесь экономической жизни вплоть до конца этого столетия не приходится.

Товарно-денежные отношения развиваются в средней части Днестровско-Прутского междуречья лишь в середине XV века, когда здесь, с укреплением феодальной экономики молдавского государства, вновь расцветают города, растет товарное производство и обмен. Издревле известны на юге междуречья Белгород и Килия. Затем появляются Орхей и Лапушна³.

Во вторую группу (22 экземпляра) входят молдавские (14), чешские (2)⁴, золотоордынская (1), венецианская (1), турецкие (2), польская (1) и венгерская (1) монеты. Эта группа ограничена рамками XV—середины XVI столетий.

Наиболее ранними монетами здесь являются пражские гроши Вацлава III (IV), служащие связующим звеном между первой и второй группами монет коллекции, и венецианская монета с именем дожа Микеле Стено (1400—1419)⁵. Пражские гроши, широко обращавшиеся в XIV — первой половине XV вв. на территории Галицко-Волынской Руси и Молдавии, являются свидетельством сохраняющихся тесных экономических связей между этими странами⁶.

Венецианская монета размерами и внешним видом представляет обычный тип цехина (дуката). Но взвешивание и исследование металла обнаружили ее фальсификацию. Вместо 3,55 г почти чистого золота⁷, она состоит из слитка золота со значительным количеством серебра весом 2,11 г. Эта монета найдена в культурном слое городища Старого Орхея и является свидетельством обращения в средневековой Молдавии как подлинных, так и фальшивых венецианских монет.

Итальянские монеты, после денежных реформ XIII — начала XIV вв., находят широкое распространение в Европе. Они успешно конкурируют с византийскими и, вместе с усилением торгового влияния итальянских морских республик в Средиземноморье и Причерноморье, становятся основным средством международного обмена. Устойчивая высокая стои-

¹ G. Severeanu, Monetele lui Petru Musat, gasite într'un tezaur de monete Mîrcea cel Bătrîn; G. Severeanu, Donatiunea P. R. Voinescu, Bucuresti, revista, № 1—2, an. III, Visc., 1937.

² Г. Б. Федоров, Топография кладов с литовскими слитками и монетами, КС ИИМК, вып. XXIX, 1949.

³ Первое документальное известие об Орхее относится к 1469 г. (Z. T. Bogă, Documentele Basarabene, IV, Chisinau, 1929, pp. 8—9).

⁴ О Лапушне — 1454 (A. N. Sava, Documente privitoare la târgul și tinutul Lapusnei, Buc., p. V).

⁵ Чешские монеты Вацлава IV (III) входят в I и II группы монет, т. е. обращались в конце XIV — середине XV вв.

⁶ N. Paradopolî, Le monete di Venezia, Venezia, 1893, p. 238.

⁷ В материале группы находится также золотоордынская серебряная монета Санда Ахмеда 1419—1420 гг., что может быть поставлено в связь с развитием восточной торговли по днестровскому пути.

⁸ N. Paradopolî, Le monete di Venezia, Venezia, 1893, p. 138.

мость золотой итальянской, особенно венецианской, монеты обеспечила ей первенствующее положение, а в ряде мест, как, например, в Молдавии, сделала ее главным платежным средством при крупных расчетах.

Главное место занимает венецианская монета. С развитием днестровского водного торгового пути венецианская валюта проникает на территорию Галицко-Волынской Руси и Киевщины, а затем в Молдавию и Валахию. Распространение этих монет на обширной территории с полной очевидностью свидетельствует об их большом значении в международной торговле на юго-востоке Европы позже XIII в.

Ранние венецианские монеты найдены в Подолии и на Киевщине. В 1844 г. у с. Должок, Каменецкого уезда (Подолия), найдены две серебряные монеты дожа Ранерия Джено (1252—1266) и две такие же монеты Франческо Ландоло (1328—1339)¹. В 1852 г. у с. Лопатинцы (Ямпольский уезд, Подолия), найдена золотая венецианская монета². В Киеве среди монет клада, состоявшего из пражских грошей XV в., была обнаружена золотая венецианская монета конца XIII — начала XIV вв.³. Венецианские монеты XIII в. обнаружены при раскопках на Княжей горе, близ Киева⁴, и в самом Киеве⁵.

К XVI в. обращение венецианских монет в Северном Причерноморье усиливается. В Подолии, как и в соседних с ней областях, в кладах XVI в. нередко венецианские дукаты и грессо⁶. В Румынии также зафиксированы венецианские монеты XV—XVI вв.⁷. Таким образом, венецианские монеты, распространяясь вначале вдоль днестровского водного пути, к XVI в. обращаются на значительной территории между Днестром и Дунаем.

Немногие данные о венецианских монетах XV—XVI вв. в Молдавии⁸ подкрепляются документальными свидетельствами. Так называемые «татарские золотые», часто встречающиеся в текстах документов, оформляющих куплю-продажу недвижимости и др. крупных ценностей являются итальянскими золотыми. Их название произошло оттого, что поступали они с востока из татарских владений (Крым)⁹. Мнение, будто бы «татарские золотые» — генуэзские монеты и чеканились в генуэзских колониях Крыма и проникали оттуда в Молдавию, не подтверждается фактами. Примечательно, что все найденные на территории средневековой Молдавии итальянские монеты относятся к венецианским.

Молдавские монеты преобладают над другими монетами (14 из 22):

Александра I (1400—1432)	— 5
Ильяха и Стефана (1435—1442)	— 2
Стефана III (1457—1504)	— 5
Стефана V (1538—1540)	— 2

¹ Е. Сецинский, Археологическая карта Подольской губернии, Тр. XI, т. I, М., 1901, стр. 321.

² Там же, стр. 275.

³ А. А. Сиверс, Топография кладов с пражскими грошами, Петроград, 1922, стр. 8.

⁴ Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского, 1898, стр. 6.

⁵ М. К. Каргер, Археологические исследования древнего Киева 1938—1947 гг., Киев, 1950, стр. 123.

⁶ В. К. Гульдман, Памятники старины в Подолии, Каменец-Подольск, 1901.

⁷ Acad. Rom., Cresterea colectiunilor, № XXV, Buc., 1914, pp. 157—8; № XLIV—XLV, 1933—36, Buc., 1938, p. 127; N. A. Bogdan, Orasul Iasi, 1913, p. 179.

⁸ Коллекция Республиканского музея краеведения МССР и Института истории, языка и литературы Молд. филиала АН СССР.

⁹ Н. А. Мохов, Феодалные отношения в Молдавии в XIV—XV вв. Сб. Феодалные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII вв., Кишинев, 1950, стр. 23.

Из 14 монет — 5 серебряных, 1 билонная и 8 медных. Кроме того, в 1892 г. на городище Старого Орхей найдены две монеты: Стефана III и Стефана V¹.

В румынской буржуазной литературе общепринято мнение, что молдавские монеты играли второстепенную, подчиненную роль в денежном обращении феодальной Молдавии и служили, главным образом, знаком ее государственной независимости: молдавские господа, чеканя собственную монету, демонстрировали тем самым свое право регалии².

Большинство молдавских монет найдено в процессе раскопок остатков жилых и производственных сооружений Старого Орхей. Уже то, что молдавские монеты преобладают в монетном материале полуторастолетнего периода, что они найдены в культурном слое, то есть служили средством обращения, что молдавские монеты чеканились в несколько серебряных и медных номиналов, служит серьезным доводом против румынских буржуазных историков и экономистов. Несомненно, дальнейшие исследования, охватывающие дополнительные данные, позволят полностью опрокинуть сложившееся порочное мнение и доказать, что именно молдавские монеты служили основным средством обращения в феодальной Молдавии и дают, тем самым, новое веское доказательство складывающейся и укрепляющейся экономической общности ее территории³.

Развивающиеся внешнеторговые связи Молдавии проявляются в единичных находках венгерских, турецких, польских и венецианских монет XV — начала XVI вв. на территории МССР и городище Старого Орхей.

Третья группа (40 экземпляров) коллекции Старого Орхей представлена турецкими, венгерскими, польскими и сравнительно небольшим числом шведских и польских монет молдавской чеканки, датирующихся серединой XVI—XVIII вв. Молдавские монеты позже середины XVI века не найдены до настоящего времени не только на городище Старого Орхей, но и на территории МССР. К этому времени под влиянием Турции прекращается регулярная чеканка молдавских монет, которая приобретает случайный характер. Потеря политической независимости, турецкое иго значительно тормозят экономическое развитие Молдавии⁴. В денежном обращении преобладает иноземная монета, становящаяся основным средством обращения.

Вопросы истории денежного обращения собственно средневековой Молдавии, весьма слабо разработанные в экономической литературе, должны явиться предметом особого исследования.

¹ А. А. Сиверс, Указ. соч., стр. 9.

² G. Zane, Economia de schimb în principatele române, Buc., 1930; I. N. Angelescu, Evolutia economica a tarilor românești, vol. I, Buc., 1918; C. I. Baicoianu, Istoria politicea poastre monetare... vol. I, p. I, Buc., 1932, и др.

³ Н. А. Мохов, Феодалные отношения в Молдавии в XIV—XV вв., Сб. Феодалные отношения в Молдавии в период XVI—XVIII вв., Кишинев, 1950, стр. 25.

⁴ В. М. Сенкевич, Образование Молдавского государства, Ученые записки КПИ, т. I, Кишинев, 1949, стр. 89.

⁵ Е. М. Руссов, Развитие феодално-крепостнических отношений в Молдавии XVI—XVII вв. Борьба молдавского народа за свержение турецкого ига, Сб. Феодалные отношения в Молдавии в период XVI—XVIII вв., Кишинев, 1950, стр. 67.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артикулулуй луй Л. Л. Полевой «Унеле ынтребэрь але историйе чиркуляцией банилор ын Русия де мязэ-зы-асфинцит ши Молдова»

Ын артикол сынт фэкуте тоталуриле премэргэтоаре але анализей коллекций нумизматиче, адунате ын курсул сэпэтурилор археоложиче, фэкуте време де кыцьва ань пе териториул орашулуй медиевал «Векюл Орхей».

Ын артикол се фаче о периодизаре а историйе чиркуляцией банилор ын Русия де мязэ-зы-асфинцит ши Молдова. История аста се ымпарте ын доуэ периоаде; вакуриле X—XII — чиркуляция монетелор бизантине, диргемелор, динарилор дин Еуропа де Асфинцит, апарация гривнелор бэнешть; вакул XIV — ынчепутул вакулуй XV — чиркуляция грошелор дин Прага, монетелор дин Червоная Русь ши ынчепутул батерий монетелор молдовенешть. С'а ажунс ла ынкееря премэргэтоаре, кэ история чиркуляцией банилор ын Русия де мязэ-зы-асфинцит ши пэмынтуриле динтре Карпаць ши Нистру а фост ун прочес уник пынэ'н вакул XV, кынд ын Молдова се дизволтэ о системэ бэняскэ де синестэтэтоаре.

Ын афарэ де ун шир де алте ынтребэрь, ын артикол се анализэе периоада, кынд пе пэмынтуриле динтре Карпаць ши Нистру а чиркулат монета Хоардей де Аур; се читязэ дате, каре доведеск, кэ периоада яста а фост де скуртэ дуратэ. Монета Хоардей де Аур а фост рэспындитэ ын партя чентралэ ши де мязэ-зы а териториулуй динтре Нистру ши Прут.

Тратынд ын трякэт ынтребаря деспре локул, че-л окупа монета молдовеняскэ ын господэрия бэняскэ а цэрий, ауторул доведеште, контрап пэририлор економиштилор ши нумизмацилор бургежь ромынь, кэ монета яста ера тарэ ынсэмнатэ, формынд принципалул мижлок де чиркуляцией.

Э. А. РИКМАН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В 1954 г. НА ГОРОДИЩЕ У с. КОСТЕШТЫ

Среди позднесредневековых поселений, расположенных на территории МССР, большой интерес представляют городище и соседние с ним поселения близ нынешнего села Костешты¹, Котовского района.

В кратком описании памятника, сделанном в 1924 и 1928 гг.²; отмечается, что в долине Ботны близ городища обнаружены развалины зданий и следы большого озера. Высказано предположение, что крепость имела каменные стены. В насыпи одного из углов, образованном валами, найдена надгробная каменная плита с надписью: «Здесь умер Махмед Исмаил Ходжа Дуросторский цынут село Косаиды». Из описания плиты нельзя понять, является ли надпись на ней татарской или турецкой.

Было сделано предположение, что близ села Костешты находилась в древности либо молдавская крепость, выстроенная для защиты от татар, либо татарский город Ханска. Эти же сведения повторяет и П. Константи-неску-Яш³.

Небольшие разведывательные работы на городище Костешты провели Г. Д. Смирнов в 1946 и 1948 гг. и Г. Б. Федоров в 1950 г. Однако и после этих работ характер памятника остался недостаточно ясным.

Во время работ 1954 г.⁴ ставились задачи выяснить топографию памятника, его стратиграфию на различных участках, вскрыть отдельные сооружения.

Городище Костешты расположено на расстоянии около 0,5 км к северо-востоку от с. Костешты и сооружено на возвышенном (50 м высоты) плато с крутыми склонами, ограниченном с южной стороны глубокой долиной, по дну которой протекает р. Ботна; с западной — глубоким оврагом с ручьем, впадающим в речку. У подножья городища проложены дороги в сс. Зембрены и Гаурены. К юго-восточному углу крепости поднимается дорога.

Городище — трапециевидной формы. Площадь его 7,9 га. Вал городища высотой от 0,5 м до 1,2 м. Заплывший ров — глубиной до 1,6 м и шириной около 6 м. Земляные укрепления кое-где не сохранились. Вал ча-

¹ Восточная окраина его некогда была самостоятельным селом Гырля. Под именем городища Гырля памятник известен в литературе.

² Comisiunea monumentelor istorice. Sectia din Basarabia. Anuar. Chisinau, 1924, 1928, pp. 49, 141—143.

³ P. Constantinescu-Iasi. Basarabia arheologia si artistica, Chisinau, 1933, p. 32.

⁴ Работу вел один из отрядов Молдавской археологической экспедиции ИИЯЛ МФ АН СССР и ИИМК АН СССР. Начальник отряда Э. А. Рикман. Сотрудники — И. Г. Хынку и С. З. Армаш.

стично распахан. Следы крепостных ворот находятся на расстоянии 76 м от северо-западного угла крепости, то есть ворота несколько сдвинуты к северо-западному углу. Проем ворот до 12 м ширины и до 0,7 м глубины.

Углы городища слегка выдвинуты за линии стен и возвышаются над валом на высоту до 1 м. Возможно, что здесь находились некогда легкие башни.

Для исследования внутреннего устройства южного отрезка вала перпендикулярно ему был заложен раскоп IV площадью 23×1 м.

В разрезе вала и рва ясно видна структура укреплений (рис. 1). В вале под тонким слоем гумированной глины залегал слой глины с вкраплениями известняка толщиной до 0,95 м. Ниже находится линзовидный в разрезе слой насыпного чернозема толщиной до 1,1 м. Еще ниже — слой плотного чернозема толщиной до 0,7 м. Верхнюю границу последнего слоя отмечает лента погребенной почвы. В толще обоих подразделений черного культурного слоя найдены обломки красноглиняных круговых средневековых сосудов, а в рыхлом черноземе еще и фрагмент сосуда с зеленой поливой.

На южном склоне вала, в квадрате 6, на глубине 0,5 м от поверхности найдены на расстоянии 30—40 см друг от друга три сильно перегнивших обломка дубовых бревен. Наиболее сохранившийся обломок имел размеры 44×17×7 см. У западной стороны квадрата 6 была сделана контрольная прирезка площадью 1×1 м, где обнаружилась перегнившая древесина — следы продолжения бревенчатых конструкций. Дальнейшие раскопки покажут, был ли сооружен у подножья вала частокол или опорная стенка.

Ров, расчищенный от заполнявшего его чернозема интенсивно черного цвета, в разрезе представляет собой равнобедренный треугольник. Глубина его до 2,0 м и ширина сверху 6,0 м. В заполнении найдено несколько фрагментов красноглиняных круговых сосудов. Земля, заполнившая ров, судя по ее значительному количеству, попала туда не только с napольной стороны, где чернозем тонок. Повидимому, часть земли смыта в ров с вала, который был выше, чем в настоящее время. Не исключена возможность, что рядом с частоколом изнутри была сооружена земляная площадка.

Наличие под валом более древнего культурного слоя указывает на то, что костештская крепость возникла на месте средневекового селища. По периметру будущей крепости был вырыт ров, из которого чернозем и нижележащую глину насыпали на древний культурный слой в виде вала.

Четырехугольные в плане крепости, подобные костештской, судя по аналогиям, относящимся к древней Руси, Волжской Болгарии, возникли не ранее XIV в. Ближайшую аналогию городищу Костешты по плану и строительным приемам представляет крепость, расположенная у села Корлэтеи, в Румынии, в долине реки Жижии, неподалеку от города Дорохой, исследованная в 1952 г. румынскими археологами. Крепость у Корлэтеи предположительно отнесена к XIV—XVII вв.¹

Градоделцы, сооружавшие крепость близ сел Костешты и Корлэтеи, пользовались сходными строительными приемами: совпадают планы крепостей, основные размеры валов и рвов, характер ворот, оба городища имеют следы угловых башен. Идентичны наслоения в разрезе вала и рва. Но крепость у Корлэтеи значительно меньше Костештской (0,3 га). Тем не менее факт большого сходства обеих крепостей заставляет думать, что они были созданы приблизительно в одну эпоху мастерами одной фортификационной выучки.

¹ Santierul Corlateni, Studii si cercetari de istorie veche, t. IV, № 1—2, 1953, pp. 394—408.

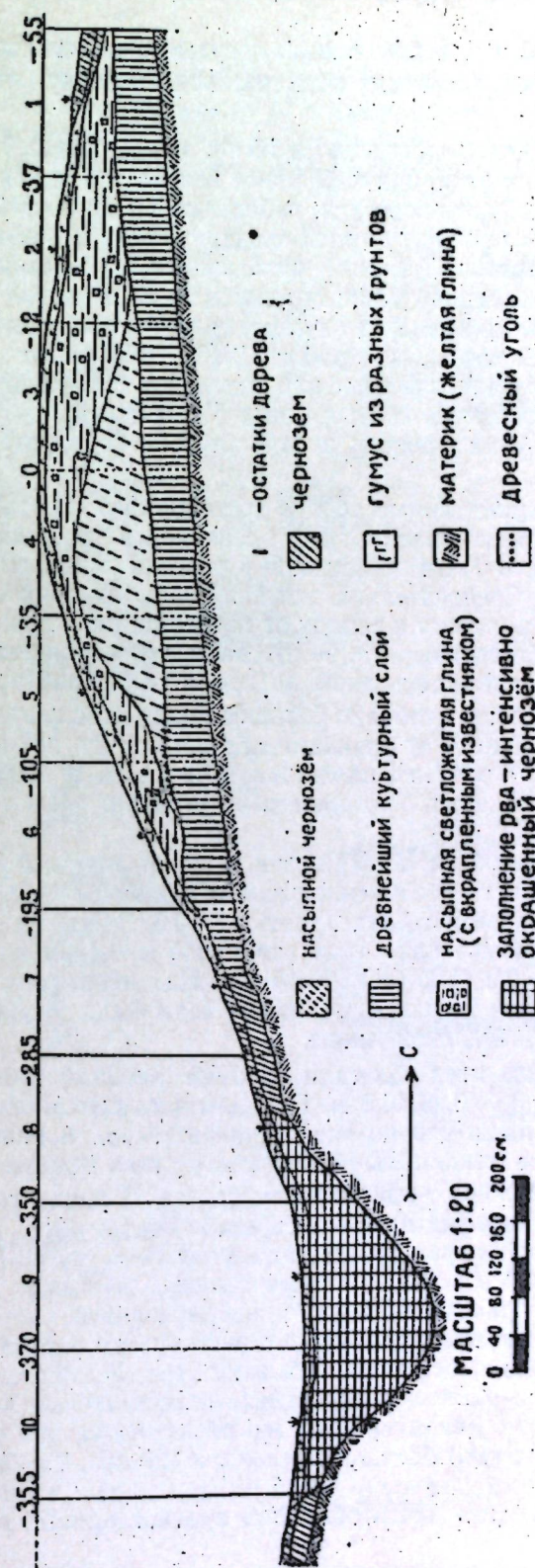

Рис. 1. Разрез вала и рва.

Фрагменты поливной и красноглиняной посуды на поверхности городища единичны даже там, где земля вспахана под посадку винограда плантационным плугом.

Разведывательный раскоп площадью в 16 кв. м, заложенный внутри городища у юго-западного угла, дал небольшое количество мелких обломков красноглиняных и поливных сосудов, небольшое число костей домашних животных, кованый четырехгранный гвоздь, глиняный обожженный шарик и каменное грузило. Толщина культурного слоя (чернозем) — 1 м. В 1950 г. в северо-западной части городища Г. Б. Федоров заложил разведывательный шурф, который дал аналогичные результаты¹. Остатков сооружений жилищ во время работ 1950—1954 гг. не найдено.

Судя по данным археологических наблюдений и разведывательных раскопок, можно предположить, что городище Костешты было слабо заселено. Те же выводы были сделаны и относительно городища у села Корлэтеи в Румынии.

Показательно, что единственные ворота костештского городища находились в северном отрезке вала, где у северной и восточной стен укрепления располагались почти незаселенные участки и подъемного материала почти не было. Следовательно, жители основных прикрепостных поселений, расположенных к югу и западу от городища на склонах холма, на дне долины и обоих берегах оврага, не пуждались в постоянных связях с крепостью, куда они скрывались лишь во время нападений врага.

На этих последних участках собрано большое количество керамики, обломков глиняных труб. К югу от крепостного холма, у его подножья, на низменном плато заложен раскоп I площадью в 32 кв. м. В нем найдены развалины наземного здания, погибшего от пожара. Площадь их $3 \times 5,5$ м.

Особенно выразительны были остатки печи. Северо-западный угол развала здания занимало пятно обожженной глины размером $1 \times 0,5 \times 0,3$ м, аналогичное пятно располагалось в квадратах 8—10. Здесь же найдено большое количество обломков плитчатых кирпичей и несколько целых размером: $0,25 \times 0,18 \times 0,04$; $0,25 \times 0,20 \times 0,45$ м. На некоторых кирпичах прилипли куски глиняного раствора. Толща печи была составлена из плитчатого кирпича и обожженной глины.

Выше и ниже остатков печи залегали обломки необработанного известняка размерами до $0,5 \times 0,25 \times 0,2$ м. Повидимому, известняковые обломки, расположенные ниже уровня печи, принадлежали к развалинам фундамента, а лежавшие выше являются остатками стен здания.

Постройка была сооружена с применением дерева. В одном горизонте с обломками кирпича и печной находились куски обугленных дубовых бревен. Выявляются остатки трех стенок прямоугольного сруба. В развалинах здания найдено много кованых четырехгранных железных гвоздей, что является признаком применения в постройке деревянных частей. Куски известки и глины с плоскими сторонами и некоторые с округлыми отпечатками жердей являются остатками обмазки стен. В постройке применялись найденные при раскопках фигурные известняковые камень и кирпич, а также железная накладка. Там же обнаружены два обломка цилиндрических глиняных труб большого диаметра (20 см). Трубы внутри сильно закопчены, что свидетельствует об их применении в отоплении. В развалинах здания найдено много обломков красноглиняных и поливных сосудов.

Наиболее интересные данные получены при раскопках той части при-

¹ Г. Б. Федоров, Отчет о полевых работах Славяно-Днестровской экспедиции за 1950 год. Рукопись, г. Москва, ИИМК, стр. 49.

крепостного поселения, которая расположена по берегам оврага, в особенности — по западному, где собрано большое количество керамики. В расположенном здесь раскопе V вскрыта землянка, находившаяся некогда на берегу оврага (рис. 2). Западная ее стенка длиной в 3 м сохранилась целиком, северная и южная — лишь частично до границы обрыва. Восточ-

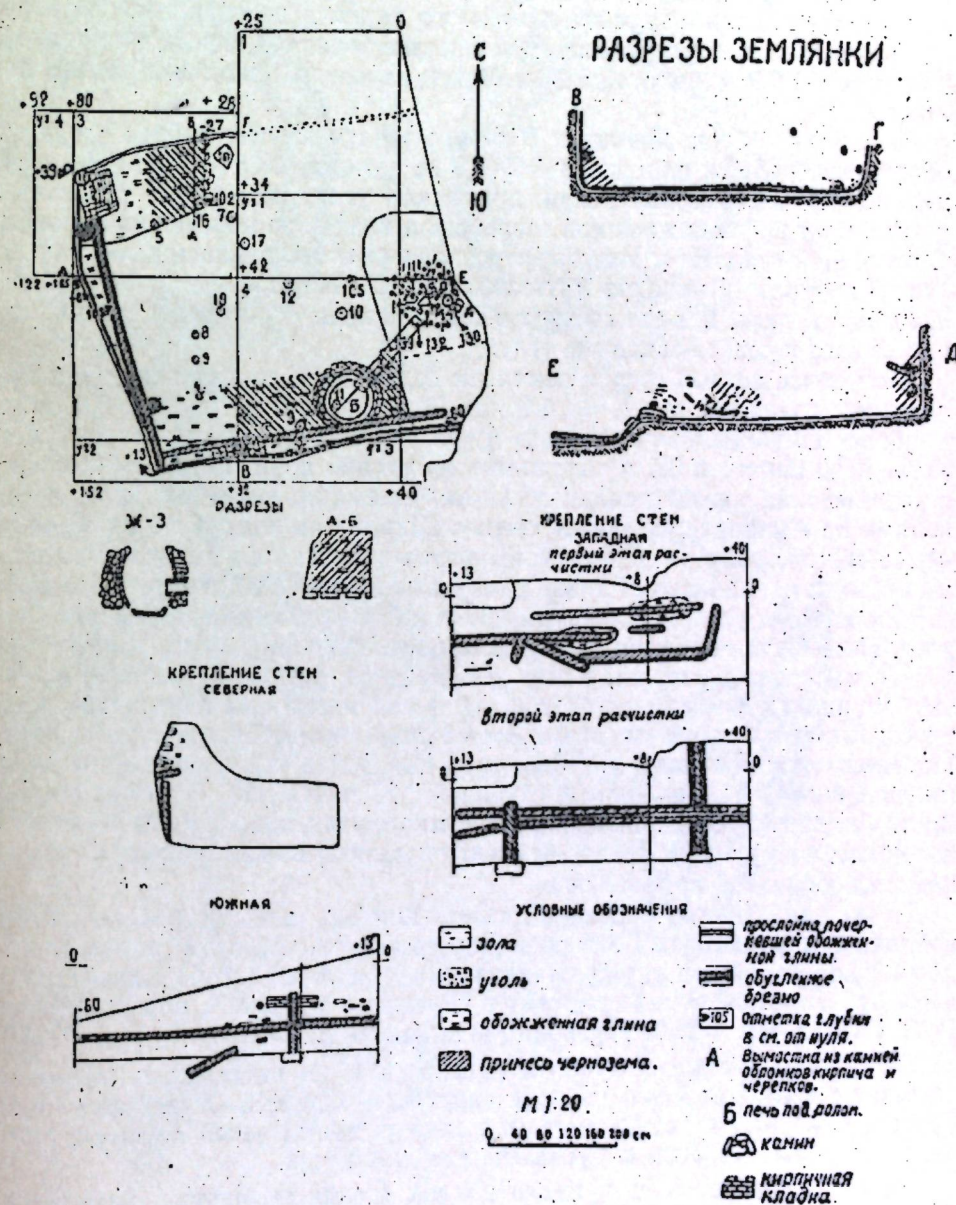

Рис. 2. Землянка № 1.

ная стенка обрушилась в овраг. Жилище в плане прямоугольной формы ориентировано длинной осью с запада на восток. Яма землянки вырыта на глубину до 1,5 м. Стенки покрыты обожженной глиной, в разрезе видны две прослойки этой обмазки толщиной в 5 см.

Крепление стен, как это особенно хорошо видно по западной стенке, состояло из горизонтальных дубовых бревен¹, уложенных вдоль стен между стояками. Последние опирались на большие плитчатые камни твердой породы, врытые в пол жилища. Толщина бревен 10—20 см, все они обуглены. На стыках горизонтальные бревна были промазаны глиной. На небольших участках южной и северной стенок сохранились следы крепящей стенку кладки из кусков плитчатого кирпича на глиняном растворе.

В юго-западном углу жилища, в обмазке западной стенки, имеется вырез шириной 0,8 м, высотой 0,25 м. Здесь, вероятно, находился вход в жилище.

В землянке было две печи. В северо-западном углу найден завал из обожженной глины площадью 1,6×0,8 м, высотой 0,75×1,5 м. Местами имелись примеси черной земли, древесного угля, золы. На отдельных участках в толще обожженной глины была кладка из плитчатого кирпича. С восточной стороны у подножья развала печи находилась вымостка из кусков плитчатого кирпича и плоских камней. На этой вымостке — скопление золы, угля. Все это говорит о том, что печь, обогревавшая жилище, находилась в северо-западном углу.

Посредине южной стенки землянки находилась другая печь. Она напоминает глиняный сосуд, но без дна. Стенки его толщиной 2,5 см, в наиболее широкой части эта печь имеет диаметр 0,7 м, высота ее 0,7 м. Устье печи шириной 0,5 м находилось на уровне пола и было оформлено в виде венчика сосуда с пальцевыми вмятинами по внешнему краю и наколами на площадке «венчика» сверху. Ширина «венчика» 8,5 см. Стенки печи покрыты изнутри пересекающимися в разных направлениях лентами врезных параллельных линий. Дном печки был обломок крупного красноглиняного сосуда, заполненный золой, для выгребания которой он и служил. Печь была обложена мелкими камнями, толщина их слоя достигала 0,15 м; с восточной стороны в печь в нижней ее трети была вставлена раструбом цилиндрическая труба, с которой соединена еще одна труба. Обе трубы изнутри закопчены. Место стыка трубы и печи промазано глиной. Противоположный конец системы труб выведен в углубление пола землянки длиной 2,55, шириной 1, глубиной 0,25 м. На дне его имеется вымостка из плитчатых кирпичей, камней; много угля, золы. Трубы поставлены наклонно к печи. У северной стены землянки найден обломок глиняной дискообразной крышки печи.

Печи, аналогичные описанной выше, широко распространены. Они найдены при раскопках Белгорода-Днестровского. Обломки стенок таких печей с характерными перекрещивающимися лентами врезных линий найдены при археологических работах в Поволжье (Сувар)², при раскопках В. А. Городцовым в 1907 г. города Маджары на р. Куме³.

Аналогичные печи с глубокой древности и до настоящего времени встречаются в Малой Азии, распространены в Средней Азии, Армении, Грузии, Северном Причерноморье⁴ и служат для выпечки лепешек, причем тесто прилеплялось к рубчатым стенкам печек.

Рядом с хлебной печью, вдоль южной стенки землянки, находился завал обожженной глины, местами перемешанной с черноземом, длиной 3,1 м, шириной 0,7 м, высотой 0,5 м. Возможно, здесь некогда находилась лежанка.

¹ Определение доктора биологических наук В. Н. Андреева.

² А. П. Смирнов, Труды ГИМ, вып. 16.

³ Коллекция ГИМ, опись 184, № 585.

⁴ Мемуары этнографического отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, вып. I, М., 1925, стр. 24.

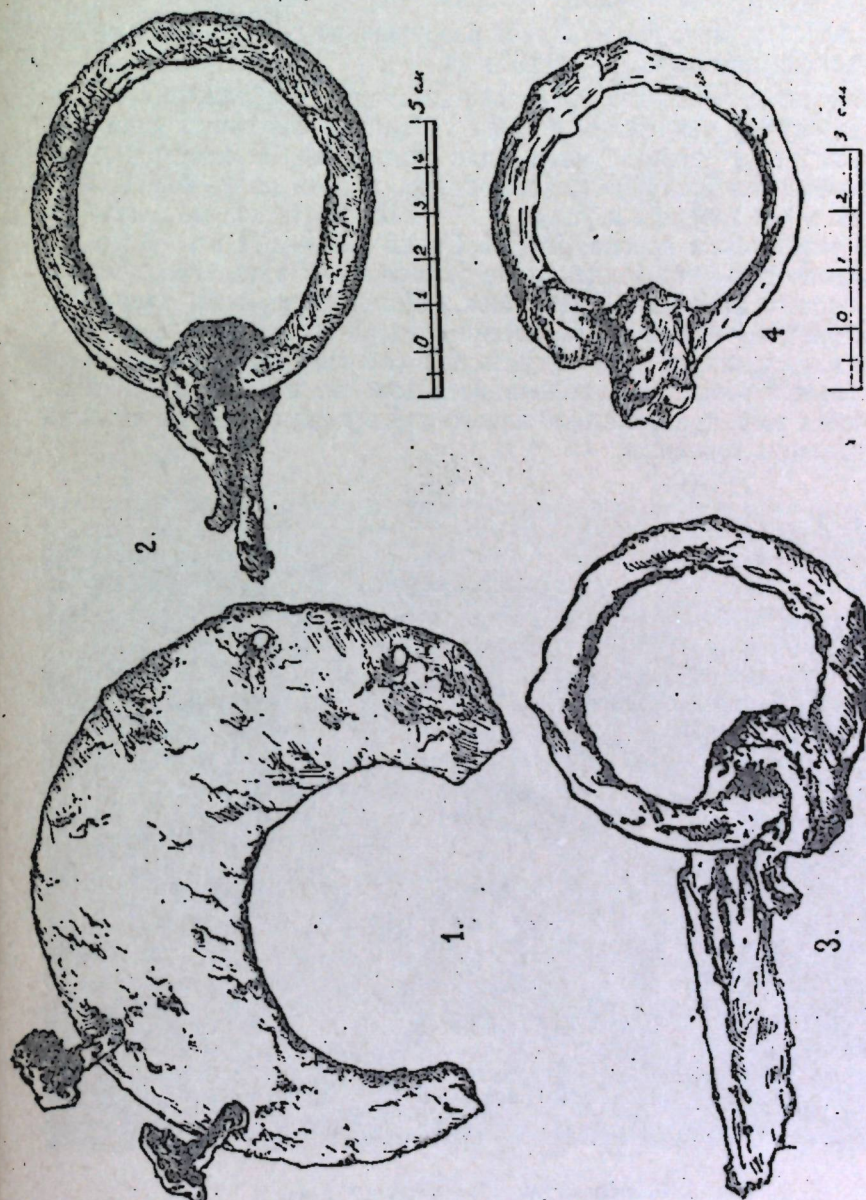

Рис. 3. Изделия из железа: 1—подкова; 2—4 — пробы с кольцами.

При расчистке жилища было найдено несколько бытовых и хозяйственных предметов (железные пробои с кольцом, резец, подкова (рис. 3) и точильный брусок из камня). Железная подкова (широкая спереди постепенно сужающаяся к краям) принадлежит к типу изделий, распространенному в Поднестровье, отмеченному при раскопках Г. Д. Смирновым в Старом Орхее и в разведках на селище южнее с. Рошканы, Бульбоцкого района («Кашковал»).

Значительный интерес представляет разрушенная при пожаре землянка, обнаруженная при раскопках городища.

Обнаружение ее позволяет высказать некоторые соображения о том, к какому народу принадлежали жители городища. Землянки являются жилищами, издревле характерными для населения Поднестровья и, наряду с наземными жилищами, применялись вплоть до начала XIX в. В землянках жили тиверцы и уличи в IX—XII вв. Несколько землянок известны в молдавском городе Старый Орхей XIV—XVI вв. В то же время надо отметить, что землянки не типичны для татарского, половецкого и прочего населения Поволжья, Причерноморских степей и Крыма в период кочевой и впоследствии оседлой жизни этих народов¹. Таким образом, землянки характерны для славянского и молдавского населения Поднестровья. Дальнейшее исследование и должно пойти по пути выяснения того, представители какого из этих двух народов входили в состав населения городища.

Рис. 4. Расположение обжигательной печи.

При этом необходимо учитывать отсутствие на городище у с. Костешты славянского археологического материала и тот факт, что граница молдавского государства во второй половине XIV в. (в период существования костештского городища) проходила по Днестру до моря².

¹ А. Н. Бернштам, Жилища Крымского предгорья. Известия ГАИМК, т. 9, в. 6—7, 1931 и Мемуары этнографического отделения, вып. I, М., 1925.

² История Молдавии, т. I, Кишинев, 1951, стр. 100.

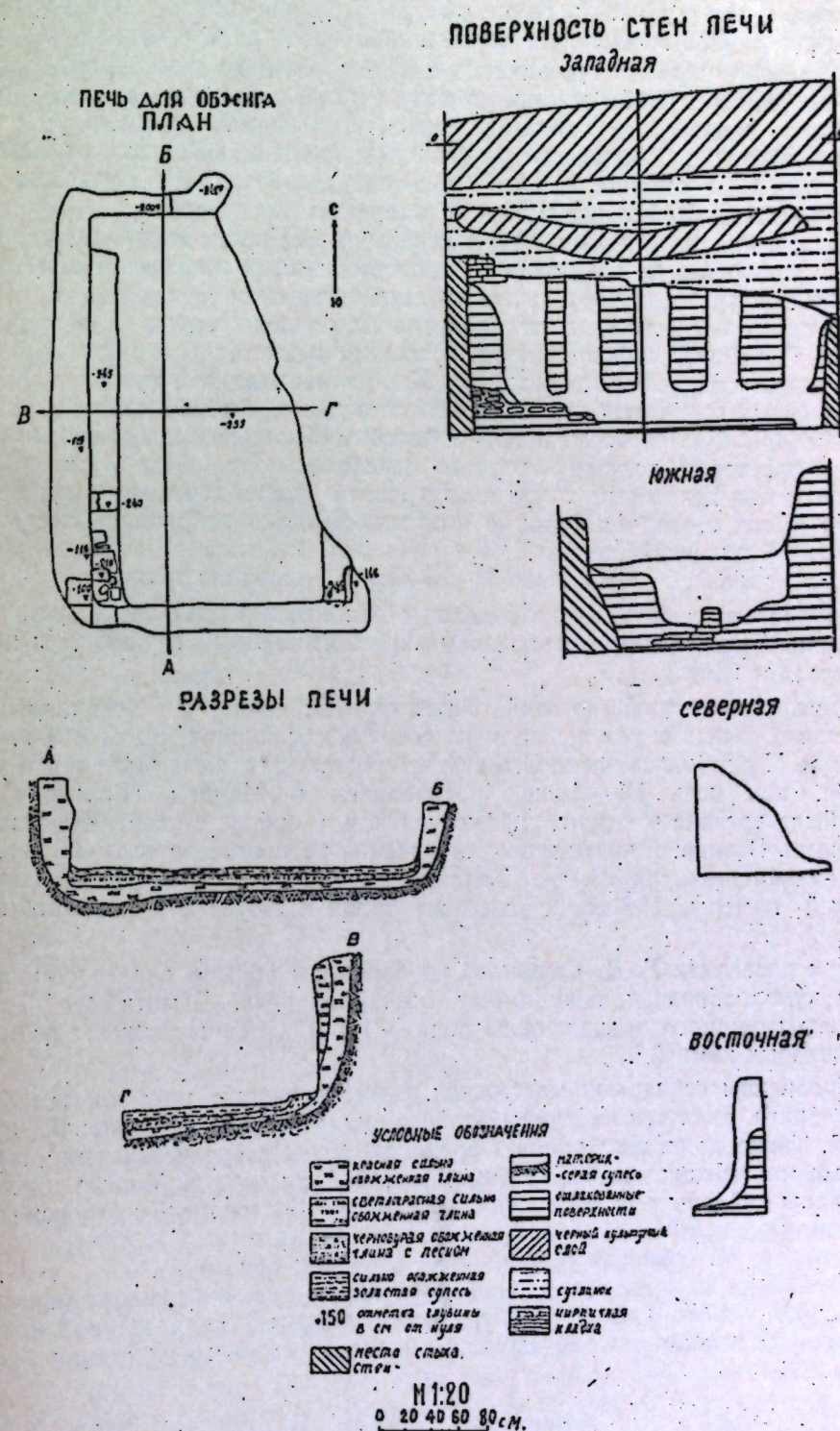

Рис. 5. Обжигательная печь (схема).

К югу от землянки в западной кромке оврага на расстоянии 50 м вскрыта врезанная в почву обжигательная печь из яркокрасной прокаленной глины (рис. 4 и 5). На глубине 1,2 м от поверхности почвы находилась прямоугольная в плане камера. Толщина стенок и пода печи доходила до 0,35 м. Целиком сохранились западная и южная стенки, две другие — частично обрушились в овраг. Свод не сохранился. С северо-восточной стороны находится полукруглый в разрезе низ устья топки. Вдоль западной и восточной стенок у их подножья имеются ступеньки пола. Они сооружены из глины и кирпича. Высота западной ступеньки 12, а ширина 20 см. В юго-западном углу остатки кладки из плитчатых кирпичей поднимаются на всю высоту сооружения.

Свод печи, повидимому, был полусферическим или коробовым, что можно заключить по заметным в некоторых местах изгибам стенок снизу вверх внутрь печи. Отдельные участки стен печи ошлакованы. Особенно интересны 4 полосы ошлакованности, расположенные на западной стенке. Подобная ошлакованность возникает в местах соприкосновения стенок печи с раскаленным воздухом. Кирпичная кладка состоит из сильно прокаленных плитчатых кирпичей красного цвета. Размер кирпичей $23 \times 33 \times 5$ (4,5 см). Некоторые покрыты ангобом. Кирпичи были связаны глиняным раствором, толщина которого колебалась от 1,5 до 3 см. Они уложены под некоторым углом к внутренней части печи, что подтверждает вывод о сводчатой форме потолка. Кладка находилась местами в западной и южной стенках. Под печи под действием сильного огня обожжен добела. У устья печи на полу зола — признак топки.

Трудно определить, какие изделия обжигались в этой печи. Судя по найденным нескольким фрагментам красноглиняных горшков, в ней обжигали и посуду.

Внутреннее устройство этой обжигательной печи не установлено. Крестьяне соседних сел выбрали из сооружения кирпич, разрушив печь изнутри. Можно лишь предположить, что костештская печь была устроена также, как печь IX—X вв., раскопанная в Мадара (Болгария)¹. Она была врезана в грунт, прямоугольная в плане, с вертикальными стенками. В нижней части этого сооружения расположена топка, в верхней — обжигательная камера. Топливо сжигалось в передней части нижней камеры. Признаки такой же топки имеются и у костештской печи.

При разведках Г. Д. Смирнова на западном обрыве оврага обнаружена куполообразная, повидимому, гончарная печь. Высота ее 1,5 м, диаметр глиняного прокаленного пода — 1,3 м. Стенки сложены из известняковых камней².

Признаком гончарных мастерских, существовавших на западном берегу оврага, является найденный треножник, забрызганный зеленой поливой. Такие подставки широко распространены в средневековых гончарных мастерских древней Руси, Средней Азии и т. д. Многие их экземпляры найдены при раскопках Херсонеса, Белгорода-Днестровского, Старого Орхоя XIV—XVI вв. На этих подставках покоилась глазурованная посуда, загруженная в гончарный горн при обжиге.

На западном склоне городищенского холма имеются выходы черного культурного слоя. В этом районе найдены обломки средневековой красноглиняной и поливной керамики. Площадь древнего поселения под

¹ А. Л. Якобсон, Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.), МИА СССР, стр. 161, № 17, 1950.

² Г. Д. Смирнов, Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 г. Ученые записки ИИЯЛ МФ АН СССР, т. II, Кишинев, 1949, стр. 197.

западным валом достигала приблизительно 100×150 м. В толще культурного слоя, виднеющегося в обрыве восточного берега оврага, имеется трапециевидная в разрезе яма, заполненная керамикой и напоминающая землянку.

Почва склона сырая, здесь имеются несколько источников и мелкие водоемы. Не исключена возможность, что некоторые трубы, обломки которых найдены на западном склоне, принадлежали к водоотводной системе. В обрыве ниже стрелки крепостного мыса в материковом суглинке на глубине 2 м залегает линия керамических труб, несколько наклонная в сторону мыса. Раструб их обращен в сторону склона. Водопроводное назначение труб более чем сомнительно, судя по их расположению на местности: вверх по склону подавать воду невозможно, вниз к ручью — нет необходимости. Наиболее вероятно водоотводное назначение труб. В пользу этой мысли свидетельствует и тот факт, что на стыках труб нет следов известковой обмазки.

На западном склоне городища, ниже его плато метров на 25, на расстоянии 100 м от стрелки мыса, в обрыве, в трех местах обнаружено скопление человеческих костей. В двух скоплениях кости были в беспорядочном состоянии. Здесь находилось кладбище. Одно из погребений расчищено.

Погребение № 1. Яма неправильной-прямоугольной формы, длиной 2,4 м, шириной 0,7 м, глубина не ясна, углы округлены (рис. 6). Ориентировка по направлению с севера на юг. Заполнение ямы состояло из перемешанной черноземно-супесчаной почвы. Костяк мужчины был вытянут на спине, лицом к югу, руки вытянуты вдоль туловища. Длина скелета 1,85 м. Вокруг скелета, как бы намечая контуры гроба, найдены кованные гвозди и древесный тлен. Пока установить, к какому народу принадлежал погребенный, не удалось.

В 1954 году работы велись не только в районе расположения крепости, но и в некотором отдалении от нее для обследования соседних селищ. Выяснилось, что крепость находилась в окружении ряда поселений. Так, на расстоянии 300—400 м к западу от крепости на стенке сносной ямы колхоза «Память И. В. Сталина» в черном культурном слое был виден разрез ямы трапециевидной формы, напоминающий землянку. Яма заполнена интенсивно окрашенным черным культурным слоем. В нем много костей животных, керамики. Среди нее поливная, красноглиняная керамика. Интересен грубый серого цвета венчик горшка с орнаментом в виде двух лент, составленных из волнистых линий.

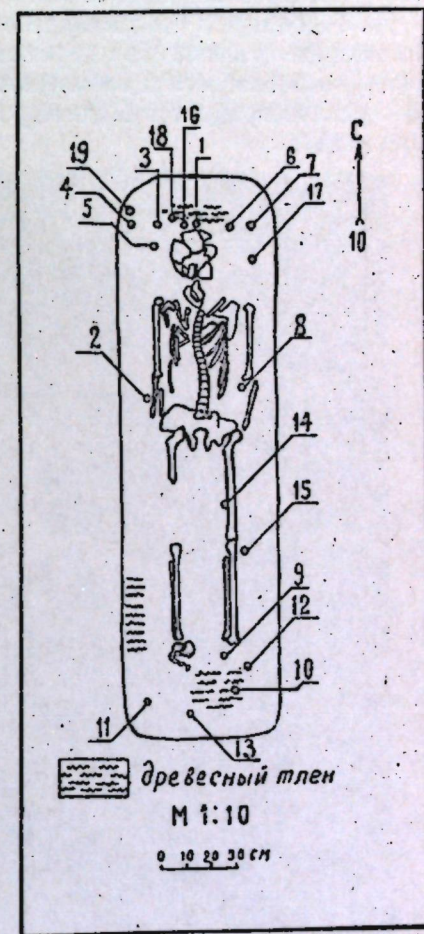

Рис. 6. Погребение № 1:
1—13, 15—19—железные гвозди; 14—костыль.

На расстоянии 0,5 км к юго-западу от крепости на восточной окраине с. Костешты, в усадьбе колхозника А. Морарь при рытье ямы найдена линия глиняных труб, вставленных друг в друга, ориентированная с севера на юг. Общая длина системы 1,75 м. Верх труб на глубине 0,80 м, наклон к северу. На стыках трубы скреплены известью, внутри заполнены землей. Скрепление известью обеспечивало водонепроницаемость. Эта система труб небольшого диаметра (7 см), повидимому, являлась водопроводной.

На городище и всех прикрепостных поселениях керамика однотипна. По технике производства керамика составляет компактную однородную группу, относящуюся к небольшому отрезку времени. Эта керамика широко распространена в Поднестровье, встречается на многих селищах и городищах.

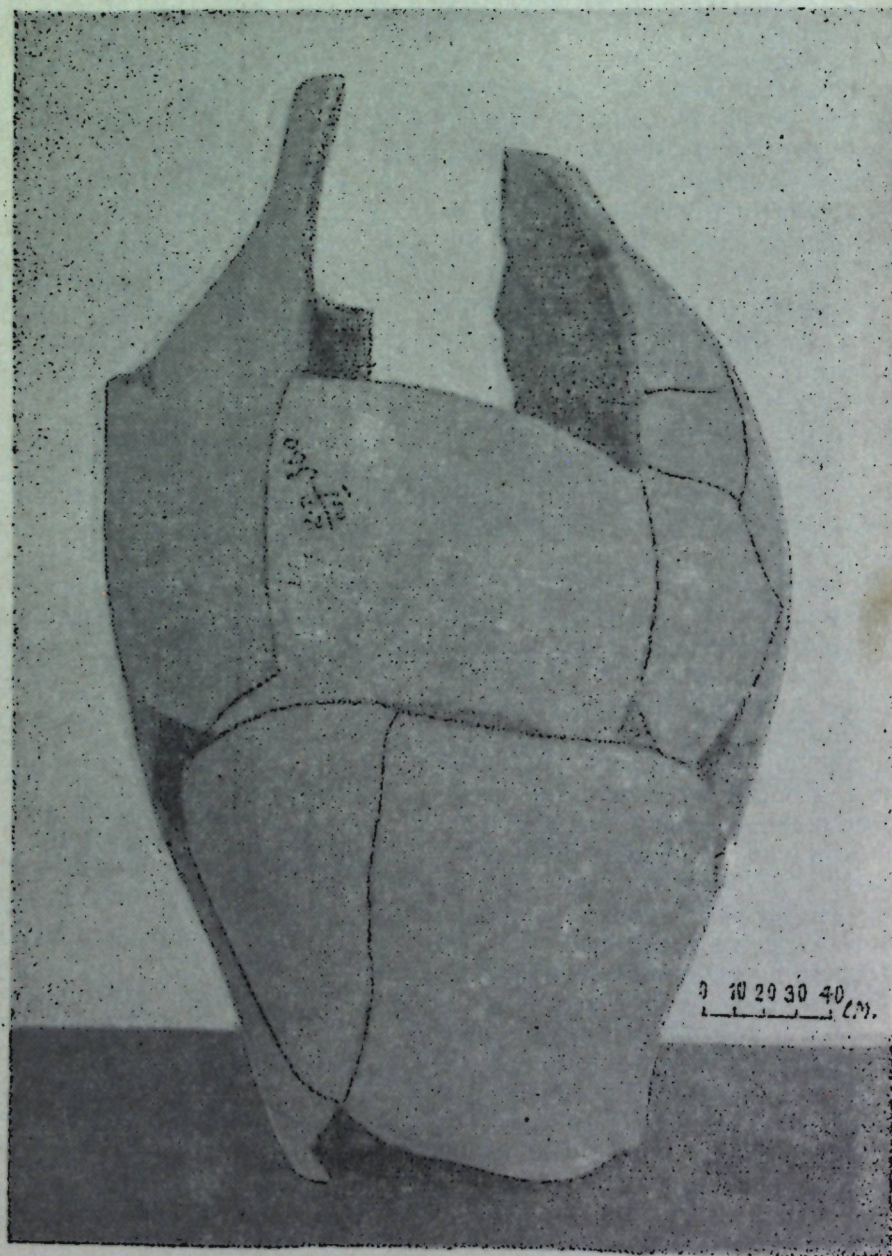

Рис. 7. Глиняный кувшин.

Абсолютно преобладает в количественном отношении красноглиняная посуда, изготовленная на тяжелом быстровращающемся гончарном круге, признаком работы на котором служат четкая профилировка изделий и наличие на их поверхности резких concentрических окружностей. Повидимому, применялись ручной и ножной круг. Признаком работы на последнем служат найденные днища со следами срезывания их ниткой. Одни сосуды вытягивались, другие первоначально выкладывались из спиральной глиняной ленты. В последнем случае на стенках изнутри видны следы спирального заглаженного валика. Глина, как правило, хорошо отмучена, иногда с примесью мелкоотделенного известняка. Такую же примесь применяли гончары Старого Орхеля. Обжиг сильный и равномерный. Большинство сосудов покрыто ангобом белого, розового, желтого, кремового цветов.

Отмечено несколько форм столовой и кухонной посуды, среди которой (рис. 7) высокие кувшины с ручками (высота 35 см, диаметр в плечах — 20 см, диаметр дна — 10 см). Наиболее часто встречаются невысокие горшки с небольшой ручкой, соединяющей край венчика и плечи, на которых нанесен орнамент: рифление, отпечатки гребенки, расположенные косо, в ряд и в виде «елочки». Найдены обломки мисок с вертикальной стенкой и плоскосрезанным венчиком, кувшинов с носиками. Встречаются обломки чаш реберчатобочных с вертикальным бортом на кольцевых днищах, обычно ангобированные. Встречены несколько фрагментов дисковидных крышек сосудов, сверху рифленых, покрытых орнаментом волнистым, желобчатым, в виде овальных вдавлений.

Чаши чаще всего встречены с одноцветной поливой зеленого, желтого, коричневого или синего цвета. Иногда полива перечисленных цветов встречена в различных сочетаниях. Поливой также украшали тарелки на кольцевых днищах (рис. 8). Красноглиняные сосуды покрыты ангобом, затем нарезным геометрическим и растительным орнаментом. Мастера подбирали краски полихромных сосудов с большим вкусом. Найдено несколько венчиков красноглиняных поливных горшков, формой целиком повторяющих некоторые неполивные сосуды. Техника нанесения поливы, судя по описанию А. Л. Яковсона, такая же, как у керамики средневекового Херсонеса.

Изготовление поливной и неполивной посуды было сосуществующими отраслями керамического производства. Об этом свидетельствует сходство форм поливных и неполивных сосудов. Кроме того, на костештском поселении найден керамический брак — обломок чаши на кольцевой ножке. Сосуд был покрыт изнутри темнозеленой поливой. В центре дна нарезной орнамент: окружность, пересеченная четырьмя парами параллельных линий, между которыми вписаны мидалевидные фигуры. Стенки и днище под действием огня сильно деформированы, пузырятся.

Среди керамических костештских изделий особняком стоят несколько обломков венчиков «мореных» сосудов серого цвета с желобчатым орнаментом. Такие горшки обычно встречаются на памятниках XV—XVII вв.

В керамическом материале Костешт встречены также глиняные трубы, кирпичи, архитектурные детали. Трубы сделаны из красной глины с примесью мелкоотделенного известняка, на гончарном круге формовкой из спиральной ленты. Все они цилиндрические с раструбом, с одной стороны, и соединительной муфтой — с другой (рис. 9). Кирпичи все плитчатые, иногда ангобированные, нестандартные. Обращает на себя внимание кирпич, покрытый с торцевой стороны синей поливой, четыре

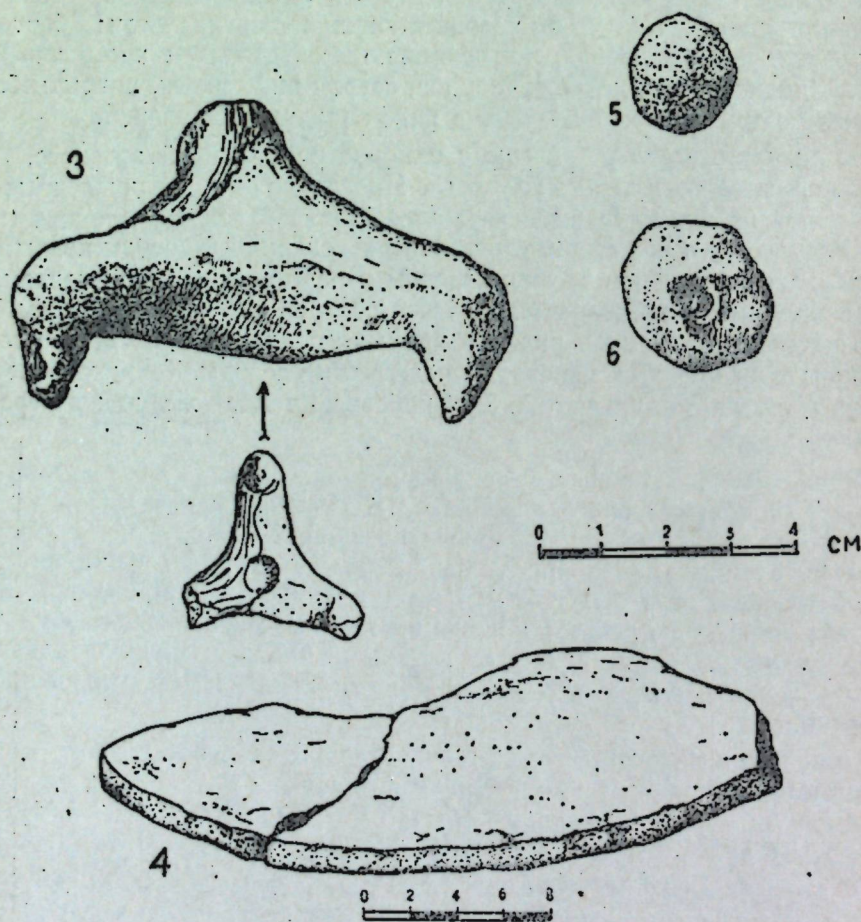
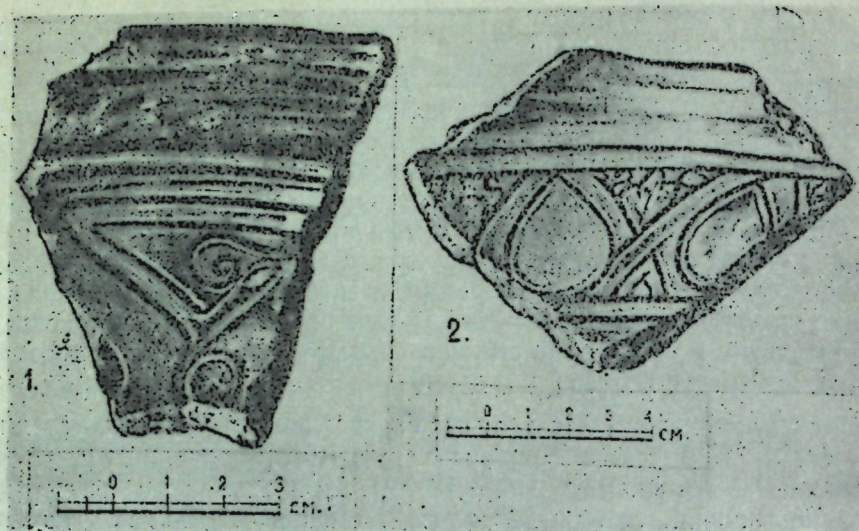

Рис. 8. Изделия из глины и камня:

1, 2—обломки поливных тарелки и чашки; 3—треножник; 4—крышка куполообразной печи; 5—глиняный шарик; 6—каменное грузило.

угла кирпича срезаны наискось. Найдена архитектурная деталь из глины, в виде усеченного конуса (рис. 10).

Полностью отсутствуют изразцы. Это свидетельствует о том, что городище существовало до начала их изготовления в Поднестровье. Изразцы найдены при раскопках средневековых молдавских городов: Старого Орхей, Лапушны и Сучавы.

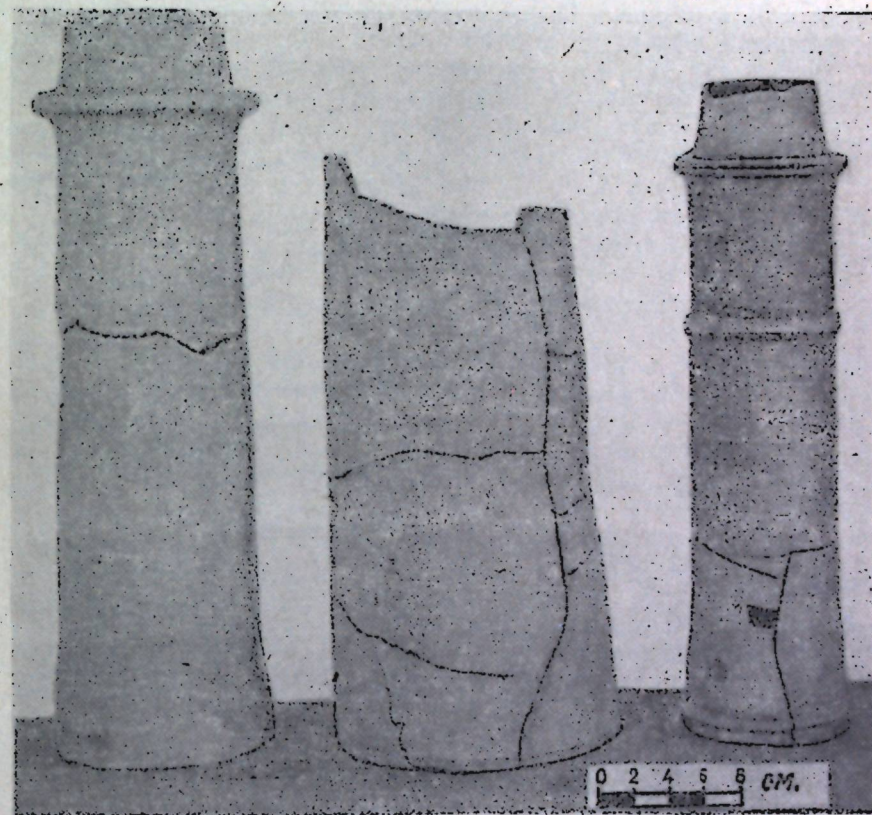

Рис. 9. Глиняные трубы.

О датировке крепости Костешты можно также судить по медным монетам и керамике. При сборе подъемного материала на поверхности культурного слоя в центральной и южной частях городища (во время работ Г. Б. Федорова, Г. Д. Смирнова и Э. А. Рикмана) найдено 6 монет. Определение монет произведено научным сотрудником ГИМ С. А. Яниной. Все шесть монет чеканены в Золотой орде, в том числе четыре в Новом Сарае. Монеты относятся к небольшому хронологическому периоду — началу второй половины XIV в., две монеты — к 1352—1353 гг. Найденные на костештском городище медные монеты (не употреблявшиеся в международном обращении), говорят не только об экономической, но и политической зависимости его населения, в известный период, от Золотой орды.

Керамический и монетный материал служит свидетельством того, что памятник существовал в XIV в., в пору, близкую к рубежу его первой и второй половины.

Весьма важно решить вопрос о том, кто были жителями костештского городища и соседних поселений, кто выстроил крепость. Для исчерпывающего ответа на этот вопрос данных пока недостаточно. В настоящее время можно лишь высказать некоторые предварительные соображения.

Поливная и аналогичная ей красноглиняная посуда из раскопок костештского городища пока не может служить источником этнических определений, хотя она широко распространена на территории древних городов и сел Поднепровья. Такая керамика найдена при раскопках Белгорода-Днестровского, Старого Орхей, Лапушна, Сучавы¹ и при разведках на многочисленных селищах (у сел Олонешты, Верхние Жоры, Лукашевка и др.).

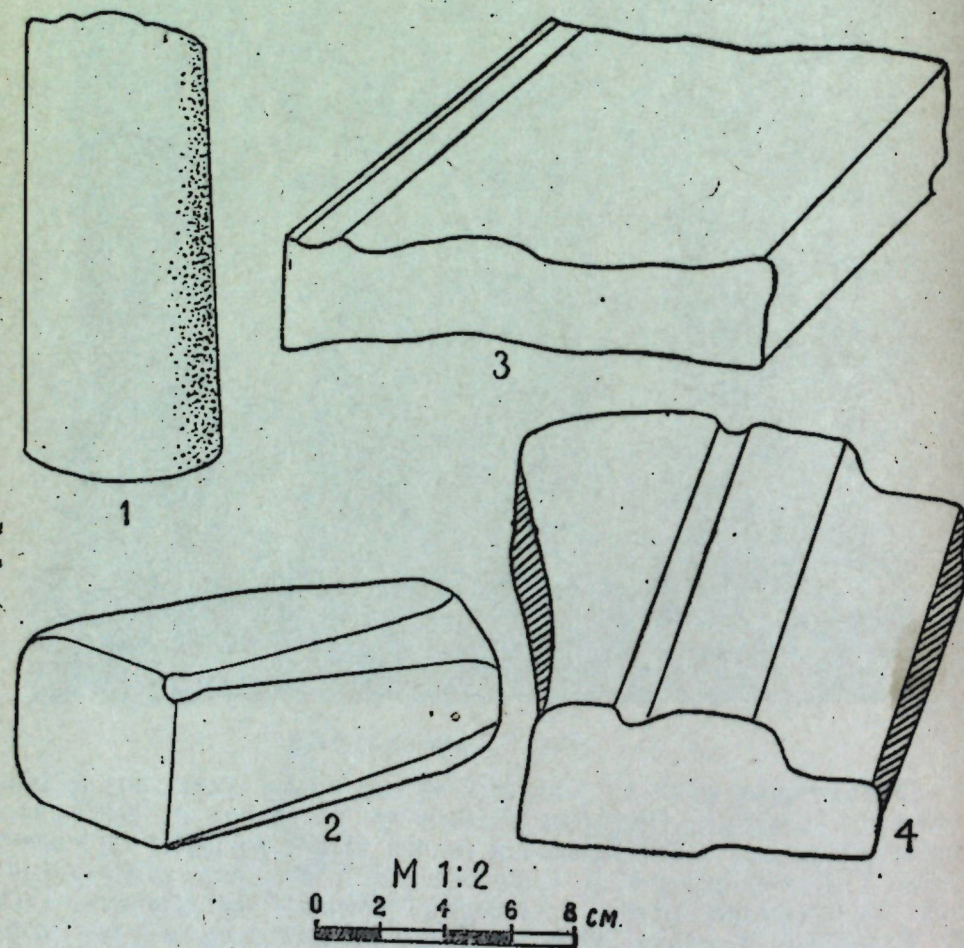

Рис. 10. Изделия из глины и камня:

1 — усеченноконическая деталь; 2—3—фигурные кирпичи; 4—фигурный камень.

Поливные тарелки, глубокие чаши, близкие по форме к средневековым, до настоящего времени изготавливаются керамистами Молдавии². Следует предположить, что происхождение этого молдавского народного производства восходит к средневековью.

Надо отметить, однако, что посуда средневековых городищ и селищ Днестровско-Прутского междуречья не может быть названа специфически молдавской. В период средневековья аналогичная по формам и технике производства керамика имела широкое распространение. Она из-

¹ Santierul Suceava, Studii si cercetari de istorie veche, t. IV, № 1—2, 1953, p. 350.

² B. Slatineanu, Ceramica româneasca. Bucuresti, pp. 173—175.

вестна в древних городах Средней Азии, Поволжья, Северном Причерноморье, Грузии и Армении¹. При дальнейшем изучении этой посуды, в общих чертах сходной на больших территориях, возможно удастся наметить ее локальный поднепровский вариант.

Подобно керамике, водопроводные сооружения из глиняных труб распространены в Поднепровье и Попрутье (Костешты, Старый Орхей, Белгород, Сучава² и т. д.). Такие сооружения известны и в Поволжье (Болгары, Сарай Берке), Средней Азии (Афросиаб, Мерв), на Кавказе (Ани, Даманиси). Они «чрезвычайно типичны для любого восточного города в феодальную эпоху»³. То же самое следует сказать о плитчатых, частично поливных кирпичах, распространенных не только в Молдавии, но и вплоть до Средней Азии.

В составе костей домашних животных, собранных при раскопках костештского городища и определенных доктором биологических наук В. И. Цалкиным, имеются некоторые характерные особенности. Найдены кости крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и ни одной кости свиньи.

Костештское поселение не упомянуто в XIV—XV вв. письменными источниками видимо потому, что просуществовало недолго. Село Костешты упомянуто впервые в XVI в. М. В. Сергиевский считал, что названия сел Костешты и Гырля — славянского происхождения⁴. В слабо заселенной большой по площади крепости в период военных действий могло укрыться довольно много жителей не только прикрепостного посада, но и соседних сел. Такие крепости характерны, прежде всего, для районов, заселенных земледельцами. Вероятность того, что строителями крепости были славяне и, тем более, татаро-монголы, невелика. При дальнейшем исследовании надо выяснить, не связано ли возникновение костештской крепости с деятельностью молдавского государства в XIV в., распространявшего свою власть на поднепровские земли.

¹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, табл. 2, Материалы ГИМ (раскопки В. А. Городцова, И. А. Джавахишвили и Л. М. Мусхелешвили).

² Santierul Suceava. Studii si cercetari de istorie veche, t. IV, № 1—2, 1953, p. 350.

³ А. Ю. Якубовский, Столица Золотой Орды—Сарай Берке, Л., 1932, стр. 33.

⁴ М. В. Сергиевский, Топонимия Бессарабии и процесс заселения территории, Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, т. V, вып. 4, стр. 345.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй луй Е. А. Рикман «Лукрэриле археоложиче ын курсул анулуй 1954 ын хородиштя де лынгэ сатул Костешть».

Ын артикол се дескриу локуинциле, куптьоареле де арс, конструкцииле валулуй ши шанцулуй, керамика, объектеле де лут, фер ши пятрэ, гэсите пе териториул хородиштей ши ал локалитэцилор дин апропиере.

Ауторул сокоате, кэ хородиштя авя пуцынь локунторь ши а луат наштере пелокул, унде фосесе ын трекуто локалитате неынтеритэ. Хородиштя аста самэнэ май мулт ку хородиштя де лынгэ сатул Корлэтенъ (Ромыния). Монументул а фиинцат ын курсул вакулуй XIV релатив пуцынэ време, Ауторул ышь экспримэ пресупунеря, кумкэ четатя а фост зыдитэ ын легэтурэ ку активитатя де ынсушире а пэмынтурилор де лынгэ Нистру, дисфэшуратэ де Статул Молдовенеск.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Г. П. СЕРГЕЕВ

НЕФРИТОВЫЙ ТОПОР ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ С. БЕРЕЗКА

В 1947 г. Республиканский музей краеведения МССР приобрел археологическую коллекцию, среди различных предметов которой находился нефритовый топор.

По словам коллекционера, топор вместе с глиняным сосудом и наконечником копья найден на окраине с. Березки, Бульбокского района, в кургане, раскопанном в 1914 г. при строительстве шоссе от Бендеры—Кишинев.

Сосуд и наконечник копья не сохранились. Село Березка расположено в плавневой части долины реки Бык, изобилующей в этом месте большими курганами. Некоторые из них стоят одиночно, имеют оплывшую земляную насыпь и, повидимому, относятся к эпохе бронзы, что подтверждается и отдельными находками этого времени.

Топор сделан из нефрита темнозеленого цвета (твердость нефрита — 5,5) с отдельными вкраплениями магнетита, отливающимися на хорошо отполированной поверхности камня, металлическим блеском. Длина топора — 15,5 см, наибольшая толщина (возле проуха) — 5,1 см, диаметр слегка овальной полусферической головки обуха — 4,3 см, расстояние от верхнего края отверстия до обуха — 6,1 см, от нижнего края до лезвия —

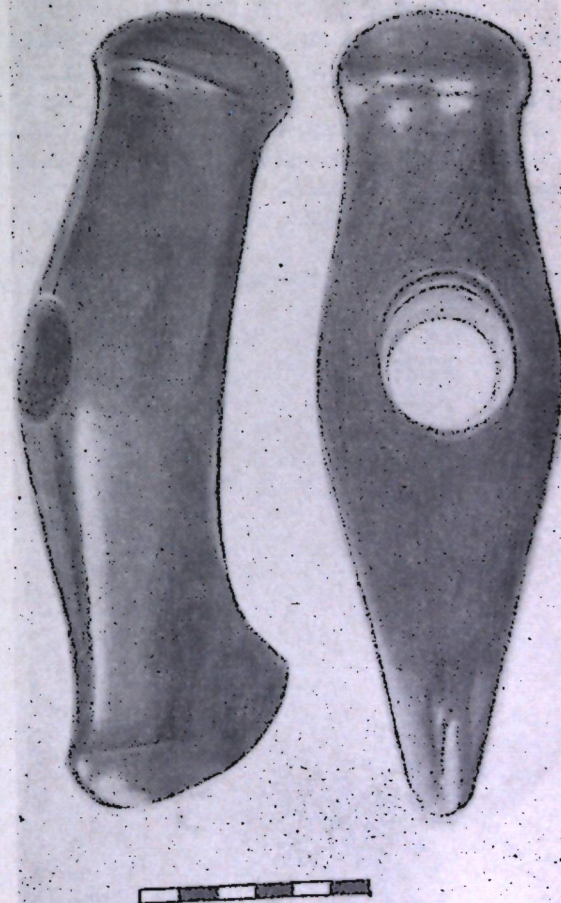

Рис. 1. Нефритовый топор, найденный у с. Березки.

8 см, диаметр конического проуха—2,2 см. с внутренней стороны (со стороны рукоятки)—2,6 см.

Конус сверлины обработан гладко, но с мелкими точками и царапинами. Расклинить рукоять внутри сверлины, не рискуя расколоть топор в проухе, было невозможно.

Край проуха с наружной стороны сточен, что заметно по характерным штрихам. С внутренней стороны сверлина имеет кольцевые уступы вследствие того, что полое сверло (вероятно трубчатая кость) при работе некоторое время скользило по гладкой поверхности нефрита, пока не погрузилось в бороздку на значительную глубину.

Несмотря на тщательность сверления, расчет центра оказался не совсем точен. Эта несимметричность заметна и на глаз, а при измерении дает разницу толщины щечек проуха на 3 мм.

Лезвие топора тупое, с закругленными носками, один из которых оттянут вверх, к рукояти; обух пестообразной формы с выступающей полусферической шляпкой.

Из-за непрочности материала этот топор практического значения, как ударного, боевого или рубящего орудия, иметь не мог, и, вероятнее всего, служил парадным оружием.

Ближайшей аналогией описываемого нефритового топора являются два топора из Бессарабского (Бородинского) клада, найденного в 1912 г. в пределах бывшего Аккерманского уезда, Бессарабской губернии¹.

Бородинский клад датируется XIV—XII столетиями до нашей эры. К этому же времени относится и описываемый нефритовый топор.

Пока невозможно указать местонахождение нефрита, из которого древним мастером был сделан этот уникальный предмет. Предположительно, имея в виду минералогические особенности, этот топор сделан из уральского нефрита, что свидетельствует о дальних связях, в эпоху бронзы, племен, обитавших в северо-западном Причерноморье во II тысячелетии до нашей эры.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй луй Г. П. Сергеев «Топорул нефритик дин ымпрежуримиле сатулуй Березка»

Топорул дин нефрит верде-ынкис, каре се пэстрызэ ын Музеул републикан де черчетаре а цынутулуй натал дин РСС Молдовеняскэ, а фост гэсит ын анул 1914 ынтр'ун курган, ситуат ла маржина сатулуй Березка, районул Булбоака.

Лунжимя топорулуй ый де 15,5 см, гросимя лынгэ уреке ый де 5,1 см, лэргимя тэншулуй семиовал ый де 5,3 см. Пэреций гэурий ын формэ де кон сынт нетезь, чел май маре диаметру ый де 2,6 см.

Жудеке дупэ партикуларитэциле топорулуй (материалул, дин каре-й фэкут, форма луй), се поате спуне, кэ ел, песэме, а служит дрепт армэ де парадэ.

Ку топорул нефритик, гэсит ын районул Булбоака, се асамэнэ чел май мулт топоареле (май ку самэ доуэ динтр'ынселе) дин комоара дела Бородино, гэситэ ын фостул жудец Аккерман, губерния Басарабия, каре агарцыне вакурилор XIV—XII пэнла ера ноастрэ. Деспре комоара яста с'а едитат о лукраре а луй О. А. Кривцова-Гракова — «Комоара басарабиянэ», ед. Музеулуй историк де Стат, 1949, паж. 15—16, тэбл. III, дес. 1, 2).

¹ О. А. Кривцова-Гракова, «Бессарабский клад», ГИМ, 1949, табл. III рис. 1, 2, стр. 15—16.

Г. Д. СМЕРНОВ

САХАРНЯНСКИЙ МОГИЛЬНИК II

(Гура Гульбока)

Сахарнянский могильник II расположен в трех километрах от южной окраины с. Сахарны, Резинского района, на месте, носящем молдавское название «Гура Гульбока» (устье ручья).

В 1946 г. во время разведки здесь было открыто селище скифского времени площадью до 8—10 га и укрепление площадью 1420 кв. м., вплотную примыкающее к селищу. Подъемный керамический материал на памятнике такой же, как на городище и селище «Большая Сахарна». В 300 м на северо-запад от укрепления скифского времени «Гура Гульбока» были замечены небольшие насыпи могильника, возвышавшиеся на 10—30 см над поверхностью поля.

Плато, на котором расположен могильник, на востоке граничит с коренным берегом Днестра, на юге — с оврагом «Гура Гульбока». Могильник занимает площадь около 2 га. Всего на этом плато было насчитано 30 хорошо заметных насыпей, располагавшихся группами от 3 до 6 могил. Значительная часть насыпей разрушена. Каменные покровы могил разобраны. При расспросах крестьян с. Сахарны выяснено, что около 40 лет тому назад каменных насыпей было гораздо больше. В некоторых насыпях крестьяне находили человеческие кости, целые глиняные сосуды и медные вещи: пуговицы, браслеты из проволоки и какие-то спирали.

Для раскопок из шести могил были выбраны две небольшие насыпи, через дерновый покров которых местами выступали камни.

Погребение № 1 расположено в 300 м на юго-запад от укрепления «Гура Гульбока». На месте насыпи могилы был разбит раскоп площадью 5 × 5 м с ориентировкой с севера на юг. После снятия дернового покрова на поверхности раскопа была обнаружена обкладка всей могильной насыпи известняковыми камнями, образующими почти правильную окружность диаметром 4 м.

При разборке каменного покрова могилы обнаружено, что в центре его значительное число камней выбрано, в результате чего в плане ясно обрисовалось углубление овальной формы. Ниже трех слоев камней обкладки могилы найден фрагмент венчика миски со штампованным орнаментом в виде оттисков веревочки и несколько человеческих ребер, торчащих среди мелких камней почти в центре могилы.

После окончательной расчистки всей площади могилы на уровне современной поверхности почвы выступили крупные камни, которые образовывали круг диаметром 4 м (рис. 1). Камни были уложены по периметру могильной ямы с наклоном во внешнюю сторону. При дальнейшей расчистке от крупных и мелких камней площади внутри кромлеха открылась могильная яма.

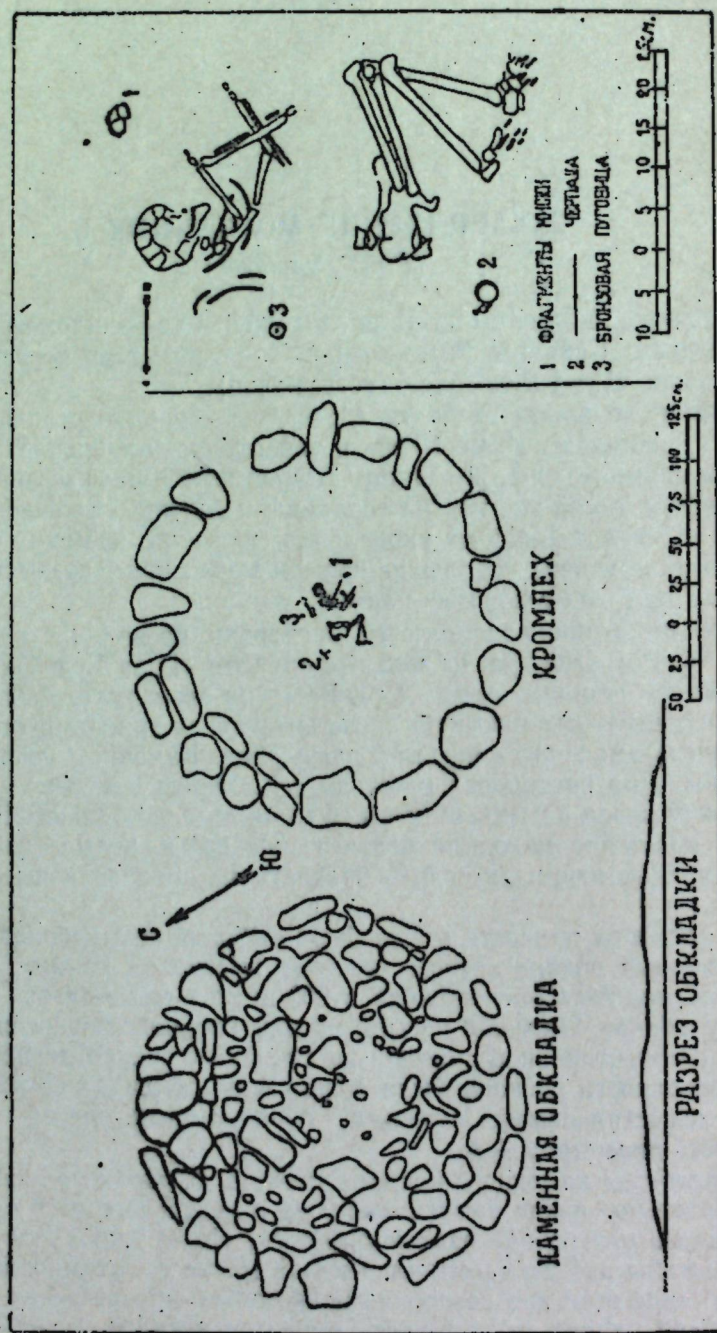

Рис. 1. Погребение № 1 могильника II Гура Гульбока у с. Сахарна.

Она была чашеобразной формы и занимала всю площадь под каменной обкладкой. Глубина ямы до 40 см. На глубине 0,20 м от уровня современной поверхности почвы находились сильно раздавленный череп и другие части скелета человека. Мужской скелет, ориентированный головой на восток, на левом боку, руки несколько вытянуты вперед и слегка раскинуты. Ноги согнуты в коленях и поджаты. Позвоночник и почти все ребра отсутствовали. В ногах найдены фрагменты черпака с резным геометрическим орнаментом, а справа от черепа — несколько фрагментов миски со штампованным орнаментом. В 30 см от спинных позвонков найдена полусферическая литая бронзовая пуговица, диаметром 26 мм.

Отсутствие ряда костей, некоторое смещение костей рук и фрагментов миски, а также небольшая яма в центре могилы, замеченная в начале расчистки каменной обкладки, свидетельствуют о кладоискательских раскопах, в результате которых могила была сильно повреждена.

Погребение № 2. В 12 м к северо-северо-востоку от могилы № 1 был заложен раскоп площадью 4 × 4 м. Над поверхностью земли через дерновый покров местами выступали небольшие камни. Заметного возвышения насыпи могила не имела.

Под дерном была каменная обкладка неправильных очертаний. Раскоп был увеличен еще на 1 кв. м на юго-восток, но признаков продолжения обкладки не обнаружено.

При разборке каменного покрова под первым слоем камней в северо-восточной части раскопа (в могильной яме, аналогичной той, которая вскрыта в погребении № 1) были найдены отдельные кости человеческого черепа, ребра, позвонки и ключицы.

Дальнейшая расчистка погребения результатов не дала. После удаления камней с площади раскопа и углубления в грунт до 0,5 м оказался материковый песок. Могила № 2 также была разрушена кладоискателями, которые выбросили кости погребенного человека и снова их засыпали в могилу.

Раскопки погребений №№ 1 и 2 полностью подтверждают, что Сахарнянский могильник II («Гура Гульбока») относится, как и Сахарнянский могильник I (Цыглэу), к VII веку до нашей эры. Обряд погребения, устройство могил, фрагменты черпака, миски со штампованным орнаментом и бронзовая пуговица на обоих памятниках совершенно одинаковы.

Дальнейшие исследования Сахарнянского могильника II («Гура Гульбока»), особенно с одновременным исследованием Сахарнянского селища, представляет значительный научный интерес для изучения жизни земледельческих племен Поднепровья в эпоху раннего железного века.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй луй Г. Д. Смирнов «Ал дойля цынтирим векь дела Сахариа (Гура Гульбоака)

Ла 300 метрь спре мязэ-зы-асфинцит дела ынтеритура Гура Гульбоака ау фост дизгропате доуэ морминте ку гропиле де о формэ овалэ, адынчэ пэила 0,40 м. Маржиниле морминтелор сынт тивите ку петре ын формэ де черк ку ун диаметру де 4 м. Гропиле морминтелор ерау акоперите деасэменя ку петре.

Ын мормынтул № 1 а фост гэсит скелетул унуи бэрбат, гемунт, ку капул спре рэсэрит, кулкат пе коаста стынгэ. Ла пичоареле скелетулуй ау фост гэсите фрагменте де чорпак ку ун орнамент жеометрик чоплит, яр ла дряпта капулуй фрагменте де стракинэ ку орнамент штампат. Ын режиуна пептулуй лынгэ вертебре а фост гэсит ун бумб семисферик турнат дин бронзэ.

Мормынтул ал дойля ера кутотул диструс. Ынтр'ынсул ау фост гэсите пэрць де кранну оменеск, вертебре ши коасте.

Дупэ ритул де ымормынтаре, каре урма дупэ ашезаря мормынтулуй ши дупэ букэциле де черамикэ, ал дойля цынтирим векь дела Сахариа, ка ши ынтыюл, провине дин вакул VII пэила ера поастрэ.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

АЛЧЕДАРСКИЕ КУРГАНЫ

Среди разновременных памятников, исследованных Молдавской археологической экспедицией ИИМК АН СССР и Молдавского филиала АН СССР в 1952 г., значительный интерес представляет курганный могильник, обнаруженный при разведочных работах экспедиции в полутора километрах на восток от с. Алчедар, Резинского района МССР. Он находится на плато у края глубокой и пологой долины. Могильник на поверхности отмечен десятком плохо сохранившихся насыпей, высота которых — от 10 до 30 см. Некоторые курганы совсем не имеют насыпей и их можно заметить только по разреженной на них растительности. Курганная группа находится на поле, которое интенсивно распахивается. Диаметры курганов очевидно были не менее 10—15 м. В 1952 г. было раскопано 4 средних по размерам кургана, которые находились в восточной части группы.

Ввиду неопределенности размеров курганов и невозможности установить конструкции их насыпей, исследование их проводилось при помощи раскопов, закладываемых в центральной части курганов, площадью от 60 до 100 кв. м.

Курган № 1. Высота насыпи около 20 см, диаметр около 12 м, в центральной части кургана, начиная с поверхности, были обнаружены куски известняка разных размеров. В насыпи кургана, особенно в центральной части ее, находились небольшие кусочки сильно окатанной керамики. На глубине в 60 см от поверхности насыпи, под предполагаемым центром кургана, был обнаружен каменный ящик, врытый в материк. Курган в свое время был разрушен грабителями, которые разбили верхнюю покровную известняковую плиту и потревожили погребение. Обломки этой плиты в виде кусков известняка и были обнаружены в насыпи кургана, а частично и в самом ящике. Ящик был сложен из 4 поставленных на ребро известняковых плит: двух длинных продольных и двух поперечных — коротких. Длина продольных плит 2 м, длина поперечных плит 0,70 м. Концы длинных плит выступали на 10—15 см. Верхние края плит были отесаны и образовывали горизонтальную поверхность, нижние концы обработаны не были. Толщина плит 10—15 см. Внутренние размеры ящика: длина 1,40 м, ширина 0,70 м, высота 0,50 м. Дно ящика плоское — материковая глина. Ящик был установлен в прямоугольной яме, вырытой в материке, и ориентирован в направлении с севера на юг. В нем было скорченное труположение. От костяка осталось несколько кусков человеческого черепа и трубчатых костей, которые были найдены в ящике и в земле над ним. Вместе с костями были

собраны обломки глиняного черпачка с остатками основания петлевидной высокой ручки. Поверхность его была покрыта штампованным орнаментом (рис. 1—3). Сосуд тонкостенный, хорошо прокаленный.

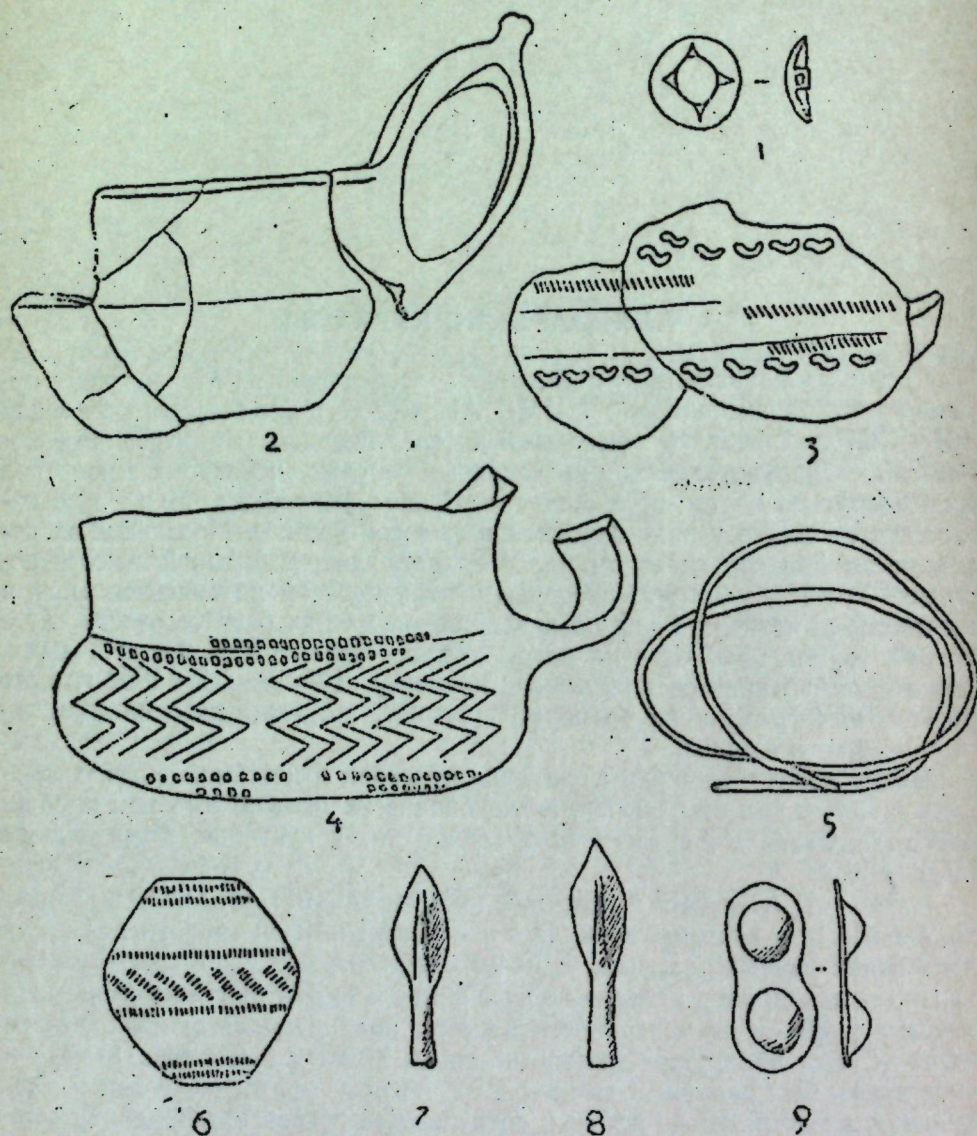

Рис. 1. Находки из Алчедарских курганов и на Алчедарском городище: 1—бронзовая пуговица; 2—4—глиняные сосуды; 5—бронзовый браслет; 6—глиняное пряслице; 7—8—бронзовые наконечники стрел; 9—поделка из бронзы.

Курган № 2 находился в 15 м на восток от кургана № 1 (рис. 2). Диаметр определить не удалось. Насыпь его была высотой не более 10—15 см. Он был исследован при помощи раскопа площадью 10 × 10 м. В центральной части кургана, так же как и в кургане № 1, на глубине 50 см был обнаружен каменный ящик, перекрытие его тоже было разрушено. Куски разбитой покровной плиты частично были найдены в ящике, частично в земле над ним. Ящик был сложен из 4 поставленных на ребро известняковых плит и ориентирован в направлении с северо-запада на

юго-восток (рис. 2). Длина продольных плит 1,9 м, длина поперечных плит 0,70 м. Концы длинных плит выступали наружу на 10—20 см. Внутренние размеры ящика: длина 1,40 м, ширина 0,75 м, высота 0,60 м. Верхние грани плит были отесаны, нижние—не обработаны. Дно ящика плоское—материковая глина. Ящик был установлен в яме, вырытой в материке. Погребение, находившееся в ящике, также оказалось разрушенным. Это было скорченное трупоположение на правом боку, головой на северо-запад. Перед лицом погребенного находились остатки сильно разрушенного глиняного черпачка того же типа, что и обнаруженного в кургане № 1. Черпачок имел подлощенную поверхность без орнамента. У него была высокая петлевидная ручка с грибовидным отростком на ее конце (рис. 1—2). В центральной части ящика, на его дне, была найдена

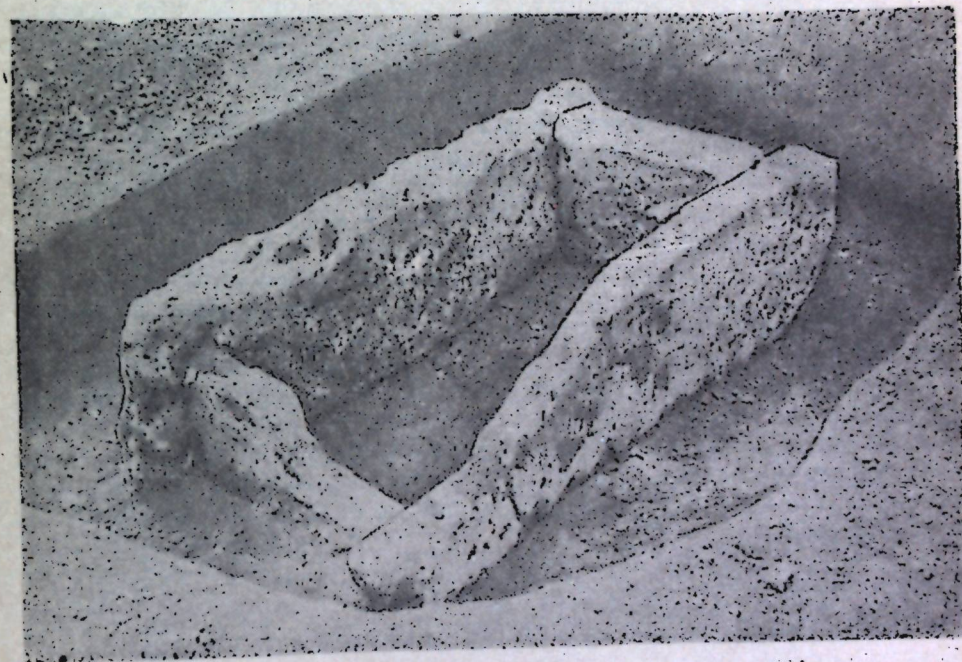

Рис. 2. Каменный ящик из кургана № 2.

медная, свернутая в два оборота тонкая проволока диаметром около 1 мм, в сечении круглая (рис. 1—5), очевидно браслет. Рядом лежала медная сферическая пуговица с ушком на обратной стороне (рис. 1—1). В земле над ящиком были найдены обломки подлощенной толстостенной миски из серой глины с загнутым во внутрь краем.

Курган № 3 расположен в 20 м к югу от кургана № 2. Насыпь не сохранилась, диаметр его (судя по сравнительно редкой растительности на месте кургана)—около 15 м. В центральной части кургана была расчищена яма глубиной около 1 м, на дне которой находился совершенно разрушенный каменный ящик, размеры которого установить не удалось. В заполнении ямы удалось собрать обломки двух сероглиняных подлощенных мисок того же типа, что и в кургане № 2, из которых одна имела небольшие ручки в виде выступов. В той же яме были найдены обломки ковшика с петлевидной ручкой, высокой шейкой и шаровидно уплощенным туловом. Нижняя часть тулова орнаментирована резными вертикальными зигзагообразными параллельными линиями, которые расположены группами, а между группами—ромбовидные просветы. На границе шейки и тулова и в придонной части—отпечатки зубчатого

штампа, расположенные в два ряда в горизонтальном направлении (рис. 1—4).

Курган № 4 находился в 10 м к югу от кургана № 1 и в 20 м к западу от кургана № 3. Высота насыпи его около 20 см, диаметр ее 10—12 м. В центральной части кургана также обнаружена яма с совершенно разрушенным каменным ящиком. В заполнении ямы найдены обломки известняковых плит и мелкие обломки человеческих костей. Вещей и керамики в насыпи кургана и яме не было найдено.

Обряд погребения—скорченное труположение на боку, металлические вещи и керамика, обнаруженные в Алчедарском курганном могильнике с каменными ящиками, позволяют датировать исследованные курганы VII—VI вв. до н. э.

Следует отметить, что также раскопано и поселение, на котором некогда жили люди, погребенные в этих курганах с каменными ящиками. Оно находилось на одном из мысов долины в полукилометре к юго-востоку от могильника. В более позднее время (X—XI вв. н. э.) мыс этот был укреплен и на нем разместилось славянское городище. При раскопках славянского Алчедарского городища в 1951—1952 гг. на его площадке в основании культурных напластований были найдены бронзовые втульчатые двухлопастные стрелы, керамика, много украшений VII—VI вв. до н. э. и обломок аска VI в. до н. э. (рис. 1—6—9).

Могильники такого типа, как Алчедарский, хорошо известны в Молдавии. Все они располагаются поблизости от одновременных им поселений. Два таких могильника были раскопаны Г. Д. Смирновым у городищ Большая и Малая Сахарна в 1949—1950 гг., а третий находится в 300—400 м на восток от городища Царевка, Резинского района. Все эти могильники не сохранили курганных насыпей. По свидетельствам местных жителей, на месте царевского могильника еще в недавнее время были курганные насыпи, в настоящее время распаханые. Можно предположить, что все перечисленные могильники, как и Алчедарский, были курганными.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй луй Р. Л. Розенфельдт «Курганеле дин сатул Алчедар»

Ауторул дескрие ын артикол резултателе сепэтурилор фэкуте ын 4 кургане, ситуате лынгэ сатул Алчедар, районул Резина. Ла о адынчине маре ын кургане ау фост гэсите лэзь де пятрэ, ын каре се афлау кадавре кулкате пе о коастэ, обьекте де метал ши черамикэ. Дупэ челе гэсите се поате пресупуне, кэ морминтеле апарцын вакурилор VII—VI пэнла ера ноастрэ.

В. В. ДУБИНОВ

КРЕМНЕВОЕ ОРУДИЕ ИЗ с. БАРОНЧА

Территория Молдавской ССР богата памятниками палеолита, сосредоточенными по долинам рек Прута и особенно Днестра. В верхнем течении этих рек, где встречается множество крупных кремневых желваков, вымываемых из меловых и средиземноморских отложений, существовали наиболее благоприятные условия для производства каменных орудий. Там же, главным образом, и было обнаружено множество первобытных кремневых изделий. Чем дальше от берегов Днестра и Прута, тем значительно меньше встречаются кремневые орудия и качественное кремневое сырье.

Вблизи с. Баронча, Дрокиевского района, в стенке геологического шурфа, в слое черного аллювиального суглинка мощностью в 1 м на глубине 0,70 м от поверхности, мною было обнаружено кремневое орудие, имеющее форму ножа. Под ним была вскрыта темнокаштановая сарматская глина.

Орудие залегало наклонно, будучи направлено острым концом вверх.

Находка сделана у восточной окраины с. Баронча, в слегка пересеченной местности, на дне суходола, идущего с востока на запад и являющегося левым притоком реки Куболта.

Вблизи места нахождения следы стоянки не обнаружены.

Крупный массивный высококачественный камень черного цвета, из которого изготовлено найденное орудие, характерен для желваков, встречающихся в меловых отложениях Молдавии.

Этот материал в местности, где была обнаружена находка, на поверхности отсутствует. Ближайшим местом выхода подобного материала является берег Днестра, на расстоянии более 30 км на восток от места находки. Это говорит о том, что занесенное сюда орудие было повидимому когда-то здесь утеряно.

Орудие имеет размеры $12,9 \times 4,4 \times 1,5$ см. Поверхность его обработана рядом сколов. В одном месте более глубокий скол образует выемку, возможно предназначенную для привязывания орудия к рукояти. Оба режущих края ножа заострены с двух сторон дополнительной отжимной ретушью, образуя лезвия со слабоизвилистыми краями. Поверхность орудия патинизирована, в результате чего приобрела голубоватосерую, а местами белесоватую окраску; на той стороне орудия, которая была обращена во время залегания вверх, наблюдается тонкий известняковый налет. Удлиненная форма орудия, более заостренного с одной стороны, и небольшая толщина заставляют считать его клинком ножа, которым можно было колоть и резать туши убитых животных, а также скрести их шкуры. Подобно каменным ножам, еще недавно применявшимся австралийцами, описанным П. П. Ефименко в работе «Первобытное общество», найденный клинок являлся орудием палеолитических охотников.

Следы сработанности, в виде притупления лезвий и легкой заполированности отдельных выступов сколов по обеим сторонам клинка, позволяют предполагать, что орудие использовалось в течение длительного времени.

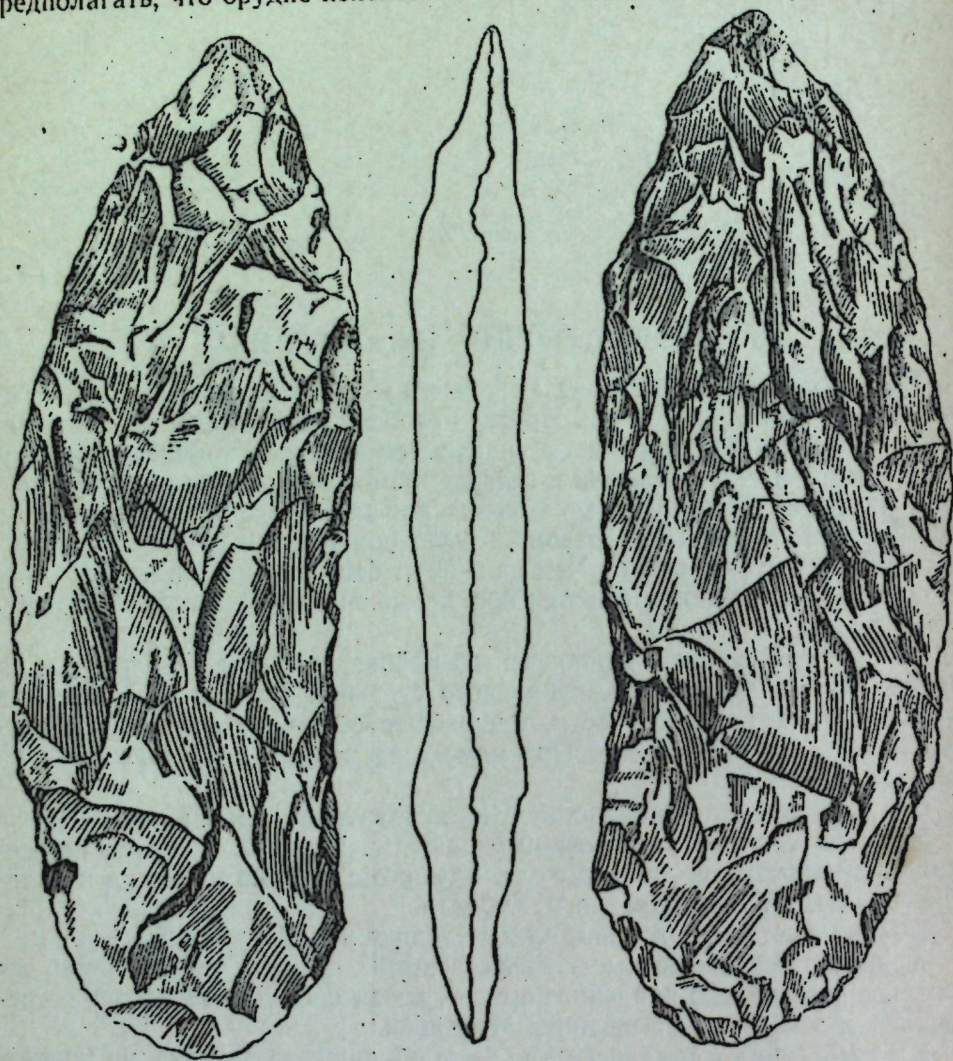

Рис. 1. Кремневое орудие, найденное у с. Баронча, (1/2 н. в.)

По характеру обработки, высокому мастерству отделки кремня и по весьма выразительной отжимной ретуши найденный клинок предположительно можно датировать поздне-солютрейским периодом. Однако, по имеющимся литературным данным, стоянки с солютрейским инвентарем на территории Молдавской ССР до сих пор не известны. Ближайшим местонахождением, где в поздне-палеолитических культурных слоях был установлен слой с солютрейским инвентарем, является стоянка «Стынка Рипичень» в Румынии, на правом берегу реки Прут, в верхнем его течении. Она описана Н. Морошаном¹.

Кремневое орудие, найденное вблизи с. Баронча, заполняя хронологический пробел в истории верхнего палеолита Молдавии, подтверждает высказывания некоторых авторов о том, что Поднестрие было, повидимому, заселено в течение всего позднего палеолита.

¹ Dacia, V—VI, Bucuresti, 1938.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй луй В. В. Дубинов «Унялтэ де кремне дин Баронча»

Ынтр'ун страт де пэмынт аржилос алувиал а фост гэситэ о унялтэ де кремне, ку формэ де куцйт. Супрафаца ей ый прелукратэ прин чоплире. Унялта провине дин периода солютре тырзые. Ын урма гэсирый унелтей естя де кремне а фост комплектатэ о лакунэ кроположикэ дин история палеолитулуй супериор ын Молдова ши с'а доведит, кэ ын эпока палеолитулуй тырзыу райоанеле ситуате дялунгул Ниструлуй ау фост континуу локуите.

В. И. МАРКЕВИЧ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В БАСЕЙНЕ НИЖНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ ЧЕРНА

Река Черна — правый приток Днестра. Вступая на территорию Резинского района, у села Шолданешты, река Черна протекает по долине на протяжении 16 км и впадает в Днестр у с. Черна.

Разведкой, проведенной в 1953 и 1954 гг., охвачен участок течения реки Черна на протяжении 19 км от с. Шолданешты до устья реки.

Кроме памятников, находящихся непосредственно в бассейне р. Черна, предварительно обследован и ряд памятников, находящихся вблизи ее.

Отмечен 91 археологический памятник разного времени.

Палеолитические стоянки

1. В 0,7 км на северо-восток от с. Липчены, над обрывом расположена стоянка, пересекаемая грунтовой дорогой с. Липчены — станция Липчены.

Среди подъемного материала имеются 2 нуклеуса, скребла, пластины, отщепы. Кремневый инвентарь покрыт глубокой белой патиной.

2. Юго-восточнее Шолданештского табачно-ферментационного завода¹, в 0,8 км вправо от дороги к Шолданештскому лесу, на склоне, где встречаются пластины, отщепы, нуклеусы, покрытые глубокой белой патиной, расположена стоянка.

Трипольские поселения

1. На расстоянии 0,5 км от северо-восточной окраины с. Глинжены, по правую сторону от дороги Глинжены—Матеуцы, у места «Ла Извоарэ» находится поселение, относящееся к среднему периоду Триполья (по периодизации Т. С. Пассек). На поверхности встречаются куски обмазки, фрагменты красноглиняных сосудов с углубленным орнаментом, зернотерки. Участок распаивается на глубину 25—30 см. Общая сохранность памятника удовлетворительная.

2. На юго-запад от с. Глинжены, в 0,4 км влево от дороги Глинжены—Мигулены, у места «Ла Роша», расположено трипольское поселение. Встречаются куски глиняной обмазки, фрагменты красноглиняных сосудов, шлемовидных крышек с углубленным и расписным орнаментом, антропоморфные и зооморфные глиняные фигурки, кремневые пластины, зернотерки. Частично поселение перекрыто селищем скифского времени. В настоящее время участок распаивается на глубину 20—25 см. Со-

¹ Ниже именуется ТФЗ.

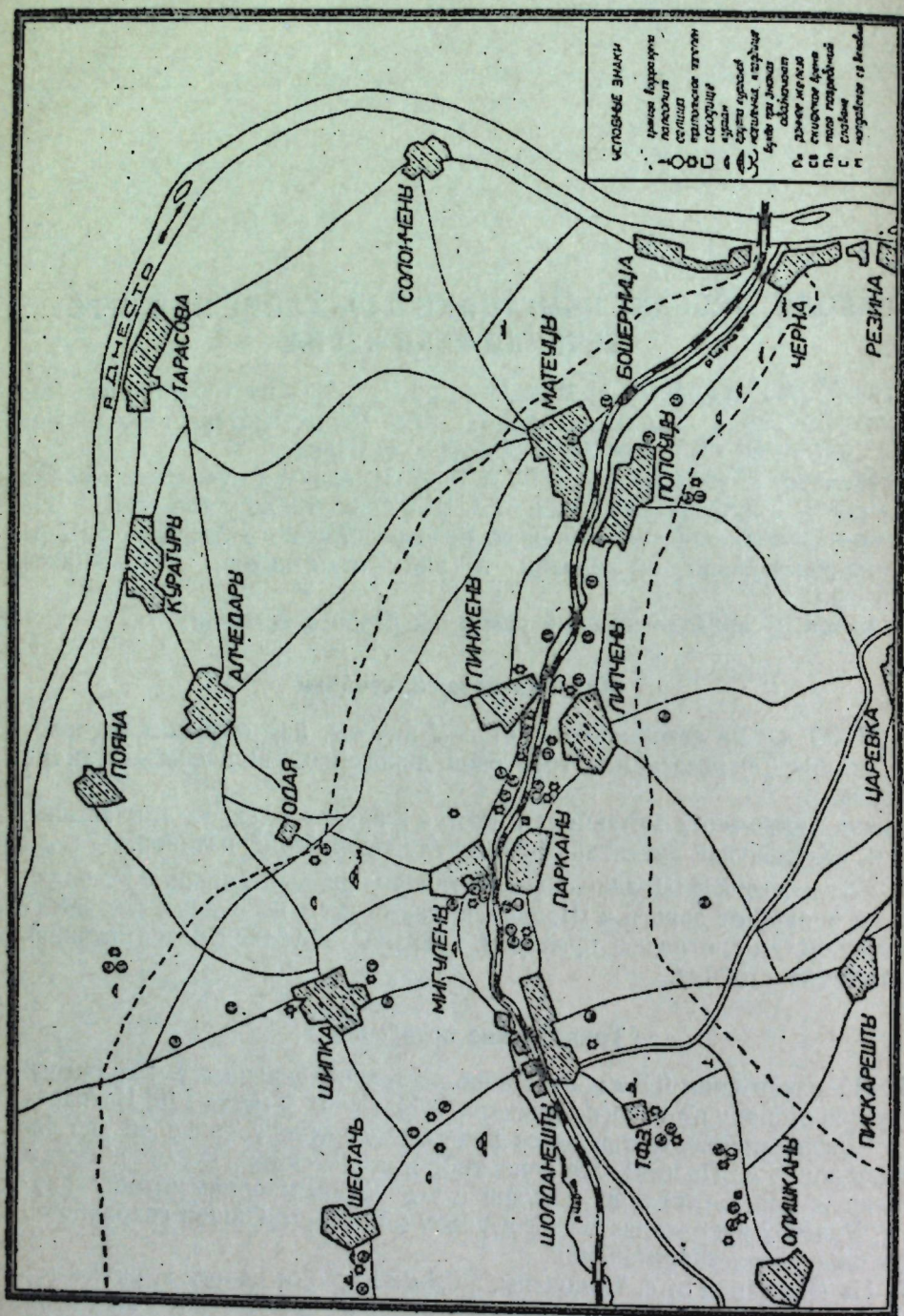

Рис. 1. Карта археологических памятников бассейна нижнего течения р. Черна.

хранность памятника удовлетворительная. Поселение относится к среднему периоду Триполья.

3. Северо-восточнее с. Мигулены, в 0,5—0,7 км влево от дороги Мигулены—Глинжены, расположено крупное поздне трипольское поселение, отмечены следы до 70 площадок. Керамика красноглиняная, орнамент сильно смыт; на одной площадке обнаружено большое скопление керамических фрагментов, среди них найден ряд фрагментов с черной росписью. На месте скопления керамики вероятно существовала гончарная печь. Среди подъемного материала найдены также грузила, зернотерки, кремневые пластины (кремнь представлен слабо). Часть поселения хорошей сохранности. Участок распаивается на глубину 25—30 см.

4. Северо-восточнее с. Мигулены, в 1,5 км влево от дороги Мигулены—Алчедары (Эдая), вблизи северо-западной окраины лесного урочища Глинжены, расположено поздне трипольское поселение, встречаются фрагменты сосудов, изредка фрагменты обмазки, найдена одна зернотерка. Всего установлено наличие 7 площадок. Территория распаивается на глубину до 30 см. Сохранность хорошая.

5. На расстоянии 0,4 км южнее с. Мигулены, на мысу вправо от дороги Мигулены—Глинжены, расположено поздне трипольское поселение. Насчитано до 8 площадок. Керамика красноглиняная с черной росписью. Найдено круглое плоское грузило (?) с 2 отверстиями. Значение предмета, по видимому, культовое. Частично перекрывается селищем скифского времени.

На территории селища расположены виноградники.

6. Юго-западнее с. Мигулены (на 0,1 км), на правом берегу ручья, расположено трипольское поселение среднего периода.

Из обрыва берега, в котором отмечены три площадки, извлечены фрагменты шлемовидных крышек с углубленным орнаментом и сосудов с углубленным и расписным орнаментом; отдельные обломки украшены снаружи углубленным орнаментом, а изнутри расписным. Реставрированы 2 шлемовидные крышки, одна покрыта углубленным орнаментом, вторая — с гладкой поверхностью, со смытой росписью. Сохранность памятника хорошая. Участок земли не обрабатывается.

Частично поселение перекрыто селищами скифского времени эпохи «полей погребений» и молдавского средневековья.

7. Южнее с. Шипка, на расстоянии 0,1 км от МТФ колхоза имени Сталина, расположено поздне трипольское поселение. Распашкой затронуты 2 площадки. Сохранность памятника хорошая.

8. Севернее с. Шипка (на 0,2 км) расположено трипольское поселение среднего периода. Оно пересекается дорогой Шипка—Вад-Рашков. На поселении найдены 4 зернотерки, 3 отбойника, верхняя часть кремневого наконечника дротика с тонкой двухсторонней ретушью, фрагменты красноглиняных сосудов и глиняной женской фигурки. Реставрирован крупный грушевидный сосуд, покрытый углубленным орнаментом. Справа от дороги памятник сильно разрушен вспашкой, слева сохранность хорошая. В кювете дороги заметно, что площадки находятся на 20—30 см ниже паханного слоя.

9. Северо-западнее с. Шолданешты, на расстоянии 0,7 км на левом склоне долины, по которой протекает ручей Шестань, расположено поздне трипольское поселение. Частично памятник разрушен оползнями, выше их сохранность хорошая.

10. На склоне лощины Шестань—Шолданешты, напротив поселения № 9, расположено поздне трипольское поселение. Сохранность хорошая, распашкой вывернуты только отдельные фрагменты керамики и мелкие фрагменты глиняной обожженной обмазки.

11. На расстоянии 0,1—0,3 км от с. Шестачь, вправо от дороги Шестачь—Кобыльня, расположено позднетрипольское поселение. Встречаются фрагменты красноглиняных сосудов и куски глиняной обмазки. Сохранность памятника хорошая. Участок распаивается на глубину 20—25 см.

12. На расстоянии 0,3 км от северо-восточной окраины Липчены, на участке шелковичной плантации колхоза им. Кагановича, расположено позднетрипольское поселение. Участок распахан на глубину 30—35 см. Сохранность обнаруженных площадок плохая.

13. На северо-западной окраине с. Липчены находится позднетрипольское поселение; на нем расположены постройки, сады и огороды. Сохранность поселения хорошая.

14. Западнее с. Липчены, на территории МТФ колхоза им. Кагановича, находится позднетрипольское поселение. Часть памятника уничтожена при закладке фундаментов зданий. Керамика красноглиняная, сильно омытая. Часть памятника удовлетворительной сохранности.

15. На северо-запад от с. Липчены, на мысу, образованном ручьем Занова и рекой Черна, расположено трипольское поселение среднего периода. Обнаружена одна площадка. Керамика красноглиняная с углубленным орнаментом. Участок распаивается на глубину 25—20 см. Сохранность хорошая. Поселение перекрыто селищами скифского времени и древнерусским.

16. На юг от с. Полоуцы, на расстоянии 0,5 км, в местности «Глиная», расположено позднетрипольское поселение. Территория распаивается на глубину до 30 см. Сохранность удовлетворительная.

17. Восточнее с. Шолданешты (на 0,5 км), влево от дороги Шолданешты—Парканы, около виноградников, находится позднетрипольское поселение. Участок распаивается на глубину 25—30 см. Сохранность удовлетворительная.

18. На юг от с. Шолданешты (на 0,2 км), вправо от шоссеиной дороги Шолданешты—Резина, расположено позднетрипольское поселение. Участок распаивается на глубину до 30 см. Сохранность хорошая.

19. На территории Шолданештского ТФЗ при копке траншей и фундаментов зданий затронуты жилища позднетрипольского поселения. Уровень полов жилищ залегает на глубине от 0,8 до 1,5 м. Учитывая большую глубину залегания, сохранность памятника, не затронутого стройкой, хорошая. Керамика красноглиняная, роспись, в основном, сильно смыта. Встречаются фрагменты грубой кухонной керамики с веревочным орнаментом.

Найдена также женская глиняная фигурка с отбитой нижней частью, тождественная глиняным женским фигуркам из Выхватинского позднетрипольского могильника, раскопанного Т. С. Пассек; пряслице с нанесенным радиально-ямочным орнаментом; 2 костяных долотца, одно из них миниатюрное; дисковидный амулет из обожженной глины с отверстием для вдевания шнура для подвешивания. На лицевой стороне оттисками пальцев нанесено изображение солнца с радиально-расходящимися лучами. Обратная сторона плоская.

Осмотром профилей траншей установлено, что, наряду с наземными, имелись жилища земляночного и полужемляночного типа.

20. На склоне лощины, в 0,3 км от поселения № 19, находится позднетрипольское поселение. Участок распаивается на глубину до 30 м. Сохранность удовлетворительная.

21. На 1,3 км юго-западнее от Шолданештского ТФЗ, вблизи границы землепользования колхоза им. Кагановича, около опушки лесного урочища Пискарьшты расположено позднетрипольское поселение.

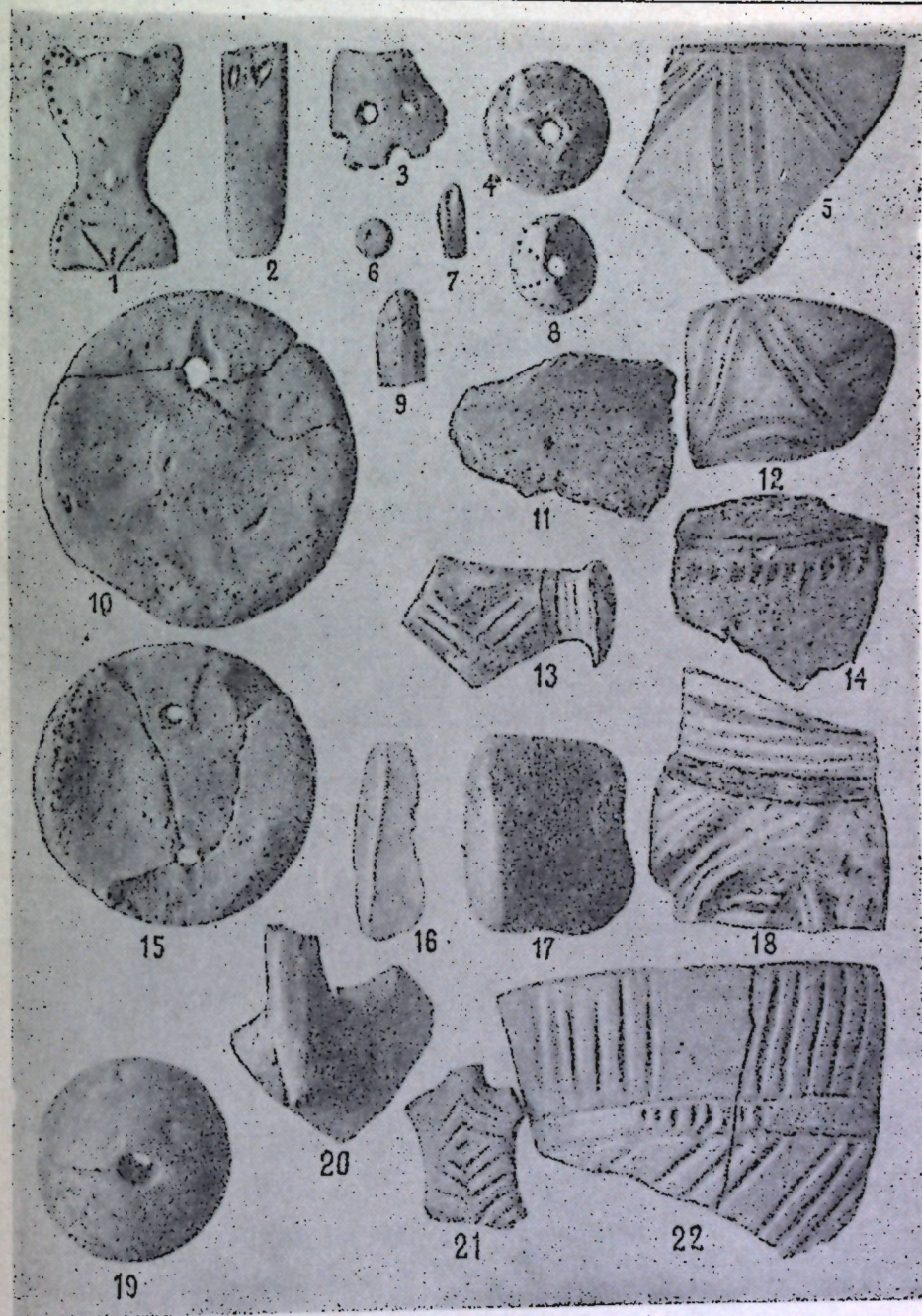

Рис. 2. Находки с трипольских поселений. 1/2 н. в.

Поселение № 19, с. Шолданешты

1—женская фигура; 2, 7—костяные долотца; 3—шпингалет; 4, 8—пряслица; 5, 12—фрагменты сосудов с черной росписью; 6—кость; 11, 14—фрагменты грубой кухонной керамики; 10—глиняный амулет; 17—полированный камень.

Поселение № 2 «Ла Роша»

9—фрагмент кремневой пластины; 16—кремневая пластина с притупленным краем; 21—фрагмент статуэтки; 22—фрагмент сосуда с углубленным орнаментом.

Поселение № 6

13—ручка биночковидного сосуда.

Поселение № 9

15—глиняный амулет.

Поселение № 5

18—фрагмент сосуда с полихромной росписью.

Поселение № 3

19—грузило; 20—ручка сосуда.

Роспись на керамике сильно смыта. Среди подъемного материала отмечены 2 фрагмента глиняных фигурок, голова лошади и задняя часть тела другого животного (предположительно собаки). Частично поселение перекрывается славянским селищем.

22. Восточнее с. Олишканы (на 1,5 км), у городища скифского времени, носящего местное название «Роата турчилор», находится поздне трипольское поселение. Сохранность удовлетворительная, участок распахиывается на глубину до 25 см.

23. На запад от поселения № 22 (на 1 км) — расположено поздне трипольское поселение. Керамика красноглиняная, с черной росписью. Часть памятника хорошей сохранности. Участок распахиывается на глубину 25 см.

24. Восточнее лесного урочища Крайна (на 1 км), у колхозного пруда с. Сокол расположено поздне трипольское поселение. Сохранность удовлетворительная.

Селище раннего железного века

Поселение расположено на расстоянии 0,5 км от южной окраины с. Шолданешты, на правом склоне долины, напротив пруда.

Настоящее селище — самое раннее из остальных селищ эпохи железа, обнаруженных на обследованной территории. Оно относится к концу эпохи бронзы и началу эпохи железа, иначе говоря, является звеном, связывающим эти культуры (хронологическое определение сделано Т. С. Пассек и А. И. Мелюковой).

Среди собранного подъемного материала имеются 2 целых сосуда, 1 частично сохранившийся, а также фрагменты сосудов, пряслице, зернотерка (рис. 4).

Сосуд № 1 лепной, высотой до 90 см, с двумя ручками, которые выступают за пределы венчика сосуда и на верхней части заострены. Поверхность сосуда гладкая, цвет сероватый, тесто крупнозернистое — комковатое.

Сосуд № 2 — лепной кувшин с одной ручкой (рис. 3). Тело кувшина выпуклое, с тремя шишкообразными выступами. Ручка массивная, округлая в сечении, слабо выходит за пределы венчика, дно плоское, немного вдавленное внутрь. Горло кувшина покрыто рядом параллельных, горизонтальных каннелюр, пространство между шишкообразными выступами, находящимися на линии максимального диаметра сосуда, покрыто параллельными короткими, вертикально нанесенными каннелюрами. Цвет сосуда красновато-желтый.

Сосуд № 3 — лепной кувшин, аналогичный по форме с сосудом № 2, ручка сильно возвышается над венчиком, на $\frac{2}{3}$ высоты ручка приплюснута. Поверхность гладкая, без каннелюр, цвет темносерый.

Сохранность поселения у с. Шолданешты хорошая. Территория распахиывается на глубину 20—25 см¹.

Могильник раннего железного века

В юго-восточной части усадьбы Шолданештского ТФЗ при копке траншеи было вскрыто захоронение. В большом глиняном сосуде баночной формы находились остатки трупосожжения. Верхняя часть урны и миска, покрывающая урну, были сильно повреждены землекопами. Однако на

¹ В 1954 г. на месте поселения были произведены раскопки Молдавской экспедицией под руководством Т. С. Пассек.

Рис. 3. Кувшин с селища начала 1 тыс. до н. э. у с. Шолданешты.

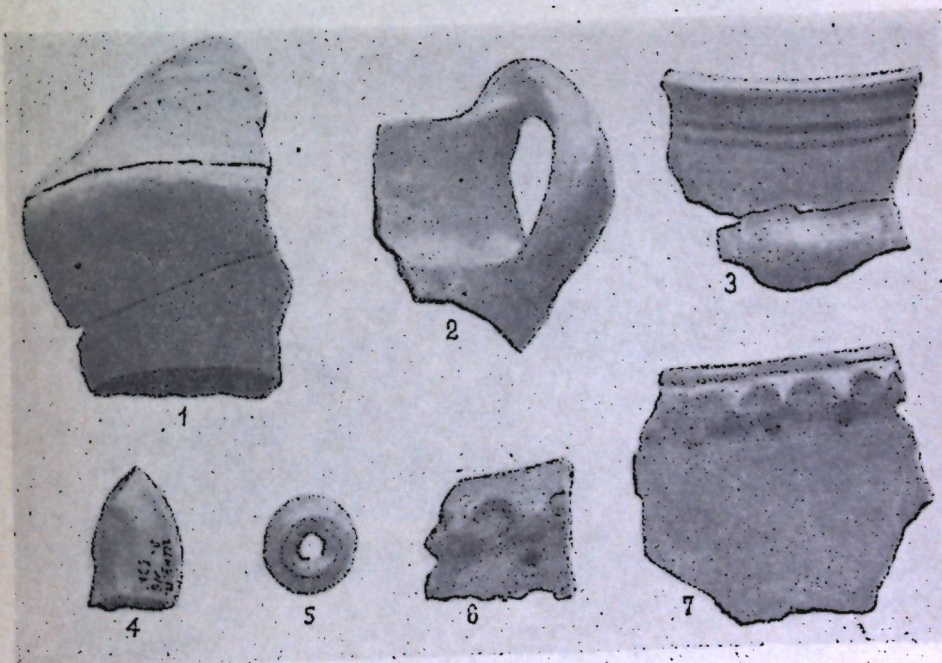

Рис. 4. Находки с селища начала 1 тыс. до н. э. у с. Шолданешты. $\frac{1}{2}$ н. в.
1—3 — фрагменты сосудов; 4 — фрагмент ручки сосуда; 5 — пряслице;
6, 7 — фрагменты больших сосудов с отверстиями под валиками.

месте удалось собрать часть керамики и частично реставрировать сосуды, а также восстановить из опроса рабочих и осмотра места захоронения первичное расположение керамических находок.

Урна с трупосожжением была высотой около 50 см, глубина залегания дна урны 1,10 м. Урна была покрыта миской, имеющей диаметр 40—45 см. Верхняя часть урны отсутствует. Стенки урны толщиной 8—10 мм, масса крупнозернистая—комковатая, цвет варьирует от серого до красно-желтого, обжиг неравномерный, дно плоское (рис. 5). Около урны находился один глиняный ковш.

Из фрагментов реставрируется четверть миски. Внутренние стенки миски и дно покрыто системой спирального, веревочного орнамента, углубления заполнены белой пастой. Вся поверхность чернолощенная.

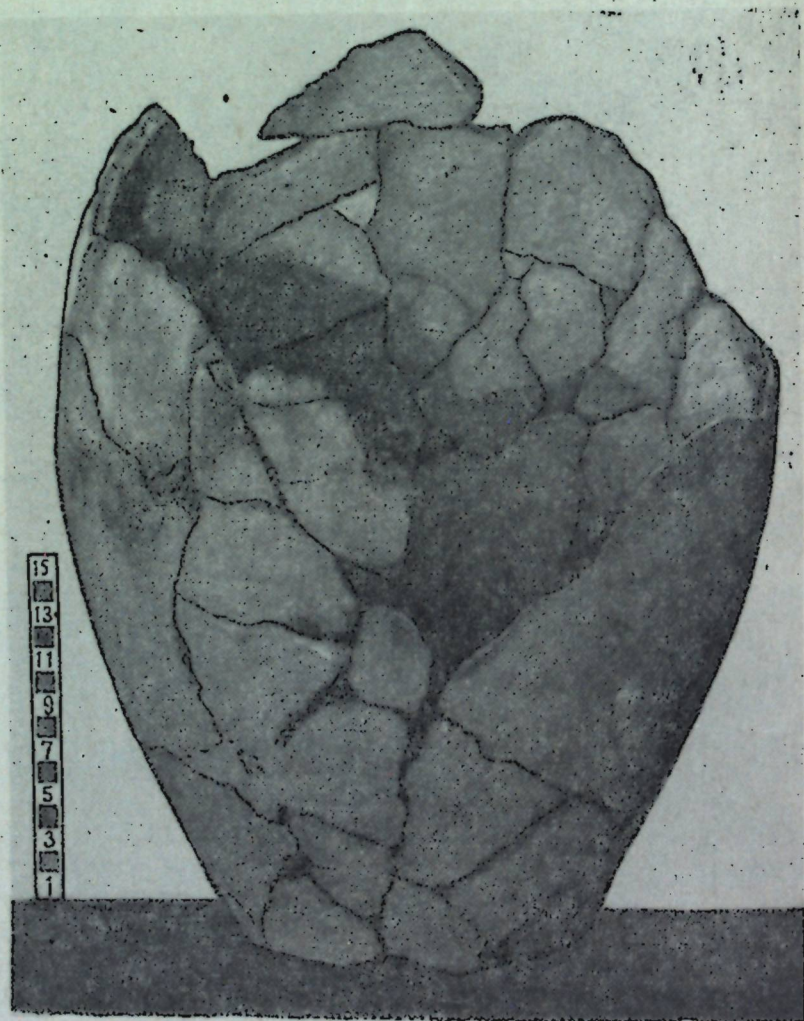

Рис. 5. Погребальная урна из могильника начала I тыс. до н. э. у с. Шолданешты.

От ковши сохранилась ручка с частью венчика. Ручка сильно возвышается над венчиком, на $\frac{2}{3}$ высоты ручка приплюснута и расширяется к основанию. Масса крупнозернистая, цвет серый, в изломе коричневатый. Среди керамических находок имеются 2 фрагмента корчаги с наклепным вальком и погтевым орнаментом на нем.

Среди обгоревших остатков костей найдена железная оправа цилиндрической формы, длиной 11 мм, диаметром 12—13 мм, отверстие диаметром 5 мм. Предмет сильно обгорел и корродирован. К нескольким фрагментам черепной крышки прилипли капли железа.

Керамика из захоронения в основном аналогична керамическим находкам эпохи раннего железа из поселения с. Шолданешты.

Могильник относится к периоду перехода от поздней бронзы к раннему железу¹. Территория распахивается на глубину до 25 см.

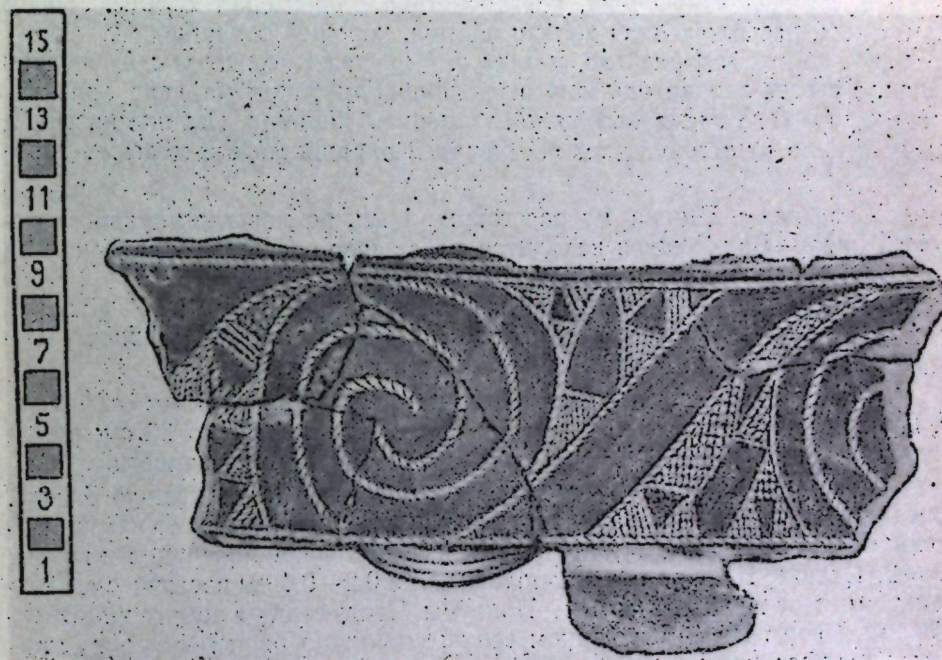

Рис. 6. Фрагменты миски, покрывавшей погребальную урну из могильника начала I тыс. до н. э. у с. Шолданешты.

Селища скифского времени

1. Селище IV—III вв. до н. э. восточнее с. Глиньжы, на расстоянии 1 км в сторону Матеуцкого леса, над обрывом. Распашкой глубиной до 25—30 см затронут ряд жилищ. Сохранность удовлетворительная.

2. Селище VII в. до н. э. к юго-западу от с. Глиньжы, на расстоянии 0,2 км влево от дороги Глиньжы—Мигулены. Селище это длиной до 1 км и шириной от 0,5—0,6 км. Восточной стороной селище примыкает к Глиньженскому древнерусскому городищу.

Территория селища насыщена фрагментами керамики. На участке строительства колхозной фермы траншеями затронут сыродутый горн со скоплением железного шлака. Частично территория селища занята виноградниками, большая часть распахана на глубину до 20 см. Отдельные участки памятника хорошей сохранности. Некоторые участки селища покрывают трипольское поселение и покрываются славянскими селищем и городищем.

3. На юго-запад от с. Мигулены, на мысу, образованном долиной реки Черна и ложиной, направленной в сторону с. Глиньжы, встречается

¹ В 1954 г. на месте могильника были проведены раскопки Молдавской экспедиции под руководством А. И. Мелюковой.

архаическая керамика и следы жилищ. Частично селище расположено на трипольском поселении. Найден целый керамический штамп для нанесения орнамента, одна сторона штампа воспроизводит веревочный орнамент, а вторая — орнамент в форме латинской буквы S. Сохранность памятника хорошая.

4. Селище VII в. до н. э. расположено на восток от вышеописанного селища, на противоположном возвышенном берегу лощины. Распашкой затронуты жилища, на поверхности встречается большое количество керамики. Найден наконечник, трехлопастной, бронзовой стрелы. Часть памятника, расположенная вблизи обрыва, хорошей сохранности.

5. На линии водораздела, между с. Мигулены и поселком Алчедары-Одая, с северо-запада от лесного урочища Глинжены, найдена архаическая керамика. Там же распашкой затронуты жилища. Селище частично расположено на трипольском поселении. Сохранность его местами хорошая.

6. Севернее с. Шипка, на расстоянии 1 км, по ложине вправо от дороги Шипка—Вад-Рошков находится небольшое селище. Территория над ним частично распахируется на глубину до 30 см.

7. Селище VII в. до н. э. находится на поле колхоза им. И. В. Сталина в с. Шипка, западнее пруда на 0,3 км по левому склону ложины Шестаць—Шолданешты. Частично распахан.

8. Селище III в. до н. э. находится над обрывом на 1 км западнее с. Попоуцы. Частично селище распахируется на глубину до 30 см; район селища, расположенный близко от обрыва, хорошей сохранности.

9. На восточной окраине с. Попоуцы, у дороги на колхозную ферму, при копке ямы для добывания глины прорезана землянка скифского времени, пол которой залегает на уровне 1,5 м от дневной поверхности почвы.

10. Селище III в. до н. э. расположено на 0,2—0,4 км восточнее с. Липчены, влево от дороги Липчены—Попоуцы. Часть селища занята виноградниками. Своим северным концом селище частично расположено на трипольском поселении. Сохранность удовлетворительная.

11. Селище западнее с. Липчены, на левом берегу оврага, проходящего у окраины села. Частично распахан, сохранность удовлетворительная.

12. Селище в 0,5 км на юг от с. Попоуцы, в местности «Глиная», частично распахан на глубину до 25 см. Сохранность удовлетворительная.

13. Селище на запад от с. Парканы, в 0,3 км, над обрывом, у бывшей свинофермы колхоза им. Кагановича, частично распахан.

14. Селище западнее с. Парканы (на 0,9—1 км), вправо от дороги Парканы—Шолданешты, над обрывом. Частично распахан. Сохранность плохая.

15. Западнее Шолданештского ТФЗ на 0,2 км, по левому склону ложины, расположено селище скифского времени (VII в. до н. э.) 0,5 км в длину и 0,3 км в ширину. Территория распахируется на глубину до 30 см. Частично сохранность удовлетворительная. На северо-западной части селища расположено селище культуры полей погребения. На возвышенном участке памятника, вблизи лесного урочища Шолданешты, встречается позднетрипольская керамика.

16. Селище VII в. до н. э. на 1,5 км юго-западнее от Шолданештского ТФЗ, вблизи лесного урочища Пискаreshты. Памятник частично разрушен пахотой.

17. Селище восточнее с. Олишканы, около городища скифского времени, названного местным населением «Роата турчилор». Керамика архаическая, сохранность хорошая.

18. Селище восточнее лесного урочища Краина (на 1 км), у колхозного прудка с. Сокол. Сохранность удовлетворительная.

Городища скифского времени

1. В лесу Занова, расположенном к востоку от с. Парканы, на мысу, образованном долиной реки Черна и ручьем Занова, расположено городище скифского времени (III в. до н. э.). Форма городища напоминает сектор круга. Городище обведено рвом и валом. В настоящее время глубина рва до 1 м и высота вала до 1,5 м. Длина городища около 100 м. Территория памятника заросла лесом. Сохранность очень хорошая. На склоне, спускающемся круто к ручью Занова, найдены фрагменты трипольских сосудов. Городище построено на территории трипольского поселения.

2. В 1,5—2 км восточнее с. Олишканы, на мысу, образованном двумя безымянными балками, направленными на северо-запад, расположено городище скифского времени, известное у местного населения под названием «Роата турчилор». Площадь городища около 1 га, форма округлая, глубина рва от 1 до 3 м, высота вала от 1 до 2 м.

На территории городища встречается небольшое количество керамики. Вокруг городища и изредка на его территории встречаются фрагменты трипольской керамики. На территории городища расположены виноградники. Глубина обработки почвы до 15 см. Сохранность хорошая.

Могилиники скифского времени

1. Вправо от дороги Попоуцы—Черна, над известняковым карьером у с. Черна, при рытье ям на винограднике крестьянин М. Г. Лазур наткнулся на захоронения в каменных ящиках, в которых находились бронзовые предметы. В одном захоронении был найден серебряный сосуд. Находки не сохранились. Одна из плит, покрывавших захоронения, лежит недалеко от места, откуда извлечена.

2. Вправо от дороги Матеуцы—Солончены, на расстоянии 0,3 км от каменного креста, плугом вывернута на поверхность каменная плита размером 2,20×0,9—1 м. Плита сверху обтесана, в длину, по ее середине, оставлен валик длиной 1,20 м, шириной 20—25 см и высотой 15—20 см. В почве прощупываются поперечные и продольные плиты каменного ящика. При опросе местных жителей выяснено, что ранее на данном месте было извлечено еще несколько плит. Под ними находились костяки в каменных ящиках.

3. В 0,5 км северо-восточнее с. Мигулены у виноградника, находящегося слева от дороги Мигулены—Алчедары, крестьянами были извлечены из земли более 20 каменных плит. Под всеми плитами находились человеческие костяки, при которых встречались бронзовые браслеты, кольца, металлические зеркала, наконечники стрел. В настоящее время при вспашке задевается еще ряд плит.

Селища культуры «полей погребений»

1. Селище расположено восточнее с. Мигулены в 1 км по дороге на Глинжены, за мостом. Участок распахируется. Сохранность удовлетворительная, фрагментов посуды на поверхности почвы встречается мало.

2. Селище расположено на возвышенности, западнее с. Мигулены, в 0,1 км, у впадения ручья, протекающего через село в реку Черну. На поверхности встречается большое количество керамических фрагментов. Частично памятник распахируется на глубину до 20 см. Отдельные участки памятника хорошей сохранности. На одной части селища находится

также трипольское поселение, на другой—средневековое молдавское селище. Керамика сероглиняная, круговая.

3. Селище находится на западной окраине с. Мигулены, выше дороги Мигулены—Шолданешты. Участок распаивается, нижняя часть памятника хорошей сохранности. Керамика серая, круговая.

4. Южнее села Шипка, влево от дороги Шипка—Шолданешты, на обоих склонах лощины расположено крупное селище культуры «полей погребений», имеющее в длину до 1 км и в ширину до 0,6 км. На селище встречаются фрагменты глиняных сосудов, обработанных, в основном, на гончарном кругу. Цвет керамики серый, поверхность лощеная. Сохранность селища хорошая, частично распаивается на глубину до 30 см.

5. На северо-запад от с. Шипка в 2 км находится селище, которое пересекается дорогой Шипка—Вад-Рашков. Селище распаивается на глубину до 25 см. Местами сохранность удовлетворительная.

6. Селище на левом склоне долины ручья Шестачь, на расстоянии 0,6—0,7 км от Шолданешты.

7. В 0,1 км к западу от с. Шестачь находится селище, которое пересекается дорогой Шестачь—Кобыльня. В канаве у дороги культурный слой прослеживается на глубину до 0,4 м. Большая часть территории селища распаивается.

8. В 0,5 км южнее с. Попуцы, в местности «Глиная», местами находятся остатки селища скифского времени и трипольского поселения. Часть памятника распаивается, сохранность неудовлетворительная.

9. В 0,6 км южнее с. Липчены, у урочища «Околотник», на обоих склонах лощины, вокруг колхозной птицефермы, находится селище, которое пересекается дорогой Липчены—Царевка. Размеры селища до 1,8 км в длину и 0,5 км в ширину. Распаивается на глубину до 25 см. Сохранность плохая.

10. На северо-западной окраине леса Алексинец, в 0,3 км от шоссе на дороге Шолданешты—Резина, находится большое селище, расположенное на склонах балки «Ла язу». Частично селище распаивается; участки, расположенные у дна балки, а также в лесу, хорошей сохранности.

11. В 0,5 км на северо-запад от с. Шолданешты, ниже виноградников, над оврагом, влево от дороги Шолданешты—Парканы, расположено селище. Участок в настоящее время распаивается на глубину до 30 см. Сохранность селища плохая.

12. Северо-восточнее предыдущего селища на расстоянии 0,5 км, в сторону с. Парканы находится селище. Сохранность местами удовлетворительная.

13. Селище на территории Шолданештской МТС находится на правом берегу лощины, идущей от пруда к станции Шолданешты. Частично памятник распаивается. Некоторые участки удовлетворительной сохранности.

14. Селище находится в 0,2 км западнее Шолданештского ТФЗ, на правом склоне оврага. Территория распаивается на глубину до 30 см. Сохранность местами хорошая.

15. Селище на 0,2 км к западу от городища скифского времени «Роата турчилор», у с. Олишканы, на левом склоне лощины. Участок распаивается, однако отдельные части хорошей сохранности.

16. В 1 км восточнее лесного урочища Краина, у колхозного пруда вблизи с. Сокол, расположено крупное поселение. Сохранность хорошая.

Древнерусские и раннеславянские селища

1. Селище находится в 0,4 км западнее Глинжен, влево от дороги Глинжены—Мигулены, выше малого источника «Ла Роша». Частично селище распаивано на глубину 20—25 см. Встречаются фрагменты круговой и лепной керамики, с волнистым орнаментом. Селище расположено на месте селища скифского времени.

2. Селище находится западнее с. Липчены, у лесного урочища «Занова», над обрывом. Участок распаивается на глубину до 30 см. Селище расположено на территории трипольского и скифского поселений.

3. Западнее с. Парканы, у бывшей свинофермы колхоза им. Кагановича, находится селище, которое частично распаивается. Культурный слой тонкий.

4. В 1,3 км на юго-запад от Шолданештского ТФЗ, у опушки лесного урочища Пискарешты, находится крупное селище. Керамика круговая с волнистым орнаментом, на многих донцах сосудов имеются знаки мастеров. Среди находок имеются 2 фрагментированных сопла от сырдутых горнов, вылеплены они из огнеупорной глины, концы сильно ошлакованы. Территория распаивается на глубину до 25 см. Сохранность удовлетворительная. Частично селище расположено на позднетрипольском поселении.

Древнерусское городище

1. На мысу, образованном долиной реки Черна и оврагом, проходящим по юго-западной окраине с. Глинжены, у места, названного «Ла шанц», расположено древнерусское городище треугольной формы. Две стороны треугольника образованы обрывами, а третья ограничена глубоким рвом и насыпью вала. Глубина рва до 4 м, а высота вала до 3,5 м. Направление вала с северо-востока на юго-запад. Площадь городища до 1 га. На нем расположены виноградники. Вся территория сильно насыщена фрагментами древнерусской и скифской керамики, костями, камнями. На юго-западном склоне встречаются человеческие кости. На северо-западной стороне рва насыпан курган диаметром до 8 м и высотой до 3,5 м, вокруг кургана хорошо заметно кольцеобразное углубление. Можно предположить, что курган входит в систему оборонительных сооружений городища. На кургане встречаются, как и на всей остальной территории, фрагменты скифской архаической керамики, много камней.

Молдавские средневековые селища

1. На юго-западе окраины с. Мигулены, на правом возвышенном берегу ручья, расположено средневековое молдавское селище. Встречаются фрагменты сосудов, печных изразцов, сапожные подковки. Сохранность селища хорошая. Оно расположено на трипольском поселении и на селище «полей погребений».

2. В 0,4 км от с. Шестачь, вправо от дороги Шестачь—Кобыльня расположено молдавское средневековое селище подобное селищу № 1.

Молдавские средневековые кладбища

1. В с. Матеуцы, у места, носящего местное название «Изворул-куртэй», на могилах сохранилось 4 каменных креста.

2. В 0,4 км от с. Шестачь, на 0,2 км вправо от дороги Шестачь—Кобыльня, у места «Селище» сохранился каменный крест.

Курганы

1. Между сс. Попоуцы и Черна расположено 3 кургана, высота их не превышает 1,5—2 м. На среднем кургане почва сплошь перемешана с мелкими кусочками обожженной глины.

2. По прямой линии на север от с. Мигулены расположено 3 кургана. На поверхности первого кургана много мелких частиц обожженной глины. Высота не превышает 1,5 м. Второй курган выложен камнем, высота его 3,5—4 м.

Высота третьего кургана около 1,5 м. На 1 км севернее от этой группы расположен еще один курган, достигающий высоты около 4,5 м.

3. На 0,5 км восточнее лесного урочища Краина расположен приземистый курган. Найдены фрагменты скифских сосудов.

4. В 0,1 км от дороги Глинжены—Мигулены на краю виноградников имеется курган высотой до 1 м.

5. На правой стороне от дороги Мигулены—Шолданешты, в 1 км от с. Мигулены, имеется курган высотой около 1,5 м.

6. На возвышенности, слева от дороги Шолданешты—Шестачь, расположено 4 кургана. Самый близкий к с. Шестачь достигает высоты 5—6 м, высота остальных не превышает 2—2,5 м.

7. В 0,3 км от с. Шестачь, вправо от дороги Шестачь—Кобыльня, имеется один курган высотой до 1,2 м. На его поверхности встречены только фрагменты поздне трипольской керамики.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй луй В. И. Маркевич «Монументеле археоложиче дин базинул курсулуй инфериор ал рыулуй Черна»

Ын базинул курсулуй де жос ал рыулуй Черна, районул Резина, РСС Молдовеняскэ, ла 1 километру спре асфинцит де сатул Шолдэнешть, ыннанинте де вэрсаря рыулуй ын Нистру с'ау ынтрепринс черчетэрь ын кэутаря монументелор археоложиче ши а фост алкэтуитэ харта районулуй.

Ын тотал ау фост гэсите 91 монументе археоложиче: 2 сэлаше палеолитиче; 24 ашезэрь триполиче; 1 сэлиште дин вакул де фер тимпуриу; 18 цынтиримурь але сэлиштелор дин время счицилор; 2 хородиште дин время счицилор; 3 цынтиримурь векь дин время счицилор; 16 сэлиште але културий «полей погребений»; 4 сэлиште славе дин вакуриле VII—IX; 1 хородиште дин время славэ, 2 сэлиште дин вакуриле де мижлок молдовенешть; 2 цынтиримурь векь дин вакуриле де мижлок молдовенешть; 15 кургане.

Ун деосэбит интерес ынфэцэшазэ сэлиштеле дела ынчепутул милениулуй ынтый пэнла ера ноастрэ де лынгэ сатул Шолдэнешть ши цынтиримурь дела ынчепутул милениулуй ынтый пэнла ера ноастрэ де териториул заводулуй де ферментаре а тутунулуй дела Шолдэнешть.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- МФАН СССР — Молдавский филиал Академии наук СССР.
 ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы, МФАН СССР.
 ИИМК АН СССР — Институт истории материальной культуры АН СССР
 КС ИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
 ВДИ — Вестник древней истории.
 ГИМ — Государственный исторический музей.
 ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
 ОАК — Отчет археологической комиссии.
 АС — Археологический съезд.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи

	Стр.
Предисловие (Т. С. Пассек.)	3
Т. Г. Мовша, Глинобитное жилище раннетрипольского поселения Солончены I.	5
Т. С. Пассек, Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре.	15
Т. Г. Оболдуева, Курган эпохи бронзы на р. Когильник.	31
А. И. Мелюкова, Итоги изучения памятников скифского времени в Молдавии в 1952—1953 гг.	51
Г. Б. Федоров, Древние славяне в Молдавии	73
Л. Л. Полевой, К истории денежного обращения в юго-западной Руси и Молдавии	85
Э. А. Рикман, Археологические работы в 1954 г. на городище у с. Костешты	95

II. Материалы и сообщения

Г. П. Сергеев, Нефритовый топор из окрестностей с. Березка	113
Г. Д. Смирнов, Сахарнянский могильник II (Гура Гульбока).	117
Р. Л. Розенфельдт, Алчедарские курганы	121
В. В. Дубинса, Кремневое орудие из с. Баронча	127
В. И. Маркевич, Археологические памятники в бассейне нижнего течения реки Черна	131
Список сокращений	146

ИЗВЕСТИЯ № 5(25)
Молдавского филиала Академии наук СССР

Ответственный за выпуск С. Сырцова.
Технический редактор М. Козлов.
Корректор С. Воленберг.

*

Сдано в набор 11/V-1955 г. Подписано к печати 11/XI-1955 г.
Формат бумаги 70×108 1/16. Бумажных листов 4,62.
Печатных листов 12,67 Уч.-изд. листов 10,41.
Тираж 700. Цена 7 руб. 30 коп. ЛБ02344.
Заказ № 900.

*

Кишинев, 2-я Гос. типография. Советская 8.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
74	11 снизу	Поднестровье	Поднепровье
78	1 снизу	На Днестре	на Пруте
82	3 снизу	в Поднестровье	и Поднестровье
86	18 снизу	горошками	грошами
91	3 снизу	Сенда	Сенда
133	13 сверху	(Эдая)	(Одая)

Известия 5(25)

зак. № 1173 от 25.XI.55 г.